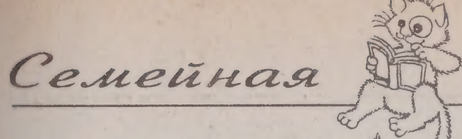

Сказочные

ПОВЕСТИ

Семейная библиотека

ТПО "Интерфейс"
Москва 1994

Семейная библиотека

Выпуск седьмой

Сказочные ПОВЕСТИ

СБОРНИК ПОВЕСТЕЙ – СКАЗОК
РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ТПО "Интерф
Москва 1994

С-22

Сказочные повести: Сборник (Выпуск седьмой) / Сост. Д. М. Исаков. — М.: ТПО «Интерфейс», 1994— 448 с., илл. — Сер. «Семейная библиотека».

В очередную книгу серии «Семейная библиотека» вошли произведения популярных детских писателей: С. Сахарнова «Гак и Буртик в стране бездельников», В. Каверина «О Мите и Маше, о веселом трубочисте и мастере золотые руки», «Много хороших людей и один завистник», «легкие шаги», А. Шарова «Кукушонок, принц с нашего двора». Г. Пакулова «Сказка про девочку Лею, короля Граба и великана Добрушу». А. Гайдара «Сказка про военную тайну, Мальчиша-кибальчиша и его твердое слово».

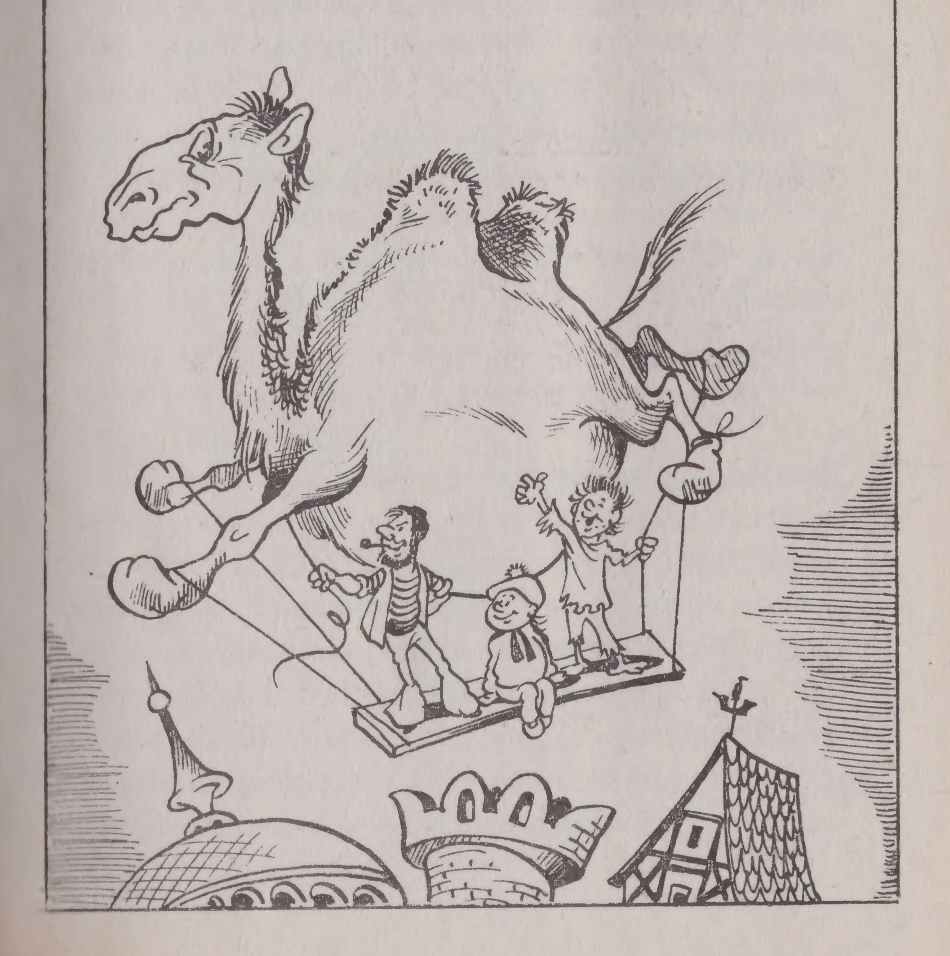
Автор проекта художественного оформления
серии «Семейная библиотека»
и компьютерная графика *Д. Исаков*
Иллюстрации *А. Шахгельдян*
Суперобложка *Е. Мешков*
В разработке макета серии «Семейная библиотека»
принимал участие *Г. Кундоус*
Технический редактор
и компьютерная верстка *В. Томилин*
Корректоры: *Е. Дюковлева, Н. Солнцева*
Аналитический маркетинг *Ю. Дементьев*
Финансовый директор *Е. Боровикова*

С $\frac{4702010201-016}{К27(03)-92}$ Без объявл.

ISBN 5-7016-0022-X

С.Сахарнов

ГАК И БУРТИК В СТРАНЕ БЕЗДЕЛЬНИКОВ

Глава первая,
с которой начинается повествование

Далеко на востоке, чуть левее того места, где восходит солнце, лежала когда-то Страна Семи городов. Она лежала там, где земля понемногу перестает быть плоской и начинает закругляться, где синее море сходится с желтым берегом, а черные горы, опускаясь, становятся зелеными полями.

В этой стране было всего семь городов, но зато жили в них люди, которые знали, что почем, и к любой работе могли приложить руки: кузнецы, каменщики, плотники, ткачи, маляры, корабельщики и парикмахеры.Да, да, парикмахеры, — ведь даже в сказочной стране кто-то должен стричь людям волосы и брить бороды.

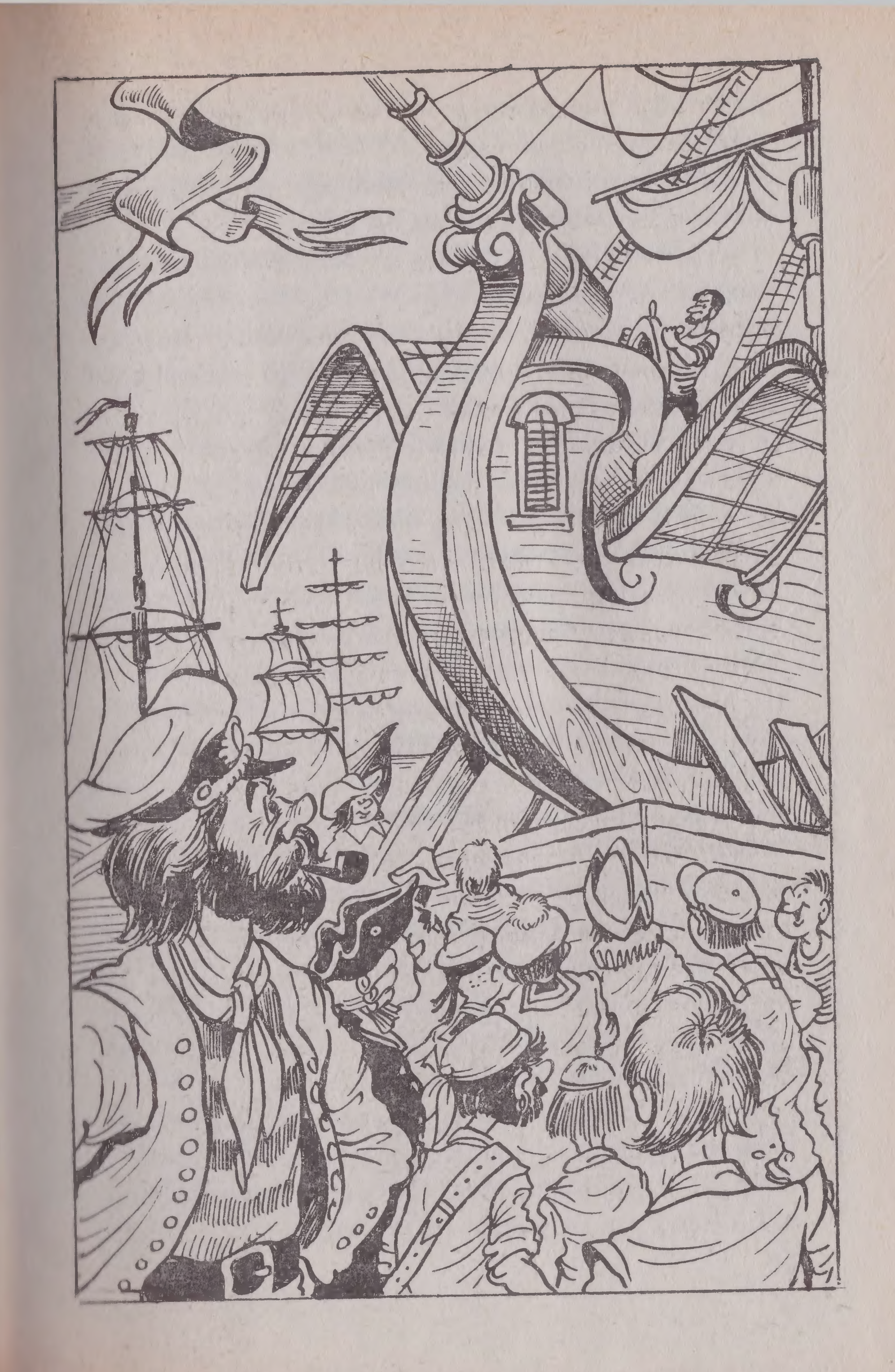
В тот день, с которого начинается наш рассказ, город корабельщиков гудел, как мельница, под крышу которой врывается свежий ветер. По прямым, как корабельные реи, улицам и запутанным, как корабельные веревки, переулочкам люди стекались к порту. Порт... Это там дымят с самого раннего утра тонкие трубы паровых судов и торчат, покачиваясь, как пики, поднятые к небу мачты парусников. Вода там ходит взад-вперед между причалами, а пучегла-

зые рыбы выскакивают из воды посмотреть, где сидят рыбаки с удочками.

Могучие кузнецы, плотники со светлыми полосками клея на ладонях, загорелые крестьяне из деревень, парикмахеры в белых халатах, наброшенных прямо на голое тело, — все собрались на портовой площади, чтобы не пропустить удивительное, необычайное зрелище, какого еще никогда не видел город. Они стояли бок о бок, теснясь, переругиваясь, пихаясь локтями, щелкая каленые орехи и семечки, горланя песни, наступая на ноги и вскрикивая от боли и нетерпения. Тысячи глаз были устремлены туда, где высоко над толпой на помосте стояло невиданное сооружение. Это был корабль — острогрудый, с блестящими выпяченными бортами, с гордо поднятым носом и изукрашенной кормой. Из короткой дымовой трубы, которая блестела, как грудь морской птицы, поднимался легкий дымок, начищенная до блеска паровая машина слепила глаза, флаг на мачте трещал.

Но самыми удивительными у корабля были не мачта, не флаг, не рулевое колесо с точеными рукоятками, самыми удивительными у корабля были — крылья. Еще какие крылья! Они были приделаны по бокам, подняты, как у чайки, и выгнуты, словно половинки хорошего лука. Сделанные из тонкого дерева, они были так легки, что сквозь них просвечивало солнце. При каждом движении ветра крылья покачивались и скрипели.

А между тем народ все прибывал, скоро на площади стало некуда упасть шляпе. Мастера, их жены,

ученики и подмастерья болтали, свистели на забежавших на площадь собак, сосали кубики жженого сахара, а принесенные женщинами на руках крошечные розовые младенцы плакали.

— Внимание! Внимание! — закричали наконец в разных концах площади, и все увидели, что на помосте появился коренастый бородатый моряк в серой, примятой ветром фуражке. Это был старший корабельщик Глеб Смола.

— Начнем! — сказал Глеб, который был не очень-то большой мастак произносить речи.

Два человека, которые поднялись на помост следом за ним, забрались на корабль. Один из них, высокий и широкоплечий, занял место у паровой машины, а второй, низенький и тонкий, стал у рулевого колеса.

Все замерло. Замолчали мастера, их ученики, жены и подмастерья. Перестали плакать дети, жаворонок, залетевший в город с полей, остановился в воздухе, едва шевеля крыльями, а похожее на кита синее дождевое облако, отстав от ветра, тоже повисло над городом без движения.

Высокий моряк повернул у машины кран, зашипел пар, завертелись сцепленные между собой колеса, огромные крылья дрогнули и поползли — сначала вверх, потом вниз. Вверх-вниз, вверх-вниз. Толпа, вся как один человек, охнула.

«Ччч-ук, чч-ук, чч-ук!» — все быстрее стучала машина. Крылья с тоскливым скрипом взлетали и падали, корабль раскачивался из стороны в сторону, но... и не думал отрываться от помоста.

Толпа сперва молчала, потом какой-то мальчишка тоненько рассмеялся. И тогда словно прорвало плотину — смех хлынул на площадь. Хохотали, утирая слезы, заливисто и тонко визжали, кашляли и отхаркивались. Толпа бурлила, сотрясалась, раскачивалась. Тот же мальчишка сунул два пальца в рот и заливисто свистнул — испуганные голуби, как брызги, взлетели над крышами. Стыд и позор!

Люди разошлись не сразу. Долго еще бродили они по площади, подходили к помосту, обсуждая неудачу, и, только когда облако, похожее на кита, уронило на них несколько капель, толпа начала таять.

Скоро около корабля остались всего три человека — Глеб Смола и два незадачливых воздухоплавателя.

— Ну что, — сказал Глеб Смола, — я ведь предупреждал вас.

Строители корабля переглянулись.

— И все-таки мы полетим, — сказал низенький. — Не сейчас — так в следующий раз.

Высокий кивнул.

— Ну-ну, — сказал старший корабельщик и вперевалку, не торопясь, пошел прочь.

Впрочем, у него было доброе сердце, и если бы он против обыкновения сказал еще несколько слов, друзья услышали бы от него, что он верит в них.

Но он ничего не сказал, и они снова полезли на корабль: нужно было разбирать машину и отделять от бортов крылья.

Этих двух упрямцев и неудачников звали: низенького — мастер Буртик, а высокого — мастер Гак.

А в небе, над остроконечными крышами портовых домов, по-прежнему висел, трепеща крыльями, жаворонок. Ему с высоты хорошо были видны и густые клубы дыма над городом кузнецов, и похожий на муравейник город каменщиков, и сверкающий красками город маляров, и все остальные города, и зеленые квадраты полей — все, что не смогли увидеть сегодня два мастера.

Глава вторая,

в которой читатель знакомится с двумя мастерами, а сами мастера покидают город корабельщиков

Гак и Буртик были друзьями.

Они строили корабли: грузовые пароходы и легкие парусники, быстрые катера и неторопливые баржи. Отличные суда, какие могут строить только мастера на все руки.

Дом, в котором они жили, стоял на краю города, у самого берега моря.

На его крыше торчала мачта, а на ней всегда развевался красно-голубой корабельный флаг.

Мастера просыпались рано. Если утро было солнечным и теплым, они выпускали со двора коробчатого змея с привязанным к нему рожком.

«Тру-ту-ту!» — пел на весь город рожок.

Разбуженные веселыми звуками жители выходили из домов. Запрокинув головы, они разглядывали парящего над городом змея, жадно вдыхали свежий воздух и говорили:

— Какое чудесное утро мы чуть было не проспали!

В дождь окна дома сами закрывались; стоило кому-нибудь взойти на крыльцо, как двери гостеприимно распахивались — это работали хитрые механизмы, придуманные мастерами.

Но была в доме одна вещь, особенно дорогая сердцу хозяев, — дубовая шкатулка, она стояла на столе в гостиной и была доверху набита чертежами. На пожелтевших от времени листах мчались необычные самоходные повозки. Струей била вода из насосов. Пыхтели и выпускали пар котлы, похожие на корабельные.

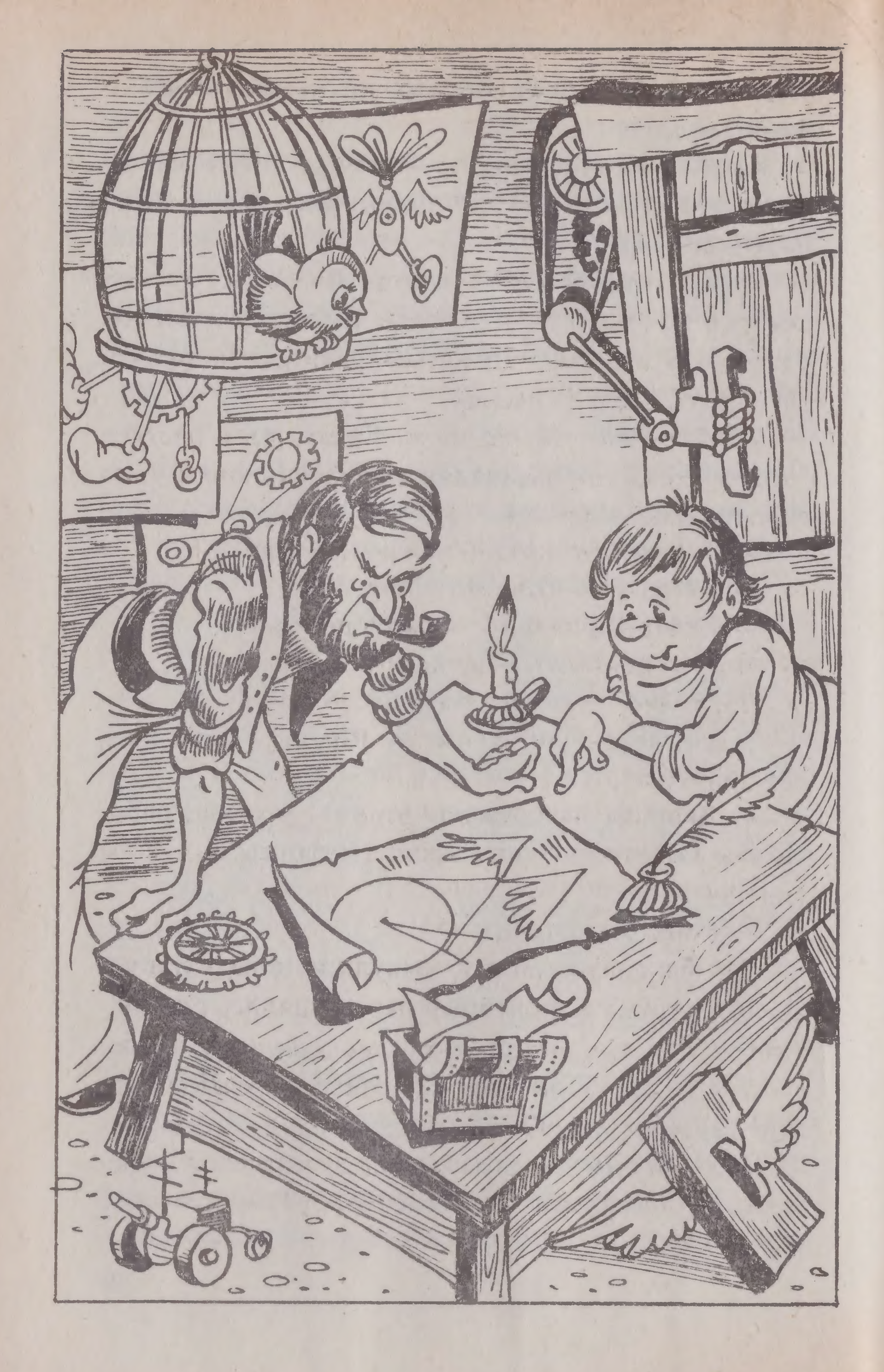
Впрочем, ни одну из этих машин построить было невозможно: надписи на чертежах были сделаны на каком-то непонятном языке.

Часто дождливыми зимними вечерами усаживались друзья около стола и, открыв шкатулку, перебирали чертежи, пытаясь понять: что за хитроумные машины изображены на них, что написано около и как эти машины можно построить?

Шкатулка, по рассказам, принадлежала древнему ученому, которого звали не то Алибаба, не то Ада-ада и который много десятков лет назад пришел издалека с народом, основавшим Страну Семи городов.

Особенно хорош был один чертеж, на котором была нарисована длинная остроносая машина с треугольным хвостом.

— По-моему, эта штука должна летать, — говорил Буртик, морща нос и разглядывая чертеж в

увеличительное стекло (оно всегда лежало вместе с бумагами).

— А по-моему — нет! — ворчал Гак. Но и он часто водил пальцем по стремительным линиям рисунка.

Еще в гостиной висела клетка. В ней жил ручной скворец по имени Бомбрамсель. Он жил у мастеров уже много лет, умел кланяться, садиться на руку и закрывать за собой дверцу.

Но Гаку этого было мало. Ежегодно, с наступлением весны, он выставлял клетку на окно и учил скворца разговаривать.

— Скажи: «птица», — приказывал он.

— Тр-рр-р! — отвечал скворец.

— Повторяй за мной: «труд и победа».

— Цок-цок-цок! — щелкал Бомбрамсель.

Да, видно, учить его было бесполезно!..

В день неудачного испытания мастера вернулись домой поздно.

— Два года! — злился Буртик. — Два года работы и — пых! пых! — ни с места. Ну что ты молчишь, как камень?

Гак пожал плечами.

Друзья зажгли лампу, вынули из шкатулки заветный чертеж и в который раз принялись его рассматривать. По желтоватому листу бумаги пробегали легкие тени, и казалось, что остроносый снаряд мчится, прорезая облака.

— Надо во что бы то ни стало разобраться в чертеже... — произнес наконец Буртик. — Разобраться — и строить.

— Я не против, — впервые согласился Гак.

Однако на следующий день случилось происшествие, которое все изменило, опрокинуло, поставило вверх ногами и оказалось началом совершенно неожиданных событий.

Буртик, возвращаясь в полдень домой, заметил двух человек в плащах и зеленых шляпах, которые крадучись вышли из их дома и быстро удалились по направлению к порту.

— Кто это? — удивился он. — Что им у нас надо? Видно, приходили по какому-то делу к Гаку.

Мастер вошел в дом. Гака нет: в первой комнате — никого, во второй — пусто.

Он хотел было еще раз кликнуть приятеля, как вдруг заметил, что на полу стоит открытая дубовая шкатулка. Мастер бросился к ней. Один чертеж... второй... третий...

В это время на улице послышались шаги, и в комнату вошел Гак.

— Послушай-ка, я все перерыл, нет летающего корабля! — воскликнул Буртик. — Смотри, — он навел увеличительное стекло на бумажный лист, — видишь, тут, тут и тут отпечатались пальцы!.. Они украли чертеж! Скорей в погоню!

Недолго думая, Буртик сунул увеличительное стекло в карман и выбежал из дома.

Гак широкими шагами последовал за ним.

— Цок-цок-цок, тр-рр-р! — испуганно защелкал им вслед Бомбрамсель.

Берегом канала мастера добежали до порта.

— Эй, парень, не видел тут двух людей? Очень подозрительные: в зеленых шляпах и ходят так, будто за ними крадется дюжина преследователей с ружьями, — спросил Гак матроса, который чинил парус своей лодки.

— Никогда не видел, как ходят те, за кем охотятся с ружьями, — ответил матрос. — Две зеленые шляпы уплыли полчаса назад на пароходе с белой трубой.

Мастера были в отчаянии.

— Скажи, а они не говорили, куда плывут?

— А как же. «Через три дня будем на том берегу», — сказал один. А второй добавил: «Славное дельце мы обтяпали» — и оба засмеялись.

— Засмеялись? — воскликнул Буртик. — Забраться в чужой дом и украсть чертеж — они называют славным дельцем! Негодяи! Чтоб мне больше никогда не видеть флага над нашим домом, если мы не догоним их и не отнимем краденое. Немедленно к старшему корабельщику!

— Мы догоним их, — поддержал его Гак.

Глеб Смола встретил мастеров у причала, где стояли корабли.

— Нам нужен пароход! — заявили ему друзья.

— Выбирайте! — ответил бравый моряк.

— Но нам нужен самый быстрый.

— Его нет. Я отдал его. Двое в зеленых шляпах. Добрый пароход — быстрый, как ветер.

— Ты отдал его? Все пропало! — воскликнули мастера в один голос.

Увидев их отчаяние, Глеб Смола предложил:

— Берите вон тот. Его скорость — двадцать узлов. Не успеете вы двадцать раз завязать и развязать узел на пеньковой веревке, как будете за горизонтом. А вот догоните ли вы их...

— Ерунда! — ответил мужественный Буртик, и через пять минут пароход с красной палубой вышел полным ходом из города корабельщиков в море.

Но прошло два дня плавания, наступило утро, а впереди не было видно никакого судна.

Буртик стоял на носу парохода и смотрел в бинокль.

Пароход летел как стрела.

— Ползем, как дохлая сороконожка! — проворчал мастер. — Дружище Гак, нельзя ли поднять пар?

— Можно! — отозвался его приятель и стал поворачивать кран.

Дым из трубы парохода пошел столбом.

— Самый полный! — скомандовал Буртик, и Гак ответил ему:

— Есть самый полный!

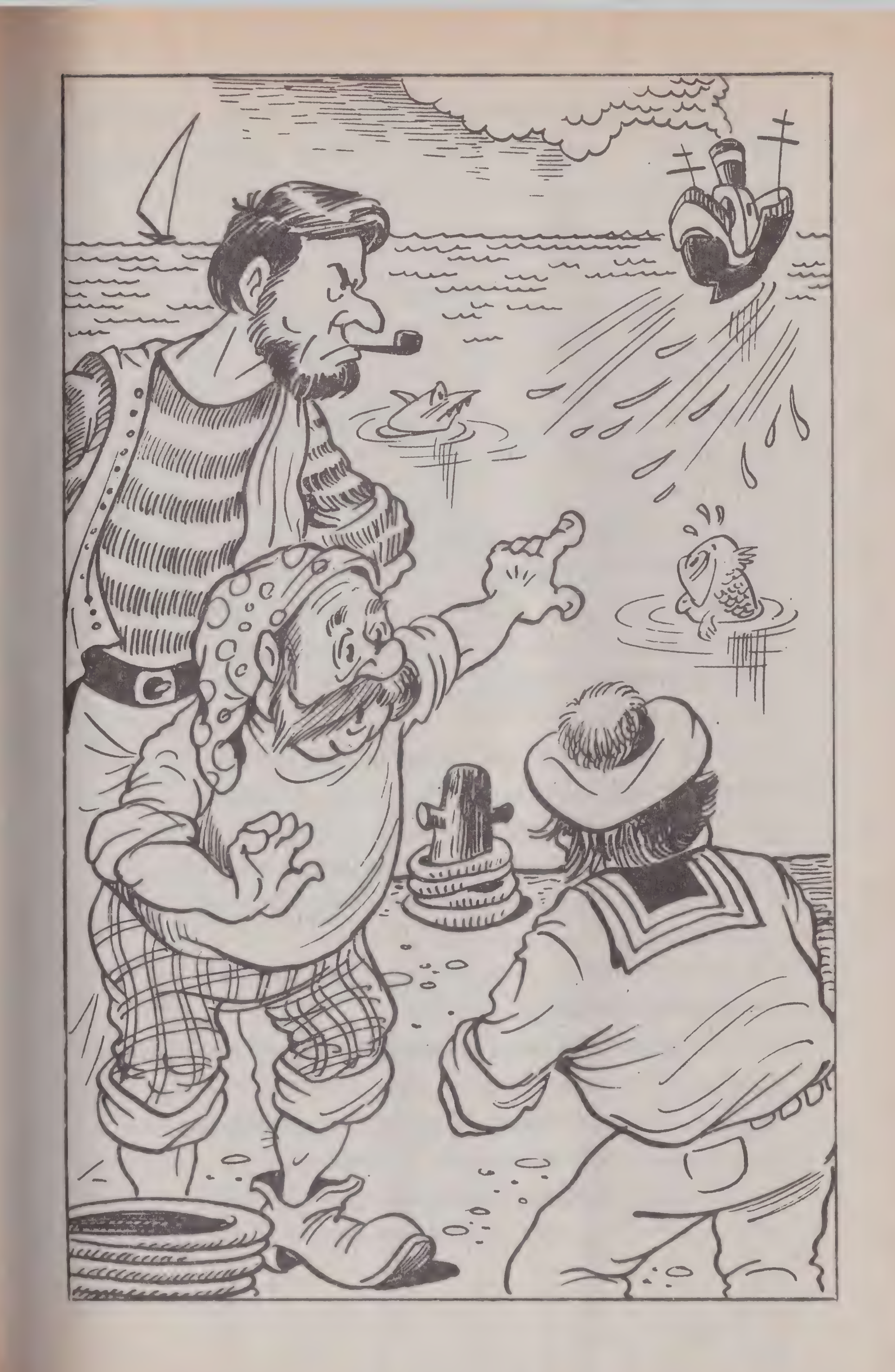
— Самый полный-полный!

— Есть самый полный-полный!

Ух и летел же пароход! Дымовую трубу согнуло ветром. «Трах! Трах!» — обрывались одна за другой веревки с мачты.

— Вижу пароход с белой трубой! — закричал Буртик. — Мы все ближе, ближе. Вижу две зеленые шляпы... Они в наших руках! Самый полный-полный и еще чуть-чуточку!

— Есть самый полный-полный и еще чуть-чуточку!

Мастер Гак повернул до отказа кран, и — бах-бара-бах! — пароход мастеров взлетел на воздух.

Глава третья,
в которой мастера оказываются в неизвестной стране

Фыркая и пуская изо рта фонтанчики, Гак и Буртик поплыли к берегу.

Пароход с белой трубой стоял уткнувшись носом в осклизлые зеленые камни, которые, как собачьи зубы, торчали из воды. На палубе парохода было пусто, разгуливала белогрудая, похожая на парикмахера чайка — корабль был покинут. Сойдя с него, мастера, мокрые, без шапок, обессилев, растянулись на песке.

Над их головами поднимались неприступные скалы. В воде плавали обломки их парохода. Пароход, на котором приплыли похитители, стоял неподвижно, задрав кверху изуродованный нос. Для плавания он был не пригоден. Возвращаться домой было не на чем.

— Вот и все... — мрачно проговорил Гак.

Буртик покачал головой.

— И все-таки надо искать. Надо вернуть чертеж, узнать, для чего его похитили, каким образом попали в нашу страну. Ты всегда повторял, что я могу рассчитывать на тебя. Идем!

Друзья принялись искать следы. Они отыскались скоро, начинаясь у самой воды, шли вдоль берега, а

затем круто поворачивали к подножию огромной черной скалы.

— Что за штука? Я потерял их! — пробормотал Гак, песок под его ногами был чист.

— Сюда! — крикнул его товарищ. — Они скрылись вот тут!

В скале чернела пещера. Буртик, не раздумывая, юркнул в нее. Гак, кряхтя, последовал за ним.

Ощупывая руками стены, мастера начали медленно продвигаться вглубь. В узком коридоре было темно. Летучие мыши, шелестя крыльями, испуганно проносились над головой. С потолка сыпалась за шиворот мелкая пыль. Подземный ход все круче шел вверх.

— Стой! — раздался в темноте голос Гака. — Дальше дороги нет.

Буртик повернул назад и, ощупывая руками камни, пошел вдоль стены.

— Есть боковой ход! — наконец воскликнул он. — Ступенька... Еще ступенька... В лицо мне дует свежий ветер. Впереди должен быть выход! Ого как тут круто!

Держась за руки, мастера лезли вперед. Под их ногами с шумом осыпались камни. Наконец блеснул свет. Последние шаги.

Перед ними расстилалась степь, поросшая редкой травой и кустами.

— Осторожно! — Гак схватил за рукав приятеля. — Сзади обрыв!

Буртик оглянулся и попятился: в двух шагах от них зиял провал. Внизу нестерпимой синевой горело море.

Друзья стояли на вершине скалы.

Невдалеке они заметили тропинку. Мастера зашагали по ней.

Пройдя по полю, тропинка свернула в кусты, попетляла между холмами и вышла на берег речки. Через нее был переброшен почерневший разбитый мост, а на другом берегу над прибрежными пологими холмами поднимались замшелые деревянные стены города. Стаи черных ворон, как клочья дыма, носились над покатыми дощатыми крышами. Около моста мастера увидели первого человека.

Это был долговязый парень в потрепанной одежде, который лежал под дикой яблоней раскрыв рот.

— Ну вот и первый здешний житель, — весело сказал Буртик. — Эй, парень, не видел, не проходили тут две зеленые шляпы?

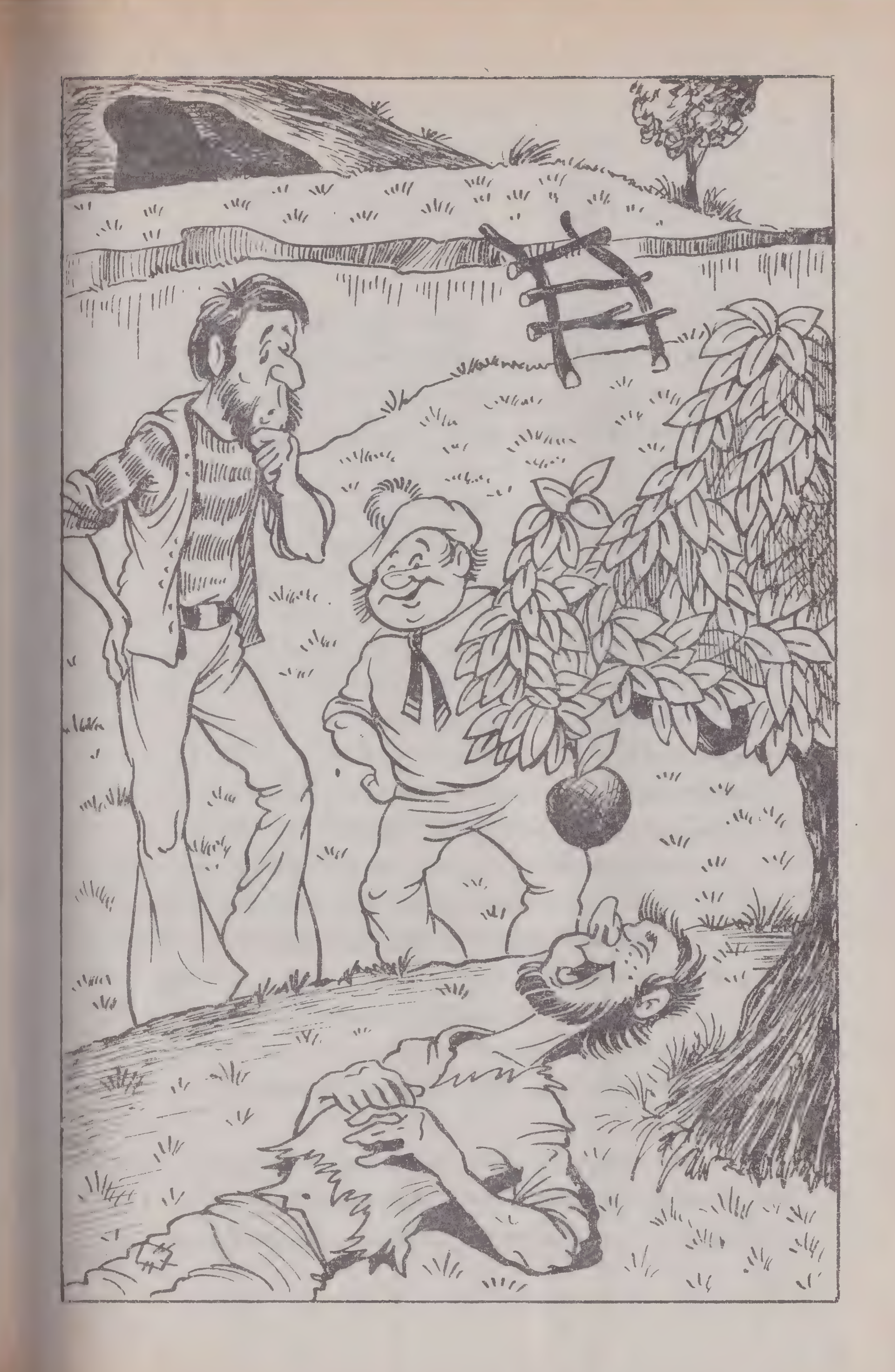
Лежавший под деревом не ответил и продолжал лежать, раздувая, как рыба, щеки.

— Можешь ты закрыть пасть? — рассердился Гак. — Тебя ведь спрашивают. Или ты очень занят?

В это время с ветки сорвалось яблоко и упало парню прямо в рот.

— Вот чего он тут ждет, — сказал Буртик. — Да, за таким занятием ему нет дела до тех, кто проходит мимо, или до тех, кто задает вопросы. Пошли, дружище, в город.

Они уже вступили на мост, когда Гак разглядел, что впереди у городской стены скользят, как тени, приближаясь к воротам, две человеческие фигуры.

— Держи их! — воскликнул мастер, и оба друга со всех ног бросились вперед.

Увы, когда они добежали до ворот, никого там уже не было.

Путаными кривыми улочками мастера углубились в город.

Странное зрелище представилось их глазам.

Дома в городе были деревянные, черные. Крыши, покрытые колотой, зеленой от времени щепой или вязками соломы, покосились, ворота домов упали. Доски в стенах торчали во все стороны. Там и сям угрюмо возвышались дощатые башни, пустые и заброшенные. Не лучше выглядели и жители. Они ходили в грязной одежде, были нестрижены, небриты, все с воспаленными глазами. Ногти на их руках завивались стружками. За стоптанными башмаками волочились оборванные шнурки.

Появление Гака и Буртика поразило горожан. Издавая возгласы удивления, они столпились около мастеров. Перебрасываясь короткими фразами, в которых были испуг и настороженность, они рассматривали гостей так, будто те только что опустились по веревочной лестнице с неба.

— Куда это мы попали? — удивился Буртик. — Эй, вы, послушайте, если кто-нибудь из вас знает...

Толпа отшатнулась.

— Можете не бояться нас, мы приплыли...

Еще шаг назад.

— Ты подумай, они не хотят разговаривать! А что за физиономии! — возмутился Буртик. — Они похожи на дикобразов! Впрочем, мы тоже хороши...

Взрыв парохода превратил одежду мастеров в лохмотья.

Гак отыскал в кармане иголку, Буртик — нитку, друзья уселись прямо посреди улицы, и работа закипела.

Однако вид работающих произвел на толпу и вовсе неожиданное действие: раздались крики ужаса, все бросились врассыпную.

— Стойте! — закричал Буртик. — Какая муха вас укусила? В чем дело?

Но отвечать на его вопрос было уже некому.

Друзья снова двинулись в путь.

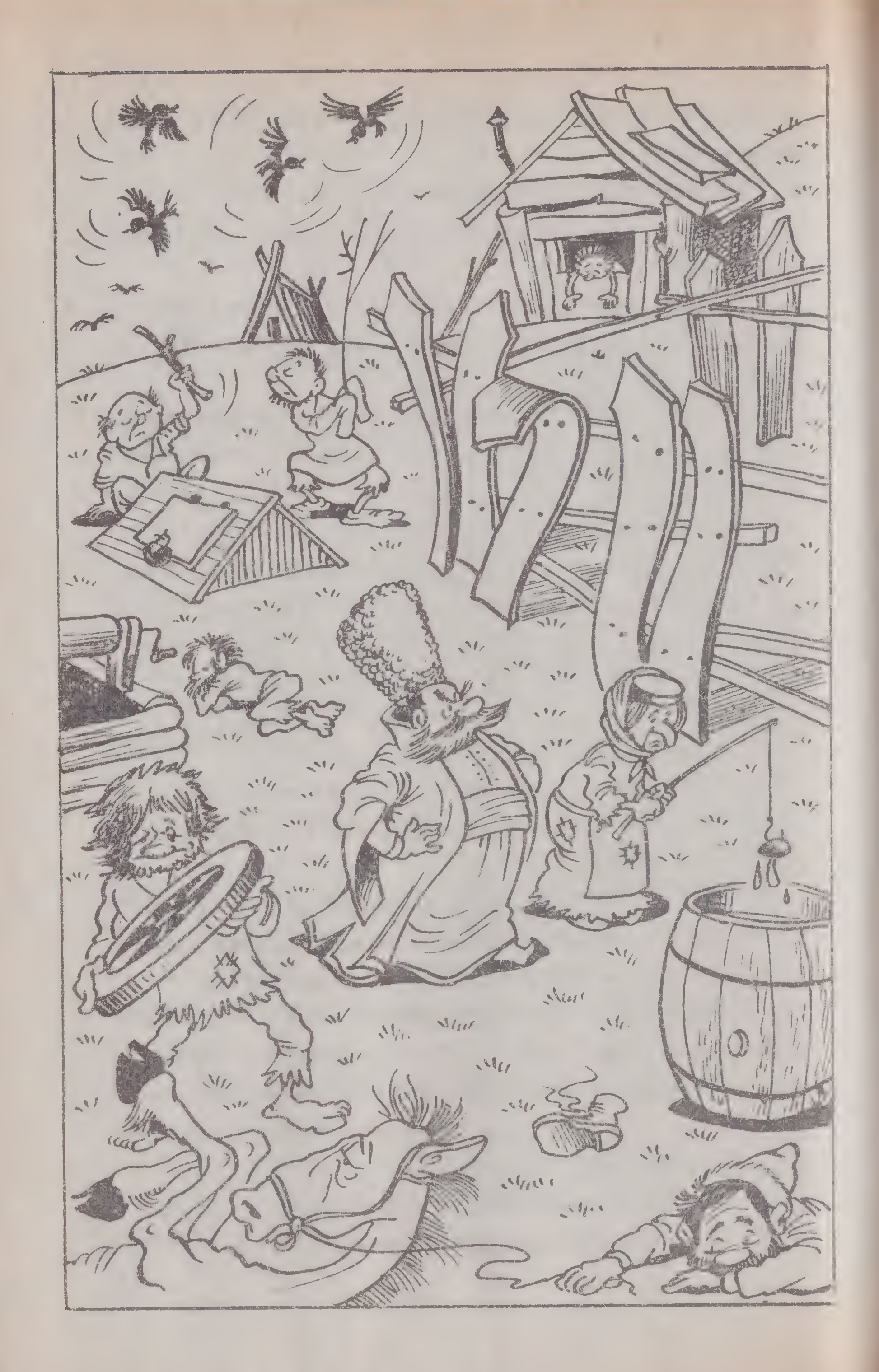
— Не пойму... — рассуждал Буртик, — что могло их так напугать? Ну сели два бродяги посреди улицы, ну подправили свои штаны и куртки, подобрали свои лохмотья... Ну и что? Однако дело к вечеру — надо торопиться. Вон за забором большой дом, идем туда!

Мастера вошли в открытые ворота и от удивления остановились.

Посередине заросшего лопухами двора чернел бревенчатый сруб. Крыша его стояла в стороне. Два дюжих молодца палками гоняли с нее ворон.

У сарая крючконосая старуха таскала из бочки удочкой соленые грибы. За ней наблюдал толстяк, одетый, несмотря на жару, в меховую шапку и валенки.

Неподалеку лежала вверх колесами телега. Четыре человека, повалив на спину костлявую лошадь, запрягали ее. Кончив, они поставили лошадь

на ноги, телегу — на колеса, сели в нее и не торопясь уехали.

Гак и Буртик растерянно переглянулись.

Первым заметил их толстяк. Вразвалку он подошел к мастерам.

— Кто такие? — недовольно пробасил он. — Почему бродите по городу? Вы не похожи на здешних.

Буртик стал объяснять, кто они и как сюда попали. Толстяк слушал отдуваясь и недоверчиво шевеля губами.

— Переплыли море? — наконец спросил он. — Не может быть. А есть ли у него вообще другой берег? Может быть, вы пришли через Лиловые горы? Может быть, вы грабители или, хуже того, ученые?.. Нет ничего ужаснее людей, которые делят числа пополам и отрезают хвосты у ящериц. Бр-р!

Буртик открыл рот от неожиданности.

— Мы не те и не другие, — прервал он толстяка. — Мы простые корабельщики. Строим корабли и пускаем их по морю.

— Строите?! — Толстяк попятился и побагровел.

Отойдя в сторону, он вполголоса сказал что-то своим людям, и те начали окружать мастеров.

— Но-но, — предупредил их Гак. — Хотите помериться силами? — Он помахал в воздухе своими огромными кулаками. — Идем, — обратился он к другу, — все ясно, тут все сумасшедшие, весь город сошел с ума.

Он первый направился к воротам, люди расступились. Буртик последовал за ним.

Никто не осмелился преследовать мастеров.

Дойдя до конца улицы, друзья наткнулись на полуразвалившийся сарай.

Уже темнело.

— Отличное место для ночлега! — сказал Буртик. — Открывай дверь, попробуем устроиться.

В сарае было тепло и тихо. Рядами стояли бочки. Пахло вином и сеном. Мастера растянулись на полу и, утомленные так странно закончившимся днем, сразу уснули. Но спали они чутко.

Разбудил их какой-то шум.

— А, в чем дело? — пробормотал спросонья мастер Гак.

— Тс-сс, — остановил его приятель. — Здесь кто-то есть!

Они замолчали.

— Человек! — шепнул Буртик.

В углу зашуршало.

Гак отправился туда и вернулся, таща за шиворот какого-то человека.

Открыли дверь. При лунном свете рассмотрели пойманного: он был невысок, в мятой одежде, с бородкой.

— Кто такой? — грозно спросил Гак, приподняв и встряхнув незнакомца. — Что ты здесь делаешь?

— М-меня зовут Нигугу, — испуганно ответил пойманный, барахтаясь в воздухе. — С ведома князя Мудрили я ищу вино. Два важных гостя — и ни одной бочки во всем доме.

— Стой, не тряси его! Он говорит любопытные вещи, — остановил Буртик приятеля. — Какие гости? Как они выглядят?

— Две пары грязных сапог и две зеленые шляпы. Все, что я видел. И чистили во дворе два ученика-бездельника...

— Зеленые шляпы! — радостно воскликнул Буртик.

— Ничего не понимаю! — прорычал мастер Гак. — Нигугу... Мудрила... Ученики, которые чистят шляпы... Где мы, в конце концов? В какой стране?

— Вы в Стране бездельников, — ответил ему человек со странным именем. — Не держите меня за шиворот, я расскажу все.

Глава четвертая,

содержащая историю Страны бездельников и рассказ о жизни Нигугу

Вот что Нигугу рассказал мастерам.

В давно прошедшие времена страна, куда попали друзья, была населена трудолюбивым народом. В ее городах и деревнях жили могучие кузнецы и старательные землепашцы. Жили быстрые ткачи и неторопливые шлифовальщики стекол.

Однако их жизнь была нелегкой. Страной правили князья, бароны, купцы и военачальники. Сколько ни работали крестьяне и ремесленники — все отбирали у них ненасытная знать и богачи.

В стране был король. Звали его Барбаран. Он жил в каменном дворце, окруженный стражею и придворными.

Однажды к королю пришел ученый по имени Алидада.

— Ваше величество! — сказал он. — Нам грозит большое несчастье. Я прочитал в облаках, что это лето будет необычайно дождливым. В реках поднимется вода и затопит всю страну. Надо спасать народ!

Алидада считался самым ученым человеком во всем государстве. Ему нельзя было не верить.

Тогда Барбаран созвал придворных. Подумав, они предложили выстроить в каждом городе высокие башни, в которых знатные и богатые люди могли бы переждать наводнение. А простой народ?.. Что ж, времени осталось мало — думать о его спасении некогда.

И король приказал выстроить для себя на одной из вершин Лиловых гор Железный замок, а ученого Алидаду бросить в тюрьму, чтобы тот никому больше не мог рассказать о предстоящем потопе.

Шли дни. В каждом городе выросли высокие, острые, как рыбья кость, башни. В Лиловых горах поднялись зубчатые стены Железного замка.

Народ строил их в неведении своей судьбы.

Но ученый Алидада не сдался. В тюрьме каждое утро ему приносили на оловянной тарелке гречневую кашу. Съев ее, он выбрасывал тарелку в окно. На тарелке вилкой было нацарапано обращение к народу.

Чем меньше дней оставалось до наводнения, тем горячее и убедительнее звучали призывы ученого. Тарелки подбирали и передавали из рук в руки. И

когда до катастрофы осталась одна неделя, народ восстал.

Вооруженные самодельными пиками и мечами, топорами и косами, ремесленники и крестьяне опрокинули отряды королевских стражников, разбили тюрьму, освободили ученого Алидаду и вырвались из обреченных городов.

Захватив женщин и детей, они ушли за Лиловые горы.

Злые и испуганные, наблюдали за ними со своих башен знать и богачи.

Народ ушел. Едва осела на дорогах пыль, поднятая тысячами башмаков, тяжелые грозовые тучи надвинулись на беззащитную землю. Хлынул дождь. Желтые потоки забушевали на полях. Реки почернели и вышли из берегов. Селения, одно за другим, скрывались под водой.

Скоро над волнами остались торчать только остроконечные башни, облепленные, как муравьями, пышно одетыми людьми.

Вода затопила города и деревни, смыла посевы и разрушила плотины. И лишь когда она спала, люди спустились с башен. Барбаран с придворными вышел из Железного замка.

Они уцелели, но оказались правителями без подданных.

В стране остались люди, знакомые только с одним трудом — едой и с одним искусством — искусством безделья.

Тогда Барбаран заперся в Железном замке и стал думать. Думал он месяц и полдня. Во второй половине дня он вышел к придворным.

— Знатные и достойные люди, — сказал он. — Нас предали и покинули. Некому кормить и одевать нас. Некому чинить мосты и сгонять в стада разбежавшихся овец. Но не печальтесь: беглецы без нас долго не проживут. Без мудрого правления они передерутся и впадут в нищету. Мы нужны им, как стаду нужен пастух. Они вернутся! Они придут и на коленях будут умолять, чтобы им разрешили вновь работать на нас. А мы не работали и не будем работать. Мы будем ждать.

И он объявил законы нового государства.

Труд в стране является преступлением.

Глава государства — король. Править ему помогают Таинственный совет, его члены — тайные бездельники — и правители провинций.

Все остальные жители делятся на бездельников первого разряда, бездельников третьего разряда и учеников-бездельников.

Для перехода в третий разряд ученики держат экзамен. Бездельниками первого разряда они становятся по выслуге лет, а в тайные бездельники попадают за особые заслуги.

Вначале были предусмотрены и бездельники второго разряда, но с ними произошел казус. Высечь на камне «Устройство страны» было поручено трем ученикам. Высекая текст, они поленились и пропустили слова «второй разряд». Когда об этом доложили Барбарану, он так восхитился, что перевел всех троих без экзаменов и выслуги лет прямо в первый разряд, а без второго решили обойтись.

2—931

Барбаран записал законы государства в Чернобелую книгу и умер, а Страна бездельников начала свое существование.

Шли годы. Народ не возвращался.

Вначале бездельники попробовали и впрямь ничего не делать, но очень скоро едва не умерли с голоду. Тогда время от времени решением Таинственного совета стали назначать пахарей, стражников, свинопасов, которые в меру трудились и не в меру жаловались на свою судьбу. Но удивительно: хотя в стране остались только самые отъявленные лентяи и лодыри, даже среди них то один, то другой, трудясь, превращался в порядочного человека! Преступников били палками и возвращали к безделью, но годы шли, а разброд и неразбериха в стране становились все больше и больше.

Последние годы государством правил король Подайподнос, а главными провинциями — хан Бассейн, барон Полипримус, князь Мудрила и несколько других выдающихся бездельников.

Мудрила был тот толстяк в меховой шапке и валенках, которого уже видели мастера. Он был не только ленив, но и глуп. Крышу своего дома он велел поставить на землю, чтобы легче было гонять с нее птиц. Любимую лошадь — чтобы та не уставала, пока ей надевают упряжь, — приказал запрягать, уложив на спину. Грибы в доме доставали из бочки удочкой, валенки носили летом, вино хранили на сеновале.

Немногим лучше был барон Полипримус, во владениях которого жил Нигугу. Но барон был

дряхл и никуда не выходил из своего замка. Поэтому Нигугу мог, несмотря на запрещение, работать и жил немного лучше других бездельников.

Однако его подстерегало несчастье: дочь Эта — девочка рассудительная и любознательная — научилась читать. Сама, по книжкам и картинкам, найденным на чердаке. Слух о необыкновенном ребенке распространился по стране. Однажды ночью в дверь постучали. В комнату ворвались вооруженные люди, схватили Эту и увели. Несчастного Нигугу на другой же день вызвал к себе барон и неожиданно назначил младшим смотрителем винных подвалов...

И вот сейчас он должен доставить в замок две бочки вина для таинственных незнакомцев в зеленых шляпах.

— Все! — закончил свой рассказ Нигугу и понурил голову...

Мастера долго молчали.

— Повтори, как звали вашего ученого, — наконец нарушил молчание Буртик.

— Алидада.

— Странное имя. Ты больше ничего не слышал о нем?

— Нет. Говорят, что с ним покинула нашу страну мудрость. Она была заключена в дубовую шкатулку.

Буртик вскочил на ноги.

Так вот какой народ, придя издалека, основал много лет назад Семь городов!

Вот чьи чертежи рассматривали они с Гаком длинными зимними вечерами!

Захлебываясь от восторга, он рассказал о своей догадке.

— Ну конечно, — спокойно отозвался Гак.

— А далеко ли замок барона? — снова обратился Буртик к бездельнику.

— Часа три быстрым шагом.

— Мы, кажется, напали на след, — сказал мастер. — Надо идти. Будешь показывать дорогу, — обратился он к Нигугу. — Только не вздумай нас предать!

— Не то прихлопну как муху! — пообещал Гак. И хотя угроза была произнесена не очень злым голосом, невольный их союзник поежился.

Мастера стали размышлять, как попасть в замок.

Скоро план был готов. Из винных бочек они выбрали две — пустую и полную. Буртик нашел за сараем поломанную тележку. Ее починили, и, чуть рассвело, взвалив на тележку бочки, все трое отправились в путь.

В это раннее утро на улице они оказались не одни.

Вдоль домов полз человек. Он то и дело оглядывался по сторонам и прятался. Это князь Мудрила, обеспокоенный появлением в городе странных и опасных людей, какими он посчитал двух мастеров, решил послать гонца со срочным и совершенно секретным донесением к королю. Чтобы никто не заметил и не остановил гонца, он велел ему не идти, а ползти на животе, выбирая самые окольные пути.

Когда мастера вышли из города, гонец уже прополз пол-улицы.

Глава пятая,

с описанием замка барона Полипримуса, а также приключений, которые имели в нем место

Замок, в котором жил барон Полипримус, стоял в густом лесу. Его кирпичные стены были покрыты зеленым мхом, во рву, окружавшем замок, молча копошились болотные жуки и плавали неслышные полосатые змеи.

Больше всего на свете Полипримус любил тишину.

Барон был сухонький, желтенький старичок. Целыми днями он бродил по пустым комнатам без туфель, в одних чулках, обнаружив храпящего в углу бездельника, наклонялся к нему, говорил: «Тс-с!» — и неслышно исчезал.

Даже мухи в замке ходили по потолку на цыпочках.

И вдруг, к крайнему неудовольствию хозяина, тишина и спокойствие в замке оказались нарушенными.

Вечером к воротам торопливо подошли два человека в запыленных плащах и надвинутых на глаза зеленых шляпах.

Барон выглянул в затянутое паутиной оконце и обмер: в двух незнакомцах, которые входили через подъемный мост, он узнал первых приближенных

короля, членов Таинственного совета и тайных бездельников — маркиза О-де-Колона и боярина Сутягу.

Хозяин в одной туфле выбежал во двор. И сразу же в замке захлопали двери, по лестницам загромыхали дубовые скамейки, из подвалов полезли на свет пузатые бочки.

Гостям отвели лучшую комнату — на втором этаже, с крепкими замками целыми стеклами. Усталые и злые, они приказали принести им в комнату вина, заперли дверь на ключ, упали на кровати и заснули мертвым сном.

Во дворе стали открывать вино. Бочки сделали «пш-ш-ш», и из каждой выбежало по голубому пауку. Вина не было.

Тогда-то барон и послал Нигугу в соседний город, к князю Мудриле.

Гости проспали уже сутки, а Нигугу все не возвращался.

Взбешенный и перепуганный, барон Полипримус не отходил от окна. Он то вытягивал шею, то поднимался на носки, то прикладывал к глазам ладонь, согнутую кривой дощечкой. Наконец, когда его терпение иссякло, на дороге, ведущей из леса, показался Нигугу. Он катил на тележке большую бочку. Вторую нес на плечах незнакомый барону высокий человек.

Бочки поставили во дворе и стали ждать, когда гости проснутся. Гак и Нигугу уселись около бочек на земле.

Гак исподлобья рассматривал двор.

— Что это? — спросил он, показывая на сооружение из колес, гирь и канатов, стоявшее около подъемного моста.

— Часы, чтобы поднимать и опускать мост, — объяснил Нигугу. — Их построили много лет назад. Вечером, ровно в девять часов, они поднимают мост, а в шесть утра опускают.

Гак присвистнул от неожиданности.

— Значит, ночью выйти отсюда невозможно?

Он глубоко задумался: «А как же Буртик? Если все удастся, утром пропажа чертежа обнаружится, а он еще будет в замке... Нельзя терять ни минуты». Сделав несколько кругов по двору, мастер как бы случайно подошел к часам и стал их рассматривать.

«Шестерни и колеса... Четыре каната от колес идут к блокам. На них висит мост... Ага, если переставить эти две шестерни и чуть-чуть подвинуть стрелки, изменится и время опускания».

Незаметно для часовых Гак начал переставлять шестерни.

Сонные бездельники не обращали на него никакого внимания.

«Готово!»

Он вернулся к бочкам.

— Дружище! — прошептал мастер, наклоняясь к одной из них. — Сегодня мост опустится ровно в полночь, когда зайдет луна. Будь готов и беги. Понял?

— Понял! — раздался из бочки голос Буртика.

Когда гости проснулись, барон Полипримус распорядился внести бочки к ним в комнату.

Гака наверх не пустили.

Зато Нигугу, попав в комнату, смотрел на похитителей во все глаза.

В комнате стояли две кровати. На одной сидел тощий человек с хищным носом и длинными черными усами. На другой — грузный коротышка с жабьим лицом. Это были маркиз О-де-Колон и боярин Сутяга.

Нигугу выбил крышку у бочки с вином, принес две кружки, поставил их на стол и, пятясь задом, покинул комнату.

Но усталые маркиз и боярин, едва попробовав вино, снова завалились на кровати.

Наступил вечер. Ровно в девять мост, скрипя, поднялся. Гак и Нигугу, лежа за рвом в кустах, с нетерпением ждали полуночи.

Между тем в комнате, где спали их враги, стояла полнейшая тишина.

«Ш-ш-ш... ш-ш-ш...» — волоча по полу голые хвосты, проходили из угла в угол крысы.

«Кувык!.. Кувык!..» — пела за окном ночная птица.

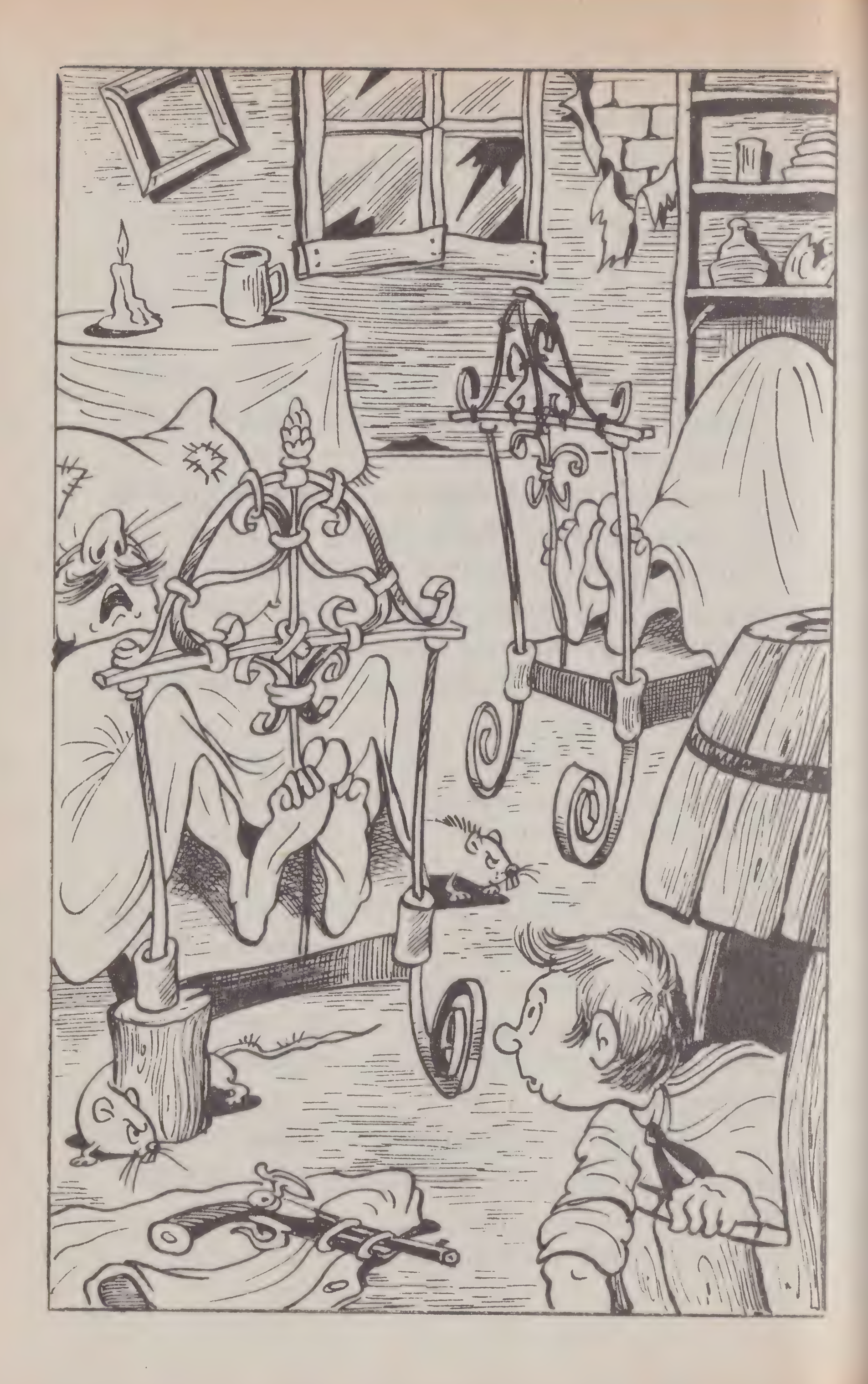
Бочка была тесной. У Буртика заболели ноги, потом зачесалась спина. Он пошевелил ногой, рукой... и вдруг через щелку в бочку проник свет.

Буртик уперся носом в доску и стал смотреть.

На столе горела свеча. По комнате ходили два человека.

— С рассветом на лошадей — и в путь. В Железном замке нас ждут, — скрипучим голосом сказал один.

Второй пошлепал губами:

— На лошадей? У меня и без них болят все печенки.

— Ничего, доедешь. Осталось немного.

— Тебе ничего...

— Зато скоро все пойдет опять как в старину. Народ будет работать, а мы... Они скоро забудут свои Семь городов... Проклятый Алидада — увести всех!

— Не ругай его. Старикашка еще поможет нам.

— Еще бы! Ведь в этом чертеже... Но тс-сс — нас могут подслушивать. Не выпить ли еще по кружке вина? Бр-р, какая кислятина! Может, в этой лучше?

Говоривший подошел к бочке, в которой сидел Буртик, и просунул под крышку лезвие ножа.

У мастера отчаянно заколотилось сердце.

Крышка скрипнула. В бочке стало светлее... еще светлее... Буртик, готовый к прыжку, сжался как пружина.

«Крак!» — нож щелкнул и переломился пополам.

В бочке словно потушили свет.

— Проклятие! — выругался человек. — Придется ложиться.

Заскрипели железные кровати, и вскоре комната снова огласилась храпом.

Буртик долго не мог прийти в себя.

Заговор против его народа, против добрых и веселых жителей Семи городов!

Между тем стихли последние ночные звуки, крысы отправились на покой, а ночные птицы, сделав последние несколько кругов над замком, улетели на добычу в лес. Замок затих.

Мастер выждал еще немного и начал осторожно разбирать изнутри подпиленные Гаком доски. Получилась дверца. Через нее он вылез наружу.

В окно низко светила луна.

«Значит, время еще есть!»

На кроватях вздыхали и посапывали.

«Плащи и куртки? Вот они — на полу». Буртик обшарил карманы. Ничего.

«Скорее всего — под подушкой».

Он сунул руку под голову одного из спящих. Тоже ничего.

Тогда он перешел на цыпочках к другой кровати. Человек на ней зашевелился. Буртик замер, потом тихонько провел рукой под подушкой и почувствовал, как его пальцы коснулись шероховатого угла бумаги.

«Вот чертеж!.. Теперь надо ухватить его. Двумя пальцами. Осторожно-осторожно. Слабо потянуть...»

В этот момент раздались пронзительный визг и скрип железа: подъемный мост, который должен был открыть путь ровно в полночь, со страшным шумом опускался.

Перепуганные бездельники вскочили и, увидев перед собой в темноте человека, дико закричали.

Буртик прыгнул в сторону. «Их двое. Оба с оружием. Поздно!» Он выбил ногой окно, прыгнул вниз и бросился по мосту вон из замка.

Едва Буртик успел присоединиться к товарищу, как со стороны замка послышался стук копыт. Кони

промчались по мосту, неясными силуэтами мелькнули между деревьями и скрылись за поворотом.

— Ушли! — воскликнул Буртик.

Гак сидел охватив голову руками.

«Какая неудача! Но почему, почему часы опустили мост раньше времени?»

Запинаясь, Нигугу начал объяснять, как идет день бездельников. И все стало ясно.

Для того чтобы раньше ложиться и позже вставать, бездельники считали время по-своему. До полуночи вечерние часы были у них коротенькие, и стрелки быстро пробегали их. Зато после полуночи каждый час был все длиннее и длиннее, и стрелки едва перебирались от одного к другому. Когда они подползали к шести утра, солнце давно уже стояло над головой.

— Додумались, — гудел мастер. — Испортили даже время! Ну и ну! Теперь воров не догнать... Идем, дружище. Починим пароход — и назад!

— Нет, — покачал головой Буртик. — Возвращаться нельзя. — И он передал разговор, подслушанный в комнате. — Против нашего народа готовится что-то ужасное. Мы не можем оставить чертеж в их руках.

— Но мы и не знаем страны. Куда идти? Кто поведет нас?

— Я, — неожиданно сказал, поднимаясь с земли, Нигугу. — Вы смелые и хорошие люди. Можете мной распоряжаться. Без Эты у меня нет дома. Я поведу вас.

Мастера переглянулись.

— А он славный бездельник, старательный и работящий! — сказал Гак. — Может, и верно возьмем его с собой?

— Я не против, — согласился Буртик. — Ну-ка, расскажи, как добраться до Железного замка.

— Я знаю дорогу, — сказал Нигугу. — Но путь к замку долог. Он лежит через всю страну, через пустыню и через непроходимые леса, которые кончаются у самых Лиловых гор.

— Только бы не опоздать, — сказал Буртик и подумал вслух: — Только все-таки зачем им чертеж? Что они хотят сделать с нашими городами? Почему они сказали: «Скоро все опять пойдет по-старому...»? Что это значит?.. Быстрее в путь!

Маленький отряд, покинув лес, в темноте вышел на дорогу.

Глава шестая,
самая короткая

Между тем в Стране Семи городов тревожился Глеб Смола.

— Куда они запропастились? — удивлялся старый моряк. — Подавиться мне старой акулой, с ними несчастье!

И на четвертый день после отплытия Гака и Буртика над городом корабельщиков взвился столб коричневого дыма и загудел колокол: «Бам! Бам! Бам!» От его ударов в домах дрожали стекла. Костер из пеньковых канатов горел и трещал. Глеб Смола созывал Большую сходку.

Большой сходкой в Стране Семи городов называли собрание самых лучших и самых опытных мастеров. Только они могли решать судьбы.

Стоя на носу парохода, старший корабельщик обратился к собравшимся с речью.

Как всегда, он был краток:

— Они в беде. Надо посылать корабли!

Перепачканные глиной каменщики, усталые ткачи, кузнецы, каждый из которых поднимал левой рукой трехпудовую гирю, и маляры, ни один из которых не поднял бы ее и двумя руками, все слушали Глеба и кивали. Товарищи в опасности! И даже те, кто свистел и насмехался в день неудачного полета, сейчас готовы были первыми идти на поиски.

Восемь кораблей вышли из порта в неспокойное море.

Глава седьмая,
где описывается, что видели друзья, путешествуя по Стране бездельников

День за днем шли приятели по стране.

Небритые лица мастеров почернели. Одежда запылилась, даже манерой говорить и молчать они перестали отличаться от бездельников. Никем не узнанные, а вернее, не заподозренные, мастера и их спутник упрямо продолжали свой путь. Перед их глазами зеленые леса сменялись бурыми заброшенными полями. Голубые реки пересекали пыльные серые дороги. Небольшие поселения, совсем крошечные города — все с остроконечными, тя-

нущимися к небу башнями — однообразной чередой проходили перед двумя корабельщиками.

Однажды друзья наткнулись на бездельников, лупивших палками молодого крепкого парня.

— Стоп! — остановился мастер Гак. — В чем дело, Нигугу? Что тут происходит?

— Его наказывают за работу, сделанную без разрешения Таинственного совета, — ответил провожатый.

— Наказывают за работу — ведь надо же! А ну, постойте-ка, приятели!

Видя, что на его слова не обращают никакого внимания, мастер подошел к бездельникам, сгреб за волосы и, подняв в воздух, стукнул лбами.

Оглашая воздух криками, люди с палками разбежались. Убежал и испуганный неожиданным спасением парень.

Бездельники, населявшие страну, оказались на удивление разными. Целыми днями валялись на солнцепеке далеко не все.

Были кипучие лентяи. Эти мотались из стороны в сторону, брались за все дела подряд и, ничего не сделав, валились к вечеру без сил.

Были лентяи вдумчивые. Такой мог днями сидеть над приготовленным к починке сапогом или листком чистой бумаги.

И наконец, случилось мастерам встретить бездельника-мученика. Проходя по улице маленького городка, они увидели человека, сидевшего на корточках. Здоровенный верзила, схватив его одной рукой за шиворот, вырывал другой рукой из головы

несчастного пучок за пучком волосы. Мученик громко стонал. По его шершавым щекам текли лиловые слезы.

«А-а, понимаю, в чем дело, — опять работа без разрешения совета!» Буртик бросился, растащил бездельников... и вдруг они оба обрушились на него с проклятиями и кулаками! Подоспевшие товарищи едва спасли мастера.

— Что случилось? — спросил Нигугу, когда поле боя осталось за путешественниками.

— Я спасал его! — объяснил Буртик и рассказал о пытке, которой подвергался бездельник.

— Что вы! Это же были два друга! Человек, сидевший на корточках, готовится в ученые. Ему необходимо как можно скорее стать лысым.

— Да ну? — удивились приятели. — А став лысым, какими науками он займется?

— Никакими, — будет носить звание ученого. Его лысина уже сейчас достаточна для получения степени магистра. Но бедняга, как видно, тщеславен и метит в доктора. Придется ему пожертвовать остатками волос...

Чем дольше шли мастера по стране, тем задумчивее становился Гак.

— А ведь здесь когда-то было неплохо, — однажды сказал он. — Хорошая была страна.

— Скоро останутся одни развалины, — ответил Буртик.

Перед ними лежали запущенные поля, рухнувшие мосты, остатки селений.

— Эта страна немножко и ваша, — тихо промолвил Нигугу.

Действительно, перед мастерами лежала земля, на которой трудились и жили когда-то их предки.

Как она изменилась!

И только дети оставались детьми.

Они с визгом носились по дорогам, обливали друг друга водой из луж, выспрашивали и узнавали все, что только можно узнать.

Как-то, проходя мимо ручейка, на котором стайка перепачканных грязью мальчишек и девчонок мастерила плотину, Буртик заметил:

— Смотрите, а ведь из них уже не получатся бездельники. Вон как ловко плетут они загородку!

— Бездельниками не родятся, бездельниками становятся, — возразил Нигугу. — Вы забыли, что их ждет. Когда дети подрастут, их отдадут в ученики. Там они изо дня в день будут наблюдать повадки взрослых. А когда забудут все, что узнали, и разучатся всему, чему научились в детстве, их допустят к экзамену... Между прочим, он состоится завтра в бывшей столице, которая лежит на нашем пути. Там же будут выбирать чемпиона бездельников. Хотите посмотреть?

Но Буртик уже не слушал его. Он сидел на корточках возле ребят и мастерил им из досок и палок водяную мельницу. Скоро поперек ручья выросла плотина, а на ней весело закружилось в радужных брызгах колесо.

— При-хо-ди-те! — закричали ребята, когда мастера двинулись в путь...

На другой день друзья вступили на улицы большого города.

Каменные дома с крутыми черепичными замшелыми крышами. Узенькие улочки. Над зловонными каналами — горбатые мосты. Башни, похожие на торчащие рыбьи кости.

Тысячи ворон, облепив карнизы домов, оглашали воздух пронзительными криками. На улицах было безлюдно. Одичавшие собаки рылись в кучах рыжего мусора.

Это была столица государства, покинутая Барбараном.

— Мы пришли вовремя. Не видно никого — все смотрят экзамен! — догадался Нигугу.

На городской площади, мощенной зеленым щербатым камнем, кипела пестрая разноголосая толпа.

Экзамен проходил в центре площади. Здесь стояли накрытые полосатой тканью столы, и двенадцать морщинистых старцев задавали вопросы юношам.

Экзаменовались два парня — тощий и толстый.

— Скажи, — обратился к тощему одетый в пышные лохмотья старик, — сколько будет, если к двум бурым свиньям прибавить еще две?

— Четыре, ваша мудрость. Четыре бурые свиньи, — подумав, ответил тот.

Старик покачал головой.

— А ты что скажешь? — повернулся он ко второму парню.

— Э?

— К двум свиньям прибавить еще две? Сколько всего?

— Восемь!

— Прекрасно! Сразу видно, что ты по-настоящему готовился стать бездельником... Теперь возьмите оба по молотку и забейте эти два гвоздя.

Парни вооружились молотками и начали вгонять гвозди в специально поставленный у стола обрубок дерева.

«Трах!» — толстый промахнулся и расплющил молотком палец. Бедняга взвыл от боли и запрыгал на одной ноге, держа палец во рту.

— Хорошо! — похвалили экзаменаторы. — Ты обращаешься с молотком, как бездельник первого разряда... С этим парнем все ясно, — решили они. — А вот второй — слаб. Он еще не все забыл и кое-что умеет. Придется ему прийти на следующий год...

— А теперь, — Нигугу потянул за руки мастеров, — идемте смотреть выборы чемпиона!

Борьба за этот почетный титул подходила к концу.

Друзья подошли к барьеру, за которым состязались участники.

Они были разделены на четыре группы.

В первой бездельники соревновались, кто глубже засунет нос в банку.

Во второй — кто дольше продержит на высунутом языке горошину.

В третьей — в правом углу площадки — стоял дикий шум.

Здесь, чтобы победить, надо было перекричать друг друга.

Верх брала толстуха в малиновой кофте. Она визжала, как поросенок, которого кладут в мешок.

Зато слева было тихо.

Соревнующиеся спали.

Один из них сидел в бочке с водой. Над поверхностью торчала только его голова с закрытыми глазами.

Второй спал лежа на битом стекле и ржавых гвоздях. Он сладко улыбался во сне.

— О, этот, чего доброго, станет чемпионом! — заметил Буртик.

Но он ошибся. Большинство голов в толпе было повернуто к сухому дубу, стоявшему на самом краю площадки. На нем висел вниз головой подвешенный за левую ногу человек. Он изредка шевелился во сне и посапывал. Это был бездельник по имени Бескалош. Он висел и спал уже шестой день кряду.

Народ ждал. Неожиданно послышался треск — веревка, на которой висел Бескалош, оборвалась, и он, не просыпаясь, упал прямо в объятия своих поклонников.

Крики «ура!» потрясли воздух. Судьи несли дубовый венок. Чемпион был избран.

Когда, покинув площадь, мастера и Нигугу вышли из города, в лицо им пахнул сухой горячий ветер. Впереди лежала пустыня — суровые владения хана Бассейна.

Глава восьмая,
из которой можно узнать о хане Бассейне, луне и дальнейшей судьбе мастеров

Жаркий сухой ветер, который гонял по пустыне колючие шары сухой травы и наметал песчаные валы около покинутых колодцев, только долетев до середины пустыни, мог услышать, подхватить и разнести звуки человеческих голосов. Только здесь сохранились дома — жалкие, слепленные из глины, и чахлая зелень — все, что осталось от некогда богатого города.

Среди домов и сохнущих на корню садов поднимались дворцовые стены. Второй месяц при дворе хана Бассейна никому не было покоя.

— Ничего не известно? Никто не объявился? — спрашивали друг друга бездельники.

Второй месяц с высокой башни, сменяясь каждый час, глашатаи выкрикивали:

— Бездельники и дети бездельников! Кто придумает, как без труда и затраты времени сделать имя нашего хана бессмертным, получит тысячу верблюдов и туфлю с ханской ноги! Торопитесь, бездельники и дети бездельников!

Хан гневался. Мрачный, он сидел, по-совиному сгорбясь на подушках, и ждал.

Никто не являлся, а прославиться ему было необходимо.

Деды и прадеды хана воевали. У него не было армии.

Деды и прадеды строили города. У него не было рабочих. Во дворцах дедов и прадедов трудились зо-

лотых дел мастера, и звездочеты прибавляли к тысячам звезд новые тысячи. Во дворце хана никто не умел держать в руке резец и не мог сосчитать до девяти.

Сегодня хан поставил у дверей своего любимого визиря Рахат-Лукума смотреть, не ведут ли выдумщика.

— Ведут! Ведут! — закричал наконец Рахат-Лукум.

В зал ввели почерневших от солнца и совершенно обессилевших мастеров и их спутника. Без еды, страдая от жажды, они шли восемь дней по следам похитителей, пока не повстречали бездельников Бассейна.

— Что придумали эти люди? — нетерпеливо спросил хан.

— О могущественнейший из ханов, они не придумали ничего! — упав ниц, доложили бездельники.

— Зачем же они здесь?

— О тень полудня! Эти люди, вместо того чтобы наслаждаться прохладой стен, путешествовали через пустыню, испытывая муки жажды и голода, — забормотал, стуча лбом об пол, один из бездельников.

— Смотрите, как они измучены, как стерты их ноги и как ввалились их глаза! — удивлялись придворные.

— Они просят накормить и напоить их, а потом вновь собираются идти через пустыню, — доложил второй бездельник.

— Это очень странно, о великий хан! — шепнул Рахат-Лукум. — Эти люди не бездельники. Они стремятся к тайной цели. Нельзя отпускать их.

Хан зевнул и сказал Рахат-Лукуму что-то на ухо.

— Неподвижнейший из неподвижных повелел удовлетворить просьбу несчастных, — объявил тот. — Они будут пить, есть и жить во дворцовой башне. Жить до тех пор, пока хан не решит, чем он еще может им помочь. А решит он это после того, как прославит свое имя!

Путешественникам не дали сказать ни слова, подхватили под руки и потащили из дворца.

Так мастера и Нигугу оказались в каменной башне. Башня была без окон, а сверху закрыта огромной деревянной крышкой.

Потянулись томительные дни. Часами шагали пленники взад-вперед, от стены к стене, страдая от нетерпения и злости и слушая, как вопят наверху глашатаи:

— Бездельники и дети бездельников! Кто придумает, как без труда и затраты времени сделать имя нашего хана бессмертным, получит тысячу верблюдов и туфлю с ханской ноги. Торопитесь, бездельники и дети бездельников!

Был вечер. Мастер Гак и Нигугу уже спали, когда их разбудил неожиданный стук.

Это Буртик барабанил изо всех сил кулаком в стену.

— Поосторожнее, — пробормотал Гак. — Что с тобой, решил пробить ее кулаком?

— Стены здесь толщиной два копья, — печально отозвался Нигугу.

Но Буртик не слушал их.

— В чем дело? — раздался наконец сверху голос стражника.

— Немедленно отведите нас к хану! — крикнул мастер. — Я знаю, как прославить его имя!

— Вот так раз, — удивился Гак. — Я было решил, ты и в самом деле придумал что-то дельное. Зачем тебе бессмертие этого болвана?

— Мне нужны верблюды, — тихо ответил ему товарищ.

Весь дворец уже знал новость. Прошло немного времени, и зал, в котором сидел поднятый с постели хан, наполнился бездельниками...

— Приблизься! — кивнул Рахат-Лукум мастеру. — Хан разрешает тебе говорить.

— Я слышал, великий хан, что ты хочешь сделать свое имя бессмертным... — начал Буртик.

— Говори скорее, что ты придумал! — прервал его хан.

— Медленный верблюд уходит дальше быстрой лошади. Пусть он скажет все, что думает, — шепнул Рахат-Лукум.

— Я и говорю, — продолжал Буртик. — Мы можем помочь тебе. Взгляни в окно. Что видишь ты на вечернем небе?

— Луну... — удивленно проговорил хан. — Но зачем она мне?

— А знаешь ли ты, всезнающий, что луна все время повернута к нам одной стороной и что никто еще не видел ее обратного лика?

— Ерунда! — возмутился Бассейн, но тут же вспомнил, что ему подобает быть сдержанным. — Ну и что же?

— Хан, поверни луну к земле другой стороной, и твое имя никогда не сотрется в памяти людей. Нетрудное дело, и оно не потребует много времени. Видал ли ты, как поворачивают камень, подложив под него конец копья? Надо только подыскать такой шест, чтобы хватило до луны, — и дело сделано.

— Что скажете вы на это? — обратился хан к присутствующим.

Те промолчали.

— Хорошо, я подумаю, — сказал Бассейн. — Отведите их опять в тюрьму.

— А как же награда?

— Слово хана нерушимо. Туфля и верблюды будут доставлены в башню! — выкрикнул Рахат-Лукум...

— Теперь вы понимаете? — обратился Буртик к друзьям, когда стражники вновь опустили их в башню и оставили одних. — Сейчас нам приведут тысячу верблюдов. Мы отдадим девятьсот девяносто семь стражникам, и они выпустят нас на волю. На трех верблюдах мы пересечем пустыню и достигнем Железного замка... Почему, однако, их не ведут? Мне надоело ждать!

Не успел он произнести эти слова, как люк приоткрылся и двое бездельников торжественно спустили на веревках тюк. Это была шкура верблюда, в которой лежала стоптанная туфля.

— Что это за шутки? — закричал Буртик. — Где верблюды? Я буду жаловаться хану!

— Не кричи! — проворчал сверху стражник. — Хан щедр: это больше, чем тысяча, — это все его верблюды. Их давно уже нет. Последний сдох в тот день, когда вас подобрали в пустыне. Вот его шкура.

— Обманули! Ограбили! — Буртик заметался по башне, барабаня в ее стены. Ханская туфля летала от ударов его ноги как мячик.

Что предпринять? Хан поймет, что над ним посмеялись, и тогда... При одной мысли о будущем мастерам стало не по себе.

Между тем в ханском дворце кипела работа. Самые долговязые из стражников и самые высокие из приближенных высыпали на балконы и старались дотянуться шестами и палками до луны. Сам хан дважды влезал на окно и, держа копье за острие, пытался ткнуть тупым концом в серебряный диск. Любимый советник Рахат-Лукум, помогая ему, выпал из окна и свернул себе шею.

Поняв, что его обманули, хан рассвирепел. Он приказал повесить наутро троих насмешников за уши на стене башни, а всякого, кто употребит в его присутствии слово «луна», бить палками.

— Что делать? Что делать? — шептал Буртик, бегая по башне. Теперь-то уж хан не поддастся ни на какую хитрость, не даст обмануть себя. Вот если бы у них были замечательные инструменты, оставленные в городе корабельщиков...

Он сунул руку в карман и неожиданно почувствовал в пальцах гладкую твердую чечевицу.

Зажигательное стекло!

Однако какую пользу можно извлечь из него в их положении?

Поджечь солнечным лучом... Но что? Во всей башне могла гореть только солома, на которой они спали. Перед глазами мастера возникла картина пылающей башни и дымного облака, стремящегося кверху...

— Мы спасены! — закричал он. — Слушайте меня, друзья, внимательно!

Глава девятая,
в которой события развиваются с ужасающей быстротой

Ночь кончилась. Круглая луна насмешливо улыбалась в бледно-розовом небе. Площадь перед дворцом была убрана коврами. Глашатаи, перестав обещать тысячу верблюдов, звали всех на место казни.

К восходу солнца вся площадь была заполнена. Бездельники стояли, переминаясь с ноги на ногу, и , вытягивая шеи, глазели на башню, откуда должны были вывести осужденных. Шесть ржавых гвоздей, по одному для каждого уха, лежали в карманах палачей.

Взошло солнце и стало быстро подниматься по небосводу. Шум на площади усилился.

На балконе дворца появился хан.

— Можно начинать! — приказал он.

Палачи по ступенькам поднялись на верхушку башни. Восемь стражников сдвинули с места крышку люка.

Первый луч солнца проник в башню. И вдруг изнутри ее вырвалась тонкая струйка дыма. Стражники отшатнулись.

Дым становился все гуще и гуще. Вот он повалил клубами.

— Они сожгли себя! — закричали в толпе.

В это время из открытого люка показалась горбатая спина верблюда. Подталкиваемый снизу, он пролез через люк, раздулся в громадный пузырь и стал подниматься вверх.

Раздались крики изумления.

Под верблюжьей тушей, парящей в воздухе, все увидели привязанную веревками доску, а на ней — три человеческие фигуры.

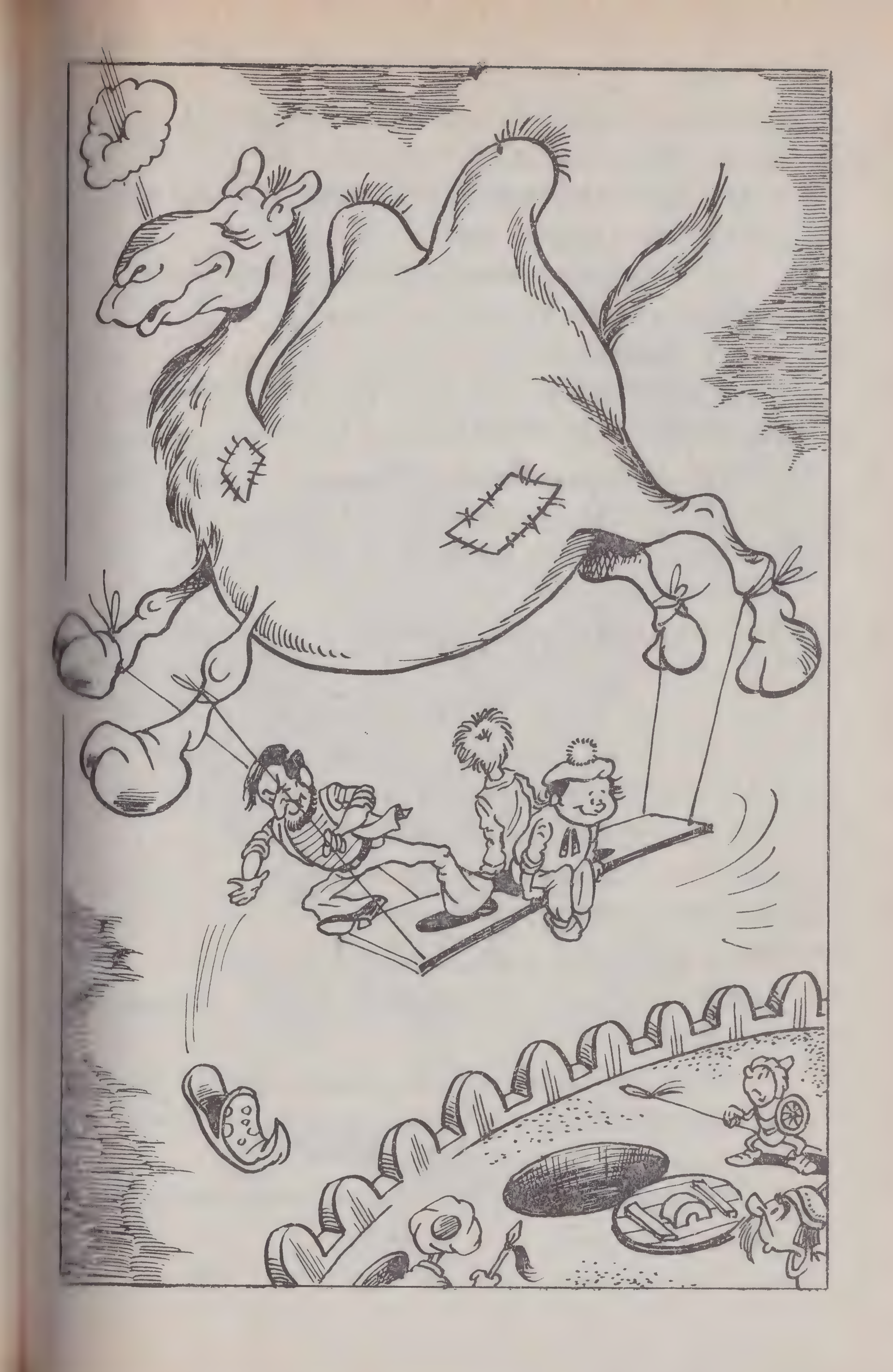
Когда шкура, надутая горячим воздухом, поднялась над дворцом, какой-то предмет сорвался с доски и шлепнулся к ногам Бассейна.

Это была стоптанная туфля.

Сшитый из верблюжьей шкуры воздушный шар поднимался все выше и выше, унося мастеров и их товарища от мести тщеславного хана.

Увлекаемый свежим ветром, шар пролетел над городом, оставил позади пригородные селения и понесся над пустыней.

Желтое море песка с черными полосами сухой травы проплывало под верблюдом. Утомленный

бессонной ночью, Нигугу спал. Мастера сидели на доске, свесив ноги, и смотрели вниз.

Солнце уже взобралось на самую макушку неба, когда Нигугу проснулся.

— Послушай, дружище, что это за горы вдали? — спросил мастера Буртик.

— Лиловые горы.

— Отлично! Значит, нас несет прямо к цели.

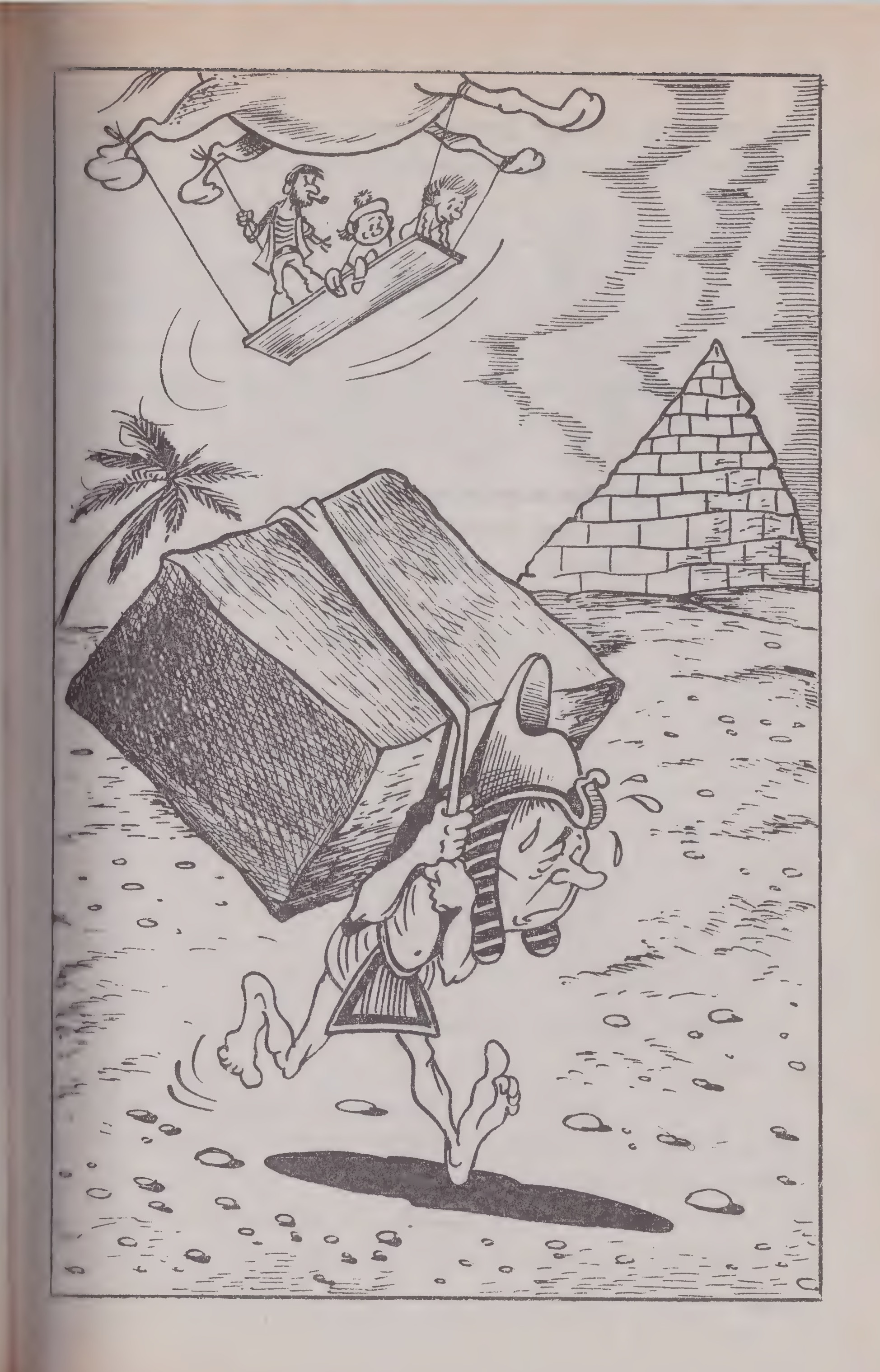
И мастера затянули веселую песенку:

Мы любим песню, любим труд,
А дружим навсегда.
И потому, а потому
Нам не страшна беда.
Хотя и знаем: труден путь,
Мы по нему пойдем,
Пока — тирим! — пока — тарам! —
Злодеев не найдем.
Никто не смеет унывать,
Пока есть верный друг
Есть цель, есть друг,
Есть друг, и цель,
И пара сильных рук...

— Смотрите, кто-то идет по пустыне! — воскликнул Буртик, указывая на черное пятнышко вдали.

Пятнышко приблизилось, и стал виден человек, тащивший на спине огромный камень. Куча таких же камней виднелась невдалеке.

— Один в этой глуши! Зачем он носит камни? — удивился Буртик.

— Настоящий труженик! — довольно произнес мастер Гак. — Приятно видеть его в этой стране лентяев.

— Нет! — возразил ему Нигугу. — Я знаю, кто он. Это такой же бездельник, как все прочие. Его зовут фараон Термос Двенадцатый. Его предки правили людьми пустыни, и каждый еще при жизни строил себе гробницу в виде каменной пирамиды. У Термоса Двенадцатого нет подданных, и ему приходится самому строить себе пирамиду. Но хотя работа эта и адски тяжела, настоящим трудом ее назвать нельзя — пользы она никому не принесет.

Шар, медленно раскачиваясь, пролетел над пирамидой фараона. Термос Двенадцатый, сбросив на песок камень, задрал голову и провожал усталым взглядом воздушный шар до тех пор, пока он не скрылся из виду.

День шел к концу. Лиловые горы все выше поднимались над горизонтом.

Солнце садилось. Стало прохладно. Воздух в верблюжьей шкуре остывал, и шар опускался все ниже. Пустыня кончилась. Впереди показался густой лес.

Шар уже летел над самой землей.

— Берегитесь! Берегитесь! — раздался взволнованный голос Буртика.

Громадное черное дерево мчалось прямо на шар. Удар! Доска разлетелась пополам, мастера и Нигугу грохнулись на землю.

Лишенный груза, шар взмыл вверх и понесся прочь над синими верхушками деревьев.

Воздушное путешествие окончилось.

Глава десятая,

где мастера достигают Лиловых гор

Густой темный лес стоял перед путниками. Поросшие мхом древесные стволы местами так тесно примыкали друг к другу, что между ними не могла бы проскользнуть и лиса. Узловатые корни, не находя под землей свободного места, переплетались и устремлялись вверх, чтобы лечь на мертвую палую листву. Долго брели спутники, пока однажды Нигугу не взобрался на дерево, а вернувшись, не сообщил, что Лиловые горы уже видны на горизонте.

Маленький отряд снова углубился в чащу деревьев.

Под ногами опять зачавкали гнилые, пропитанные водой листья. Спутанные ветви закрыли небо над головой.

День за днем брели мастера и Нигугу по лесу, обходя исполинские стволы.

И опять, чтобы не сбиться с пути, время от времени Нигугу залезал на деревья и смотрел, в какой стороне горы.

Однажды путь им преградило огромное коричневое бревно.

— Какое странное дерево! — удивился Буртик. — Почему оно все в блестящих чешуйках?

— Это змея, — ответил Нигугу.

Оба мастера отскочили в сторону.

— Не бойтесь! — успокоил их товарищ. — Она такая большая, что, когда хочет посмотреть на свой хвост, целый месяц сворачивается в кольцо! Идемте.

Все трое перелезли через тело змеи и пошли дальше.

По ночам — они проводили их, прячась между корней или в дуплах исполинских деревьев, — лес наполняли голоса выходящих на добычу зверей и тоскливые крики ночных птиц. Днем они несколько раз видели следы какого-то большого зверя.

— И все-таки какой мрачный, безжизненный лес, — сказал, рассматривая их, Буртик, — в нем не бегают ящерицы, не поют мелкие птицы... Здесь хоть живут какие-нибудь лесные люди?

— Живут, — согласился Нигугу, — в самой чаще живет племя проглотитов. Они совсем одичали от безделья, даже разучились одеваться и варить пищу — ходят нагишом и обгладывают кору с деревьев.

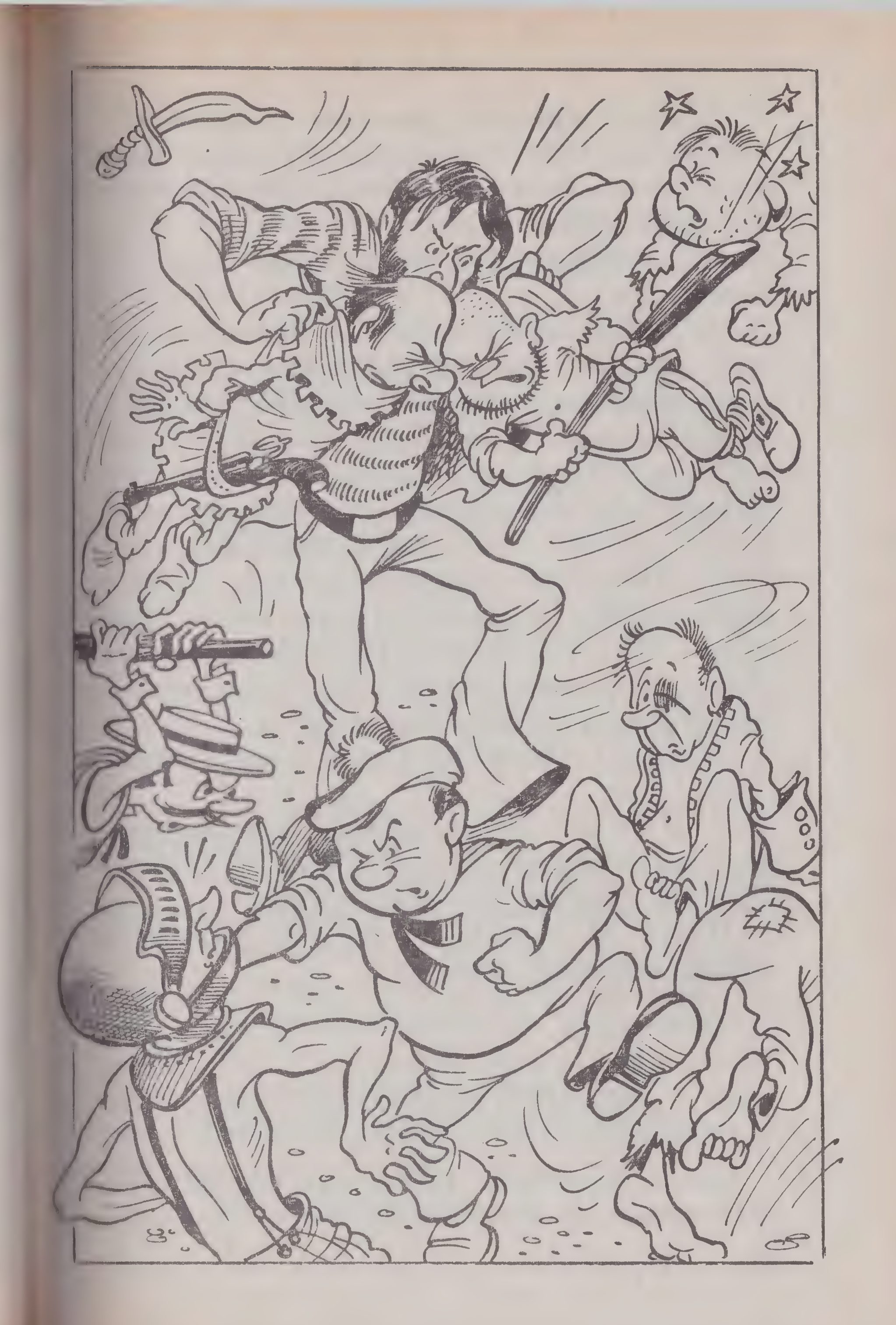
— Попадись они мне! — проворчал Гак и хлопнул кулачищем по стволу так, что сверху дождем посыпались листья.

Но вот настал день, когда Лиловые горы оказались уже совсем рядом, и мастера расположились на последний привал.

Всю ночь они просидели, обсуждая, как лучше проникнуть в Железный замок, а на рассвете поднялись и отправились в путь.

Но когда мастера скрылись из вида, кусты, около которых они сидели, раздвинулись и из них показалась голова боярина Сутяги. За его спиной поблескивали пики и топоры стражников.

Не подозревая, что они обнаружены, мастера вышли наконец на лесную дорогу.

План, придуманный ими ночью, был прост: поймать двух-трех бездельников из замка, переодеться в их платье и, проникнув в Железный замок, найти чертеж.

Наконец на мокрой от дождя дороге Нигугу заметил следы.

— Ага! — сказал Буртик. — Сделаем засаду здесь. Вон какие кусты растут у поворота!

Мастера и их провожатый весело направились к кустам, но не успели они достичь их, как кусты зашевелились, из них выскочили на дорогу вооруженные до зубов бездельники, окружили мастеров, бросились на них и началась потасовка. Гак валил противников в грязь, швырял их в кусты, сталкивал лбами. Наконец он прорвался через кольцо нападавших и очутился вместе с Нигугу на свободе, но, обернувшись, увидел, что Буртик с трудом отбивается от рассвирепевших бездельников.

— Беги! — крикнул он Нигугу, а сам повернул назад.

Увы! Силы мастеров убывали. К нападавшим подоспел еще отряд, и схватка окончилась. Мастера лежали на земле со связанными руками.

Нигугу не было видно нигде — воспользовавшись суматохой, он исчез.

Глава одиннадцатая,
про Железный замок и его обитателей

Замок, в котором жил король Подайподнос, стоял на горе. Он был окружен зубчатой стеной. Четыре башни, похожие на шахматные ладьи, возвышались в четырех его углах. Посредине торчала еще одна остроконечная башенка.

Крыши, пол, стены замка — все было сделано из железа. Наверно, поэтому жители его всегда ходили с шишками и синяками.

Внутри здания имелось множество комнат — больших, холодных и мрачных.

Самым большим, самым холодным и самым мрачным был зал Таинственного совета. Там находилась высокая, до самого потолка, каменная плита с высеченным на ней «Устройством страны» и стоял трон Подайподноса.

В этот день король занимался делами. Справа и слева от него стояли придворные. У ног, на низенькой скамеечке, сидела жена.

Королева Оклюзия была настоящей королевой. Она имела самую пышную прическу во всей стране, носила самые широкие юбки и боялась чертей и привидений больше, чем все остальные бездельницы, вместе взятые.

— Ваше бездельничье величество! — докладывал расфранченный и надушенный маркиз О-де-Колон. — Замечено вновь, что некоторые ваши подданные, пренебрегая ленью, попадаются за работой. Бездельник третьего разряда Гм без разрешения Таинственного совета и без ведома своего господина — тайного бездельника Пирамидона — самовольно починил ветряную мельницу. Вызванные по этому делу прибыли. Они ждут за дверью.

— Ввести этого разиню!

В зал вкатился сухой, как гороховый стручок, бездельник в пышном кафтане с грязными кружевами.

— Кто ты? — спросил король.

— Ва-ва-ваше ве-величество... — начал стручок.

— Я тебя понял — тебя зовут Пирамидон, и это твой слуга нарушил закон. Что ты можешь сказать в свое оправдание?

— Я ва-ва...

— Довольно! — прервал его король. — Ты убедил меня. Четыре удара толстой палкой по спине бездельнику Гм. Предупредить, что в следующий раз он будет повешен за ногу на крыле своей мельницы.

— Как мудро и как быстро! — воскликнул маркиз О-де-Колон. — Я слышу благородное сопенье этого преступника за дверью... Следующее дело обрадует ваше величество. Бездельник первого разряда, доктор поджелудочных наук Плюмбум О изобрел новые пробки для вина. С ними можно пить, не утруждая себя откупориванием бутылок. Изобретение состоит из дырки, просверленной в пробке. Я предлагаю в знак признания особых заслуг изобретателя присвоить ему титул тайного бездельника. Страна давно испытывает нужду в докторах наук — тайных бездельниках.

Подайподнос важно кивнул.

— Слава новому члену Таинственного совета! — закричали придворные. — Да здравствует доктор поджелудочных наук Плюмбум О!

Но тут среди придворных, толпившихся у входа в зал, возникло движение, раздались возгласы страха и удивления. В зал ввели двух мастеров.

Королева Оклюзия широко раскрыла глаза от любопытства. Знаменитая прическа, пышная, как корзина цветов, качнулась.

— Кто такие? — удивленно спросил Подайподнос.

— Потомки тех, кто покинул страну во время наводнения, — начал О-де-Колон. — Их руки в мозолях. Они пришли, чтобы...

Король приподнялся на троне и торжествующе обвел глазами присутствующих.

— Они пришли! — прогремел он. — Вы слышите? Они пришли! Пришли, чтобы умолять меня разрешить им вернуться. К плугам, к наковальням. К нам!.. Работать!.. Негодяи, долго же вы заставили нас ждать!

Лицо Гака налилось кровью. Он сделал шаг вперед, но его опередил Буртик.

— Ты ошибаешься! — крикнул он и стал перед королем, закрывая собой товарища. — Мы свободные люди и...

Последние слова мастера потонули в злобных криках.

Зазвенели мечи.

— Стойте! — раздался голос маркиза. — Стойте! Король слышал еще не все... Эти люди — опасные смутьяны. Слухи о них взбудоражили всю страну. Они сумели пройти от моря до Лиловых гор непойманными. Починили на глазах у народа свою

одежду. Переделали часы в замке. Смастерили из верблюжьей шкуры летательный снаряд... Спокойствие в стране поколеблено. Ими освобожден от наказания нарушитель, чуть не убит будущий ученый, изувечено два десятка стражников. Как теперь доверять закону? В чем искать защиту?

Но даже это не все. Дурной пример как болезнь распространился по всей стране. Повсюду дети мастерят мельничные колеса, делают запруды, и я предвижу, что на этом они не остановятся.

Наконец, самое главное: эти люди — злоумышленники. Они проникли в нашу страну, чтобы украсть нечто, принадлежащее вашему величеству... Их вина доказана.

Подайподнос побагровел от злости.

— Так вот зачем они явились!.. — протянул он. — Принести сюда Черно-белую книгу! Надо определить им наказание.

Два ученика-бездельника выбежали из зала и вернулись, неся в вытянутых руках толстую книгу с черными и белыми страницами.

Худенький подросток, одетый в белый балахон с желтыми звездами, вышел по знаку короля вперед и, открыв черную страницу, стал читать нараспев:

— «Если кто-нибудь построит снаряд, плавающий по воде, и прибудет в Страну бездельников, то этому преступнику...» Но дальше ничего нет, — растерянно сказал он.

Бездельники испуганно зашумели.

— Хм, — промолвил король. — Подайте книгу мне под нос!.. Действительно ничего нет... А-а, понимаю! Мой мудрый предок поленился дописать страницу!

— Как это по-королевски! — воскликнули придворные. — Только первый из бездельников мог так составить законы для своего государства.

— Почему эти люди так спокойны? От их взглядов у меня по спине бегают мурашки, бр-р, — вполголоса сказал маркизу король. — Пусть их судьбу решает совет.

Он жестом удалил бездельников. Мастеров увели. Громадный зал опустел.

Когда наступил вечер, в зале собрался Таинственный совет.

Совет действительно проходил самым таинственным образом.

Все окна были закрыты железными ставнями. Горела единственная свеча. Лица бездельников, желтые, с фиолетовыми дырками вместо глаз, еле различались в полутьме.

Зал был так устроен, что, когда говорили, нельзя было понять, откуда идет звук. Это было сделано, чтобы никто из заседавших не отвечал за то,что говорилось и делалось в совете.

— Члены Таинственного совета! — медленно начал чей-то голос в темноте. — Вспомните дни, когда непокорная чернь, вместо того чтобы тонуть у подножия Высоких башен, собралась толпами и под

водительством своих главарей и изменника Алидады ушла через Лиловые горы. Прошло много лет. Стерлись в пыль камни, по которым шли бунтовщики, но страна осталась. Остались мы — лучшие из достойных безделья. Однако жизнь в стране остановилась. Некому пахать и собирать урожаи, шить одежду и строгать кровати, пасти коз и мерить расстояния между Луной и Солнцем. Надо вернуть народ, иначе нас ждут голод, холод и, наконец, гибель...

При словах «голод» и «холод» по залу пронесся тихий стон. Желтые пятна закачались из стороны в сторону.

— Выход есть! — раздался резкий голос. — Двое из нас отправились год назад через Лиловые горы по следам ушедших. Они нашли страну и Семь городов, которые основали беглецы. Нашли шкатулку Алидады и добыли из нее самый важный из чертежей. Вот он...

В воздухе зашелестел невидимый лист.

— В нем наше спасение. На чертеже нарисована летательная машина, придуманная Алидадой, а на обороте записано, как делать изрыгающее огонь вещество, именуемое «порох».

Мы должны построить эту машину и сбросить горящие бочки с порохом на головы жителей Семи городов. Мы должны выгнать их из домов и погнать через Лиловые горы...

Говорящий на минуту умолк, и новый, гнусавый голос ликующе выкрикнул:

— ... назад в нашу страну!

В зал словно ударила молния. Желтые лица метались вверх и вниз, с грохотом валились скамейки, бездельники хрюкали и визжали от восторга.

Красное пламя свечи мигало как в бурю.

— Но как построить машину? — раздался вопрос, как только шум утих.

— У нас есть двое пленных. Они умеют все. Заставим их строить летающую машину и делать порох.

Под утро Таинственный совет постановил:

«Наказать двух пришельцев работой. Заставить их построить летательную машину и изготовить двести бочек пороху.

В помощь им отрядить две сотни бездельников потолще.

Чтобы разбирать слова, написанные на чертеже, приставить к ним на время работы королевского чтеца, обученного тайной грамоте.

Секретный надзор за ними поручить Главному придворному сыщику».

Это решение маркиз О-де-Колон и боярин Сутяга тотчас же передали мастерам.

— Ни за что! — сказал Гак.

— Ну нет, будем строить! — неожиданно согласился мастер Буртик.

Глава двенадцатая,
которая служит продолжением предыдущей

Первый раз в жизни друзья поссорились. Они сидели в разных углах каморки и не разговаривали друг с другом.

Прошел час.

Второй.

В дверь каморки постучали, и на пороге появился худенький подросток в балахоне с желтыми звездами.

— Эта! — представился он и грустно кивнул головой.

— Эта? — переспросил пораженный Буртик и вдруг понял, что перед ним девочка.

— Эта? — повторил он. — Дочь Нигугу?

— Мой отец!.. Вы знаете его? Что с ним?

Узнав, что она среди друзей, что отец ее жив и находится на свободе, девочка растерялась от радости. В замке ее давно убедили в том, что отец умер.

— Я буду помогать вам чем могу! — взволнованно говорила она. — Но, пожалуйста, очень прошу, не оставляйте меня здесь, помогите вернуться домой! — При этих словах она заплакала.

Успокоив девочку, мастера сами начали задавать ей вопросы.

Вот что узнали они.

В далекие времена в стране многие умели читать и писать, а некоторым была даже известна тайная

грамота, которой записывались самые важные открытия и законы. Но после Великого наводнения учиться стало некому. Шли годы, последний из грамотеев — тайный советник Аскофен — под тяжестью лет и безделья стал слепнуть и еле волочил ноги. Черно-белая книга покрывалась в сундуке пылью. Законы толковали кто как хотел. Стране угрожало безвластие.

Когда весть о чудесной девочке донеслась до Железного замка, Подайподнос распорядился доставить ребенка к нему. Эту привезли и отдали в обучение Аскофену. Не прошло и месяца, как она постигла тайную грамоту. Тогда Черно-белую книгу достали из сундука и хорошенько почистили. Закон был восстановлен.

— Ведь это так просто — восстановить закон, — рассказывала девочка мастерам. — Нужна только большая тряпка... А теперь я должна прочитать вам одну старинную бумагу, которую привезли недавно из-за моря.

Эта достала из рукава свернутый трубкой пожелтевший лист.

— Наш чертеж! — воскликнул Буртик. — Смотрите, вот она — летающая машина. Читай, скорее читай!

Эта развернула лист и под рисунком остроносой машины прочла вслух:

— Ра-ке-та.

Так вот что изобрел много лет назад великий Алидада!

Не тяжелый, обшитый досками корабль с неуклюжими крыльями и слабой паровой машиной, а стремительная огненная ракета должна оторвать человека от земли и завоевать для него небо — считал ученый.

Водя пальцами по чертежу, Эта прочла, как построить ракету, движимую порохом, и как сделать порох из угля, серы и белого порошка — селитры.

— Ракета, ракета, ракета! — пел Буртик и хлопал в ладоши.

— Не сердись, дружище, — с горечью промолвил Гак. — Теперь и я сообразил — строить машину надо.

— Вы хотите улететь? — испуганно спросила Эта.

Буртик кивнул головой.

— Но вам не позволят даже подойти к машине, когда она будет готова. В замке говорят, что после постройки корабля вы будете заживо замурованы в стену.

— Чепуха, не построена еще такая стена!.. Так... так... Но что же придумать?

Придумать сразу они ничего не смогли.

Шел день за днем. Мастера то часами просиживали с Этой, слушая ее рассказы о нравах королевского двора, то мрачно бродили по замку.

Между тем Таинственный совет не дремал.

Были собраны сто первых бездельников — самых толстых и самых сильных. Их привели в Железный замок, собрали со всей страны последние пилы, гвозди и молотки и доложили королю, что к началу работ все готово. Дело было за пленниками.

Маркиз О-де-Колон и боярин Сутяга каждый вечер приходили к ним и спрашивали: прочитан ли чертеж?

Даже сам начальник королевской стражи — закованный в железо, в шлеме с глухим забралом — несколько раз попадался мастерам у дверей их каморки.

Все следили за ними, все торопили.

Надо было приступать к работе.

Как-то раз Буртик, подойдя к окошку, обратил внимание на остроконечную башенку, возвышавшуюся над замком.

— Занятная штука, — пробормотал он. — Послушай, Эта, что находится в башенке?

— Она пустая и вот-вот упадет, — отвечала девочка. — Зачем она вам?

— Пустая... пустая... Почему мне не приходило раньше в голову: ведь она похожа... Гляди, дружище! Только приделать хвост!

Гак взглянул через его голову и ахнул: тонкая, длинная, с острым шпилем, башенка стояла нацеленная в небо, будто готовая к полету.

А бездельники? Как отвлечь их внимание?

— Постройте им... все равно что... что-нибудь такое, вроде птицы... Большое, с крыльями, — сказала Эта.

— Придумал! — Гак грохнул ладонью по столу. — Они хотят летать? Ладно! Пусть строят корабль. Как мы когда-то: с мачтой, рулем и с крыльями. Только без машины. Работы хватит на целый год. Когда они поймут, что такие корабли не летают, будет поздно...

Произнеся такую большую — самую длинную в своей жизни — речь, Гак замолчал и больше до самого вечера не проронил ни слова.

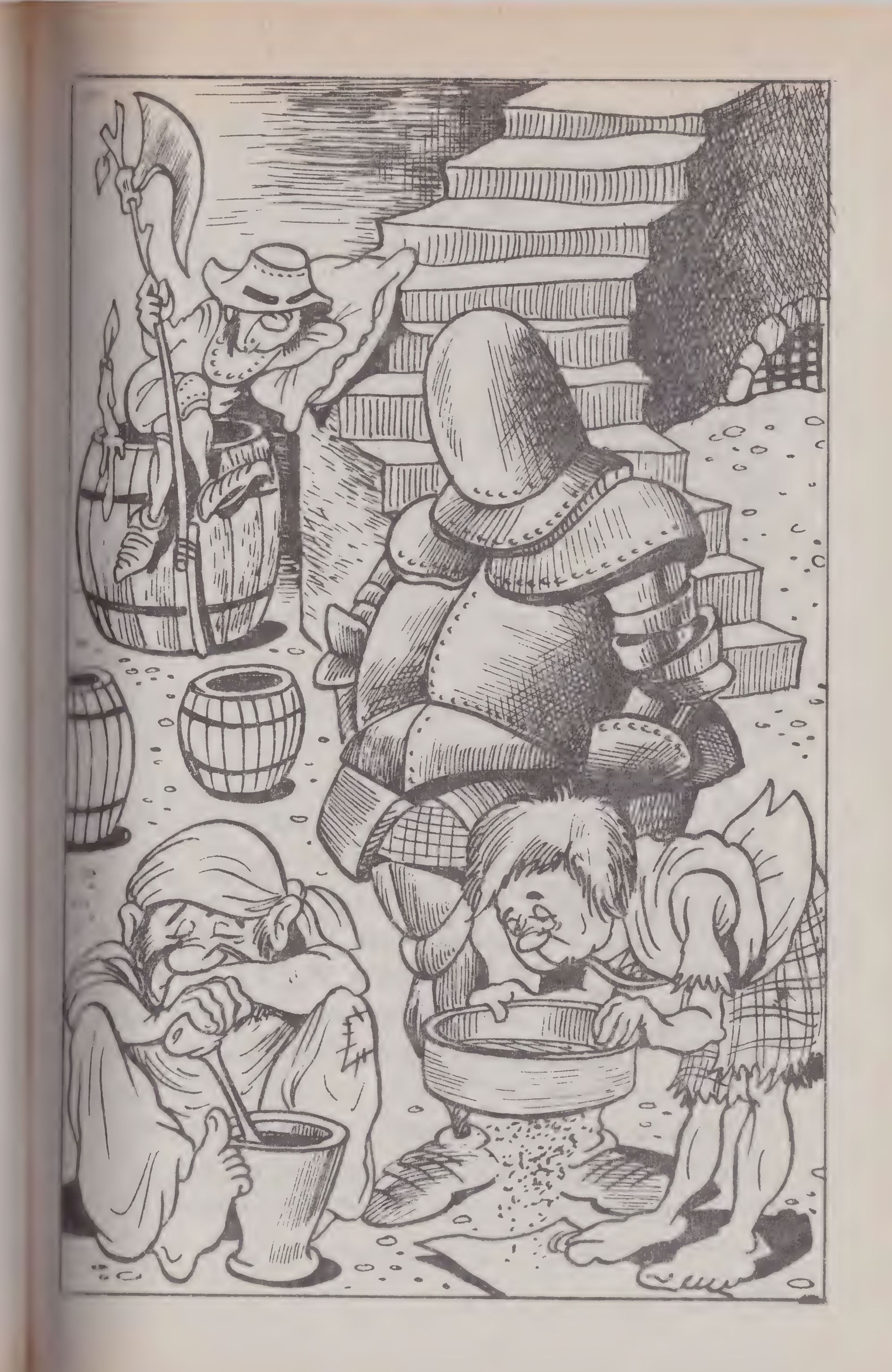
Решено было строить два корабля: деревянный — для отвода глаз и железный — для побега. Бездельникам Эта сказала, что башенку надо переделать, чтобы кораблю было удобно причаливать к ней в воздухе.

На другой день работа началась.

Днем мастера сколачивали на верхней площадке замка, у самой крыши, корабль с круглыми боками, кривым разукрашенным носом и высокой кормой. Ночью — рубили от стен замка куски железа, плющили его в пластины и приклепывали к бокам остроконечной башенки.

Работа двигалась медленно. Бездельники, которые подносили мастерам бревна и доски, спали на ходу, все валилось у них из рук.

Пригнали еще сотню лодырей, не таких толстых, но таких же ленивых. Их послали в подвалы готовить порох.

Мастерам пришлось разделиться: Гак остался наверху, Буртик пошел вниз.

Когда первые бочки с порохом были готовы, в подвал поставили часового. Им оказался знакомый мастерам чемпион бездельников — Бескалош.

Лентяи, понукаемые мастером Буртиком, дробили серу, терли в порошок березовый уголь, сеяли селитровую пыль.

За стеной на бочке с порохом мирно похрапывал часовой.

Глава тринадцатая,

про то, как у Глеба Смолы появилась на лбу шишка

Корабельщикам, которые отправились на поиски, не повезло.

Свирепый шторм разбросал флотилию в разные стороны и целый месяц носил корабли от одного пустынного острова к другому.

Ничего не найдя, они вернулись.

Потянулись тревожные дни. Одна за другой отправлялись новые экспедиции. Маленькие пароходы появлялись у покрытых снегом северных берегов и у красно-коричневых скал юга. Но о пропавших вестей не было.

Глеб Смола с пятью верными матросами искал усерднее всех. Они обшарили каждый остров, каждую бухту и только глубокой осенью напали на след двух товарищей.

Однажды корабль Глеба после длительного плавания подошел к берегу. Крутые угрюмые скалы нависали над прибрежным песком. Из воды там и сям торчали острые, как змеиные зубы, камни.

— Не хотел бы я распороть на них свое брюхо! — проворчал старый моряк. — И тут ничего нет... Постойте, а это что такое? — Он навел на берег подзорную трубу. — Пусть меня сдует ветром, если это не судно! Все наверх! Лево на борт!

Корабль подошел к остаткам парохода, брошенного когда-то маркизом О-де-Колоном и боярином Сутягой.

— К берегу!

Толчок — и корабль Глеба уперся носом в береговой песок. Надо было искать следы пропавших.

Шестеро моряков направились пешком вдоль берега.

В самом деле, следы отыскались: на камнях одну за другой нашли выброшенные волной шапки Гака и Буртика.

Итак, они утонули...

— Смотрите — люди! — вдруг крикнул один из корабельщиков, показывая на вершину скалы.

Действительно, из-за каменного гребня торчало несколько лохматых голов.

Глебу принесли из пароходной каюты рупор, и он, направив рупор вверх, прокричал:

— Кто вы?

— ...о-вы!.. — повторило эхо.

Однако люди на скалах, чувствуя свою безопасность, повели себя воинственно. Сверху вниз полетели камни.

— Довольно нам двух смутьянов, которые были здесь летом! — злобно ворчал Мудрила, распоряжаясь действиями своей грязной армии. — А ну-ка, сверните на них эту скалу!

Но корабельщиков не так легко было запугать. Под градом камней они ждали, что решит их капитан.

— Эти волосатики не зря стараются, — размышлял Глеб. — Наверно, Гак и Буртик у них в руках!

В это время осколок булыжника угодил прямо в лоб достойному мастеру. «Бац!» — на лбу моментально вздулась шишка величиной с грушу.

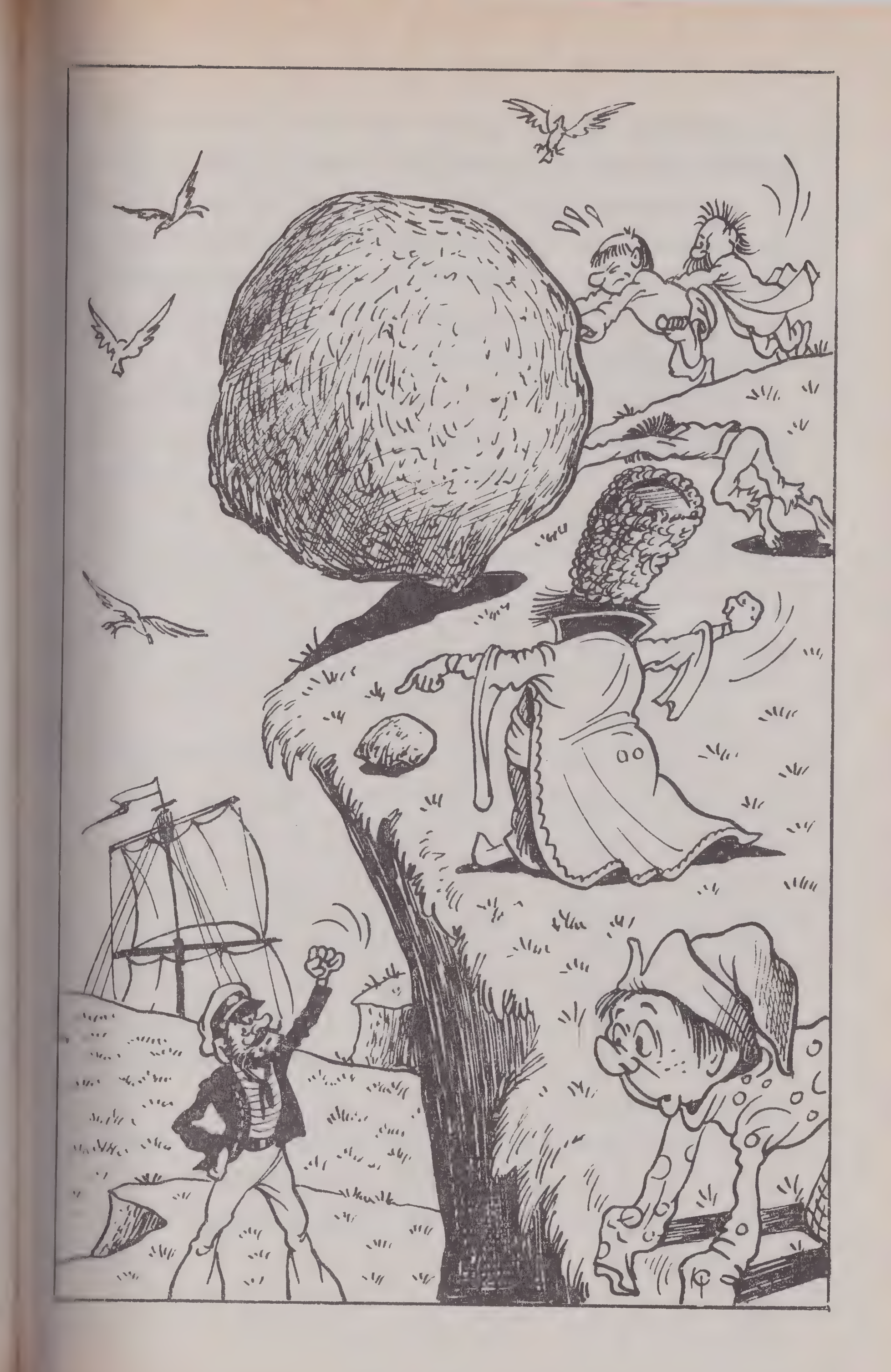
— Грот и стаксель! — простонал моряк. — Я вам задам! — И он бросился к скале.

Корабельщики пошли на штурм.

Однако лезть наверх было страшно трудно. Только в одном месте мастерам удалось найти каменную осыпку и по ней добраться почти до самых бездельников. Еще несколько шагов — и враги схватятся врукопашную...

Но в эту минуту бездельники сдвинули с места скалу. Глухо охнув, она повалилась и поползла вниз, увлекая все на своем пути. Быстрее... быстрее!.. «У-ух!» — и на берегу уже возвышалась груда камней, из которых торчали ноги и руки шести корабельщиков.

Бездельники прыгали от радости.

Немного погодя камни зашевелились, из них показалась голова Глеба в разорванной фуражке.

— Поражи бедя гроб... тьфу! — Он выплюнул изо рта камешек. — Порази меня гром, они дорого заплатят за это!.. Вылезайте, друзья! Не пройдет и месяца, как мы вернемся. Тогда посмотрим, кто полетит с горы вверх тормашками!

Но словам моряка не суждено было сбыться.

Сразу после возвращения парохода домой ударил небывалый мороз. Он был такой сильный, что море схватило льдом.

Пришлось ждать весны.

Глава четырнадцатая, *посвящается труду*

В Стране бездельников тоже наступила зима. С железного потолка свесили белые носы ломкие сосульки.

«Ап-чхи! Ап-чхи!» — только и слышалось по углам. Но работа не прекращалась. На верхней площадке сто бездельников, которыми руководил Гак, продолжали сколачивать деревянный корабль. Он стоял похожий на обглоданную рыбу, между его кривыми ребрами свистел ветер и пролетали голубые снежинки.

— А ну, не бездельничать! — покрикивал Гак на своих лохматых помощников, и те, подышав на окоченевшие пальцы, вновь принимались стучать молотками.

В стороне лежали сбитые из досок крылья. Они лежали припорошенные снегом, как два обломанных крыла громадной птицы.

Внизу, в подвале, другие сто лентяев набивали порохом бочку за бочкой. Черные от угля, они были похожи на чертей, сбежавших из ада.

Рос корабль. Росли ряды бочек в подвале. Росло и беспокойство мастеров.

Надо было во что бы то ни стало закончить постройку ракеты до того, как будет готов крылатый корабль.

Мог раскрыться и обман. Маркиз О-де-Колон и боярин Сутяга целыми днями вертелись около мастеров. Они требовали, чтобы Эта каждое утро читала им чертеж. Девочка, робея, разворачивала заветную бумагу и, не глядя в нее, рассказывала о крылатом корабле из дерева, придуманном мастерами.

Успокоенные бездельники уходили и докладывали Подайподносу, что все идет как нельзя лучше.

Мастера торопились.

Когда замок погружался в сон, они вместе с Этой поднимались в остроконечную башенку и, выслушав, что прочитает им по чертежу девочка, принимались за дело.

Дверь в башенку закрывалась плотно, и только чуткое ухо могло расслышать сквозь нее веселые звуки их работы.

«Клиньг-клиньг! Цвик-цвик!» — ковал мастер Буртик.

«Ж-ж-жик! Ж-ж-жик!» — пилил железо мастер Гак.

«З-з-зу, з-з-зу!» — пело сверло.

«Хуп-хуп-хуп!» — выравнивала пластинку деревянная колотушка.

Главный придворный сыщик Фискал, назначенный Таинственным советом для наблюдения за мастерами, ревностно исполнял свои обязанности. Обнаружив, что по ночам мастера уходят куда-то из своей каморки, сыщик решил выследить их.

Несколько раз он пробирался к башенке и подслушивал у двери.

Это заметил Буртик.

Чтобы проучить сыщина, он приделал под замочной скважиной, куда припадал носом Фискал, круглую железную ручку.

Морозы стояли лютые.

Не прошло и двух ночей, как сыщик решил снова отправиться на разведку.

В глухую полночь он прокрался по пятам мастеров к остроконечной башенке и стал подслушивать.

Наконец из-за двери долетели звяканье и скрежет.

Фискал приблизил глаз к замочной скважине.

Ничего не разобрать!

Он нагнулся еще ниже, вытянул шею, высунул от нетерпения язык и — о ужас! — коснулся им холодного железа.

Язык тотчас же примерз.

— А-а-а-а! — завопил сыщик и завертелся, как пескарь на крючке.

Из башенки выскочили мастера. Сбежался народ. Под дверью развели костер. На язык сыщику стали лить теплую воду. Язык оттаял, и Фискал, завывая, убежал вниз.

С тех пор он держался подальше от башенки. Мастера могли работать спокойно.

Наконец внутри башенки выросли сложные механизмы. Четыре треугольных руля были приклепаны к ее бокам. Нижняя часть загружена порохом. Болты, которыми крепилась башенка к крыше замка, ослаблены и подпилены.

Ракета была готова. Мастера назначили ночь отлета.

Она пришла. Эта, Гак и Буртик не спали, ожидая полуночи.

Но в замке не спал еще один человек.

Королева Оклюзия сидела у тусклого зеркала в своей спальне и выдумывала новую прическу. Когда очередная завитушка была старательно уложена на место, взгляд Оклюзии упал на окно, которое выходило на крышу замка. По влажной, мерцающей в звездном свете крыше медленно шла белая фигура.

Королева взвизгнула так, будто ей опустили за шиворот лягушку. Пятясь, она покинула комнату и помчалась, опрокидывая юбками часовых, по коридорам в спальню мужа.

— А? В чем дело?! — выкрикнул, просыпаясь, перепуганный Подайподнос, когда на грудь ему упала жена.

— Я в... я в... я в... — бормотала та, стуча зубами и цепляясь за одеяло. — Я в... я видела привидение. — И королева рассказала о таинственной фигуре.

Тотчас на крышу был послан отряд стражников.

Это случилось за полчаса до назначенного мастерами времени сбора.

В полночь Гак и Буртик пробрались в башенку.

Эты не было.

Прошел час... Второй... Забрезжил рассвет — девочка не являлась.

— Я не полечу без нее, — тихо произнес Буртик.

Гак хмуро кивнул.

Днем мастера узнали о ночной тревоге. Эту, когда она, закутанная в свой балахон, шла к башенке, схватили стражники. В руках ее был чертеж. По приказу короля ее бросили в секретную камеру для особо важных преступников.

Как помочь Эте? Сможет ли девочка сохранить тайну? Догадались ли бездельники, куда и зачем шла их пленница?

Пока мастера ломали себе голову над этими вопросами, слежка за ними усилилась еще больше.

Теперь они не могли выйти из каморки, чтобы из-за угла не показался длинный нос сыщика. Маркиз О-де-Колон и боярин Сутяга не отлучаясь следили за их работой.

С этой ночи на окне королевы появилась глухая железная ставня.

4—931

Глава пятнадцатая,
с невероятными событиями, в результате которых повествование приближается к концу

Пришла весна. В подвале и на крыше работа заканчивалась. Раскинув по-птичьи крылья и задрав к небу нос и корму, корабль стоял на площадке. От мачты к палубе тянулись веревочные лесенки. На корме и вдоль бортов были натянуты предохранительные сети. Громадные крылья под напором ветра тихонько покачивались и скрипели.

«Что делать?» Нелегко было смириться с мыслью, что им никак не освободить Эту, что, даже если их побег удастся, девочка останется в руках бездельников... И все же надо было принимать решение.

— Сделаем так, — предложил Буртик. — Когда бездельники сядут в корабль и начнут раскачивать крылья, тихонько удерем в башенку. Включим двигатель — и в небо. Домой, к Глебу Смоле. Собирем мастеров, на корабли — и снова сюда. Освободим Эту, найдем Нигугу, перевернем всю страну вверх дном... Из здешних детей люди еще получатся! А бездельников выгоним в горы. Пусть строят все с самого начала, с первого кирпича, своими руками... Между прочим, — добавил он, — сегодня я опять заметил у нашей башенки начальника королевской стражи. Надо быть начеку...

Наконец все было готово. Король назначил полет на первый день апреля.

Наступило утро этого долгожданного дня, полетнему теплое и удивительно тихое. Даже птицы в лесу почему-то настороженно умолкли.

На площадке у корабля стали собираться бездельники. Грязные, лохматые члены Таинственного совета и простые стражники — все они кучками ходили вокруг крылатого чуда и торопили мастеров.

Все хотели лететь.

На площадке появился Подайподнос со свитой. Маркиз О-де-Колон, князь Мудрила, барон Полипримус, хан Бассейн и фараон Термос Двенадцатый важно выступали за королем. Позади них семенил боярин Сутяга.

Мастера провели Подайподноса по всему кораблю, показали, как движутся крылья и как поворачивается руль.

Король подал знак. Бездельники толпой повалили на корабль.

Поднялась неразбериха, каждому хотелось расположиться поближе к королю, ссорились из-за места у борта, из-за родственников, которых привели и которых тоже тащили за собой, раздавались крики, стоны, проклятия.

Гак и Буртик незаметно соскользнули с палубы и начали пробираться сквозь толпу к двери, которая вела внутрь замка.

Им оставалось не больше десяти шагов, как вдруг навстречу из двери с криком выбежал сыщик Фискал.

— Беда! — завопил он. — Бездельник Бескалош уронил свечу в кучу пороха. Все выходы из замка в огне. Пожар! Пожар!

— Проклятье! — воскликнул О-де-Колон. — Летим быстрее! — Оттолкнув Подайподноса, он сам схватился за руль. — Двигайте крылья, негодяи! Двигайте крылья!

Последние из бездельников с воем лезли на корабль.

Королеву Оклюзию вытолкнули за борт. Зацепившись платьем за гвоздь, она повисла вверх ногами, ее знаменитая прическа отделилась от головы и полетела вниз. Вместо пышных золотистых кос все увидели тоненькие, как поросячьи хвостики, пучки черных волос.

— Ай-ай-ай!

Но никому, даже мужу, не было до нее дела. Подайподнос сам едва стоял на корме корабля.

Боярин Сутяга тревожно высматривал мастеров.

Злой огонек вспыхнул в его глазах, когда он заметил их.

— Держите! Держите!

Полтора десятка вооруженных до зубов стражников налетели на Гака и Буртика. Мастера отбросили их. Но, сражаясь, друзья вынуждены были отступить к самой корме корабля. Тогда Сутяга перерезал веревку, на которой держалась кормовая сеть, и та, упав, накрыла мастеров как куропаток.

Раздался радостный вой... Минута... и мастера уже лежали спеленутые сетью, упакованные в один узел, тесно прижатые друг к другу.

Около них появился начальник стражи в зловещем, наглухо закрытом шлеме.

— Отнести и бросить в подвал — в огонь! — прошипел Сутяга.

Начальник стражи повелительно взмахнул рукой. Солдаты волоком потащили друзей внутрь замка.

— Вот теперь мы и в самом деле пропали! — шепнул Буртик товарищу. — Слышишь — гудит? Это горит рассыпанный порох. Когда огонь дойдет до бочек, все взорвется!

— Прощай, ты был хорошим другом! — печально ответил ему Гак.

Неожиданно начальник стражи остановился.

— Всем остаться — охранять лестницу! Пленных поведу я сам! — приказал он.

Дрожащие от страха перед пожаром солдаты повиновались. Начальник стражи разрубил мечом сеть, и мастера, озадаченные и недоумевающие, поднялись на ноги.

— За мной! Быстро!

После секундного колебания Буртик толкнул приятеля плечом, и оба двинулись за своим закованным в железо провожатым.

— Бегом! Бегом!

Добежали до лестничной площадки. И тут враг мастеров повел себя непонятно: он свернул в узкий коридор, вышел на потайную лестницу и снова начал подниматься наверх.

Потайной ход кончился. Крыша. Перед мастерами выросла дверь остроконечной башенки.

— Быстрее! — приказал стражник и первый полез в дверь.

Когда все забрались в башенку, он снял шлем.

Мастера ахнули: перед ними стоял Нигугу, одетый в железные латы с чужого плеча, здоровый и невредимый. Из-за его спины выглядывало бледное, но счастливое лицо Эты.

— Потом, все расспросы потом! — торопил мастеров Нигугу. — Огонь уже у бочек!

— К взлету! — скомандовал Буртик.

Все бросились по местам.

Буртик нажал кнопку. С ревом загорелся порох. Башня вздрогнула. Один за другим лопнули державшие ее болты.

Ракета рывком поднялась в воздух.

Мимо ее окон пронеслись четыре угловые башни, окутанные дымом, и корабль, набитый бездельниками. По желтой ленточке дороги ползла темная точка. Это приближался к цели гонец, посланный полгода назад князем Мудрилой.

Замок уходил вниз, становясь все меньше и меньше. Блеснуло пламя, железные башни покачнулись, и крепость бездельников с ужасным грохотом взлетела на воздух.

Под ракетой уже проплывали дремучие леса, а позади все еще клубилось и поднималось черное облако дыма.

Так погибли Железный замок и его обитатели, самые коварные и злые из всех бездельников.

Глава шестнадцатая,
и последняя

Ответ на загадку — как попал Нигугу в замок — оказался простым.

Очутившись в лесу, он решил выполнить намеченный ранее мастерами план: поймать бездельника и в его платье проникнуть в замок.

Другу мастеров повезло: враг, который попался ему в руки, оказался начальником королевской стражи. Этот вояка из лени никогда не снимал глухой шлем, закрывавший лицо.

Нигугу легко проник в замок и стал жить в нем, дожидаясь момента, когда сможет помочь друзьям.

Куда делся перепуганный до полусмерти и раздетый до трусов воин, никто никогда так и не узнал...

Пока мастера слушали рассказ товарища, ракета, прорезая облака, со свистом неслась вперед. Леса, желтые пески, снова леса, города и, наконец, море. Синее, большое. Ракета словно повисла над ним без движения.

Показался берег и стал расти на глазах.

— Какие веселые разноцветные пятнышки на берегу! — воскликнула Эта. — Нет, это не пятнышки, это дома. Как их много!

— Город маляров! А вот и порт корабельщиков! — радовались мастера.

Буртик наклонил рули, и ракета, вздымая тучи песка и пыли, села, можно сказать, даже шлепнулась неподалеку от домика с мачтой.

Путешественники вышли из ракеты и направились к нему.

Над ним по-прежнему висел красно-голубой флаг.

Когда путешественники подошли поближе, из форточки высунулся Бомбрамсель, встопорщил блестящие черны перья и отчетливо произнес слова, которых столько лет ждали от него:

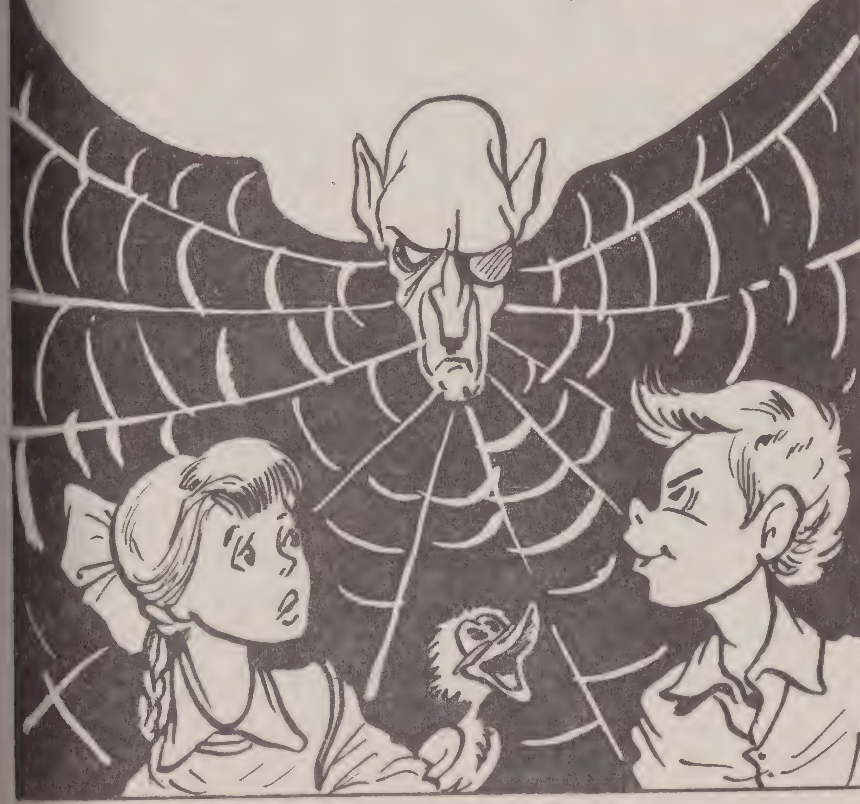
— Труд и победа!

Ветер, который дул с моря, развернул флаг и пригнал облако. Оно тоже было похоже на кита. Облако заметило мастеров и остановилось. Не хватало жаворонка. Но он еще прилетит.

На этом лучше всего и закончить повесть о необыкновенных приключениях двух мастеров в Стране бездельников.

В.Каверин

О МИТЕ И МАШЕ, О ВЕСЕЛОМ ТРУБОЧИСТЕ И МАСТЕРЕ ЗОЛОТЫЕ РУКИ

МЛАДШИЙ КОЩЕЙ ПОХИЩАЕТ МАШУ

У Кощея Бессмертного умерла дочка. Ну что ж! Умерла так умерла! И он разослал своих братьев — у него ровно тысяча братьев — по всему свету. Они должны были найти ему такую же девочку, как его дочка. С таким же маленьким носом, с такими же длинными косами и большими глазами.

И вот самый младший Кощей — он был самый хитрый — приехал в Ленинград.

«В Ленинграде, — думал он, — много девочек. Авось найду такую же, как моя покойная племянница».

Не тут-то было! Никак не найти. У одной нос побольше, у другой коса покороче. Наконец он нашел девочку, которая как две капли воды была похожа на Кощееву дочку.

Девочка сидела в Летнем саду и рисовала. Трава у нее получалась синяя, небо — зеленое, а солнце — красное. Но все-таки это были настоящая трава, настоящее солнце и настоящее небо.

Вдруг кто-то сказал над ее ухом:

— Здравствуйте, девочка! Я знаю, как вас зовут, в котором вы классе, сколько вам лет, что вы любите и чего вы не любите.

Это было так неожиданно, что девочка от испуга положила кисточку в рот. Перед ней стоял рыжий толстяк в синих очках и клетчатом пальто. У его ног лежала большая собака.

— Вас зовут Маша, — продолжал толстяк, — вы в третьем классе, вам одиннадцать лет, вы любите рисовать и не любите супа.

Совершенно верно! Девочку звали Машей, ей было одиннадцать лет, она была в третьем классе, любила рисовать и не любила супа. Все это угадал, разузнал и подслушал рыжий толстяк с собакой — на то он и был Кощеев брат, самый младший и самый хитрый.

— Да, — сказала Маша и вынула кисточку изо рта. — Я не люблю супа. А вы?

— Терпеть не могу! — отвечал толстяк. — И, как на грех, куда ни приеду, прежде всего угощают супом. На днях я случайно попал в Желтую страну, и, представьте себе, прежде всего меня накормили желтым гороховым супом.

— А что такое Желтая страна? — спросила Маша.

Толстяк сел подле нее на скамейку.

— Желтая страна, — сказал он, — это страна, в которой растут подсолнечники, одуванчики и куриная слепота. Жители этой страны едят гороховый суп и все до одного больны желтой лихорадкой. Теперь скажите мне, Маша, какой ваш самый любимый цвет?

— Синий, — не задумываясь, ответила Маша.

— Ну что ж, — сказал толстяк, — стоит только захотеть, и я отвезу вас в Синюю страну. Это одна

из лучших стран в мире. Там можно гулять по синим дорогам между синими полями. Солнца там не бывает, зато днем и ночью светит луна. Там живет Синяя Борода. Это мой лучший друг, и я могу вас познакомить с ним. Ну как, Маша, поехали?

Маша задумалась.

Она всегда была вежливая и доверчивая, а этот дядя такой симпатичный! В синих очках, с большой собакой. Конечно, если бы она знала, что это Кощеев брат, она просто позвала бы милиционера. Но она не знала.

— Ладно, — сказала она. — А как туда ехать?

— Нужно надеть синие очки, — отвечал толстяк, — и сесть верхом на эту собаку.

Маша посмотрела на собаку. Это была довольно страшная собака, с длинной мордой и острыми белыми зубами. Шерсть у нее была серая, как у волка.

— Гм, — сказала Маша. Ей вдруг расхотелось ехать в Синюю страну.

Но, должно быть, толстяк понял ее иначе, потому что он в одну минуту надел на Машу свои очки, поднял ее и посадил на собаку.

— Вперед! — закричал он, и собака помчалась.

Ветер засвистел у Маши в ушах, она хотела спрыгнуть... Куда там! Уже давно остался за спиной Летний сад. Нева мелькнула и исчезла. Тут только Маша вспомнила, что, прежде чем отправиться в Синюю страну, нужно было спросить разрешения у мамы.

— Мамочка!

Но мама была далеко.

А страшная собака мчалась все быстрее и быстрее.

МИТЬКА ИЩЕТ ДОРОГУ В КОЩЕЕВУ СТРАНУ

Ни одна девочка не может исчезнуть из Летнего сада бесследно. И Маша, разумеется, тоже. Во-первых, на том месте, где она сидела, остались ее краски, ее кисточка и ее картина. Во-вторых, у нее был маленький брат, которого звали Митькой. Митька не очень расстроился, когда узнал, что у него пропала сестра.

Мама лежала на кушетке и плакала. Папа бегал по городу и у каждого милиционера спрашивал:

— Не видали ли вы мою дочку? Ее зовут Маша, она любит рисовать и не любит супа.

А Митька в это время думал и думал.

Он твердо решил найти сестру. Но как это сделать? И вдруг он вспомнил, что видел в цирке клоуна, о котором говорили, что он Любитель Необыкновенных Историй.

Все вздыхали:

— Девочка среди бела дня исчезла из Летнего сада. Небывалая вещь! Необыкновенная история!

Даже в газетах было напечатано:

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Среди бела дня девочка Маша Л.
исчезла из Летнего сада

И вот Митька решил рассказать эту необыкновенную историю клоуну — Любителю Необыкновенных Историй.

Сказано — сделано! Он сел на трамвай и поехал на Васильевский остров.

В садике, перед маленьким домом, положив ногу на ногу, сидел клоун в колпаке, с трубкой в зубах и в разноцветном халате.

— Здравствуйте, — сказал ему Митька. — Не знаете ли вы, чем кончилась необыкновенная история, которая произошла с моей сестрой?

— Я думаю, — серьезно ответил клоун, — что ее унес Северный Ветер. Это уже случилось однажды с одной моей знакомой девочкой, которая любила носить огромные банты.

— Ну нет, — возразил Митька. — Это на Машу не похоже.

— Тогда вот тебе превосходный совет. Твоя сестра пропала из Летнего сада. Верно?

— Верно.

— Поезжай к Ученому Садоводу, — сказал клоун. — Он знает все, что происходит в садах всего мира. В крайнем случае, он поговорит по телефону с какими-нибудь Иваном-да-Марьей.

И Митька поехал к Ученому Садоводу.

Вот сад так сад! На рябине в этом саду росли вишни, а на яблоне — груши. Вишни были огромные, каждая с хорошее яблоко, а груши похожи на дыни. Здесь были даже персики, которые росли в саду из одного только уважения к Ученому Садоводу. И все эти деревья насадил он сам, своими руками. Это было удивительно — тем более, что он оказался таким стареньким, что Митька просто не знал, как к нему подступиться.

— В общем, так, — начал он, подойдя наконец к старичку, который сидел в кресле под голубой

китайской вишней. — Не знаете ли вы, куда девалась Маша?

— Медвежье ухо слышало, как толстяк в синих очках уговаривал ее отправиться в Синюю страну, — отвечал Ученый Садовод. — Анютины глазки видели, как она мчалась по Летнему саду на огромной собаке.

— А где находится Синяя страна? — спросил Митька. — И как бы мне до нее добраться?

— Поезжай к Маленькой Парашютистке, — сказал Садовод. — Когда она опускается с неба на своем парашюте, она видит все страны мира. Кстати, передай ей, пожалуйста, что я назвал новый тюльпан Голубым Парашютом.

— Ладно.

И Митька сел на трамвай и поехал к Маленькой Парашютистке.

— Здравствуйте, товарищ старший лейтенант, — сказал он Парашютистке, которая только что спрыгнула с неба на землю. — Позвольте доложить: Ученый Садовод назвал тюльпан Голубым Парашютом. Что касается меня, то у меня пропала сестра. Позвольте узнать, товарищ старший лейтенант, где находится Синяя страна? И как бы мне до нее добраться?

— Полно, Митя, в Синей ли стране? — отвечала Маленькая Парашютистка. — Я видела, как она мчалась верхом на собаке вдоль самого длинного в мире забора. Это дорога не в Синюю, а в Кощееву страну, за тридевять земель, в тридесятое царство. Знаешь, как говорится в сказках: долго ли, коротко

ли, низко ли, высоко ли, иди вперед — не оглядывайся, колоти в доску — не задумывайся. Пропустишь доску — оглянешься, оглянешься — оступишься, оступишься — заблудишься. Счастливого пути, милый. А маму спросил?

— Есть, спросить маму! — отвечал Митька.

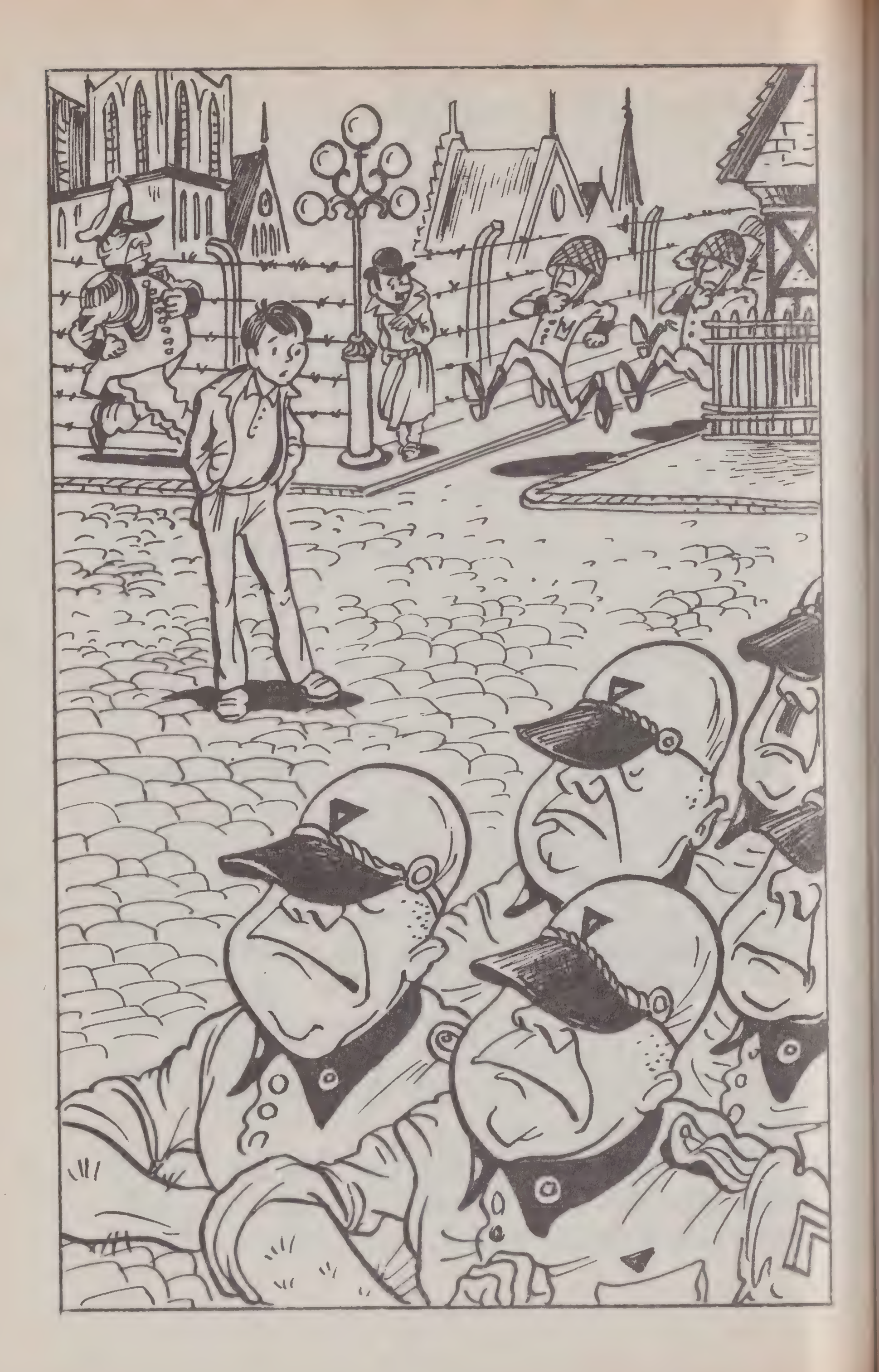
И он вытянулся и отдал честь Маленькой Парашютистке.

СТАРАЯ ГАЛКА

Всем известно, что самый длинный в мире забор — это забор Ботанического сада. И Митька это, понятно, знал. Маму он, понятно, не спросил — все равно она бы его не пустила. Папину палку он, понятно, стащил — пригодится! Может быть, и сам Кощей еще получит по голове этой палкой.

И вот в один прекрасный день он отправился с этой палкой в руке вдоль самого длинного в мире забора. Трр! — как барабан! Как будто целый взвод идет с барабаном. Трр! — Митька барабанил по доскам на весь Аптекарский остров (всем известно, что Ботанический сад находится на Аптекарском острове). Трр! — берегись, Кощей! Трр! — берегись, Кощеев брат, самый младший и самый хитрый! Трр! — помни, Митя! Пропустишь доску — оглянешься! Оглянешься — оступишься! Оступишься — заблудишься! Раз-два, раз-два!

Все темнее становилось вокруг. Уже и не узнать стало знакомых мест, а Митька все шел и шел. Раз-два! Раз-два! Хлоп! Забор кончился, и он кубарем

покатился в темную яму. Он не очень испугался, только зубы застучали. Он полежал немного — ничего. Стал на колени — тоже ничего. Открыл глаза — и увидел себя в незнакомом городе.

Это был большой и красивый город — широкие улицы, просторные сады, высокие дома. Но вот что странно! Все дома были коричневого цвета. В садах росла коричневая трава. По улицам маршировали солдаты в коричневых рубашках. Кошка кофейного цвета вылезла из водосточной трубы. Коричневая ворона сидела на пожарной каланче табачного цвета. Можно было подумать, что в этом городе день и ночь вместо снега идет корица и никто не убирает ее с улиц вот уже пять или десять лет.

У жителей этого города был такой цвет лица, как будто на завтрак они ели старую солому, на обед — пюре из пробки с горчицей, а на ужин снова солому. Все они были так заняты своими мыслями, так молчаливы, что Митька просто не знал, у кого спросить:

— Эй, послушайте, не знаете ли вы, где здесь живет некто Кощей Бессмертный?

Да, это было не очень веселое местечко! Посреди города, на большой площади, стояло в развалинах прекрасное здание.

Оно сгорело и было пусто и мрачно. Никто больше не жил в нем, только Старая Галка сидела на печной трубе и смотрела на Митьку своими старыми глазами.

— Эй, послушайте! — крикнул ей Митька. — Не знаете ли вы, где здесь живет некто Кощей Бессмертный?

Галка встрепенулась. Это была самая молчаливая Галка в Кощеевой стране. Ей было триста лет, и за триста лет она только один раз сказала «кррр», — когда подавилась щепкой, которую приняла за кусок голландского сыра. Но этот мальчик понравился ей с первого взгляда. Как смело он спросил ее о Кощее Бессмертном!

— Молчи, мальчишка, — проворчала она, — если ты не хочешь, чтобы тебя повесили на первом фонаре! Как ты смеешь говорить — «некто Кощей»? Ты должен был спросить: «Не знаете ли вы, где здесь живет Кощей? Да здравствует Кощей!»

— Ладно, бабушка, — отвечал Митька. — Я, знаешь, не для того сюда пришел, чтобы кричать «да здравствует Кощей». Лучше скажи, старая карга, где он живет, а то своих не узнаешь!

Галка снова посмотрела на него.

«Мальчишка как мальчишка, — подумала она. — Но чем-то он похож на моего Галчонка. Нужно помочь ему. Правда, если об этом узнает Кощей... Крр! Страшно! Ну, да ничего! Недаром я прожила на свете триста лет. Может быть, я и перехитрю его. Ведь, по правде говоря, я не думаю, что он бессмертный!»

— Я не знаю, где живет Кощей, — сказала она мрачно. — Но я знаю, что по его приказу моему Галчонку подрезали крылья. Всем птицам подрезали крылья в этой несчастной стране, даже нашим орлам! Я спаслась только потому, что гостила у своей племянницы в Альпах.

— Всем птицам подрезали крылья?! — вскричал Митька. — Зачем?

Галка оглянулась. Кажется, никто не подслушивал их.

— Дело, видишь ли, в том, — шепотом сказала она, — что у Кощея Бессмертного умерла дочка. Откуда-то из далеких стран ему привезли другую девочку, как две капли воды похожую на покойную Кощееву дочку. Она так же красива и умна и даже, говорят, еще умнее. Она умеет рисовать, прекрасно шьет и даже, говорят, играет на рояле. Но вот беда! У девочки — доброе сердце. У нее, видишь ли, доброе и мужественное сердце, а у Кощеевой дочки было трусливое и злое.

Галка закрыла глаза и умолкла. Никогда в жизни ей не приходилось говорить так много!

— Продолжай, бабушка! — вскричал Митька. — Ты даже не подозреваешь, как мне важно то, что ты говоришь!

— Да, у этой девочки оказалось доброе сердце, — продолжала Галка. — И вот Кощей и его тысяча братьев стараются ожесточить ее сердце и сделать его злым и трусливым. Ей, видишь ли, понравился мой Галчонок, и вот Кощей велел подрезать ему крылья. Она любит читать — и вот он велел сжечь ее любимые книги. Он ведет тайную войну с одним великодушным народом — и вот каждый день эту бедную девочку сажают на аэроплан, чтобы показать ей разрушенные города, детей, убитых бомбами, и матерей, умирающих от горя. Но ее сердце остается все таким же мужественным и добрым.

И Галка снова закрыла глаза и умолкла.

— Говори, говори, бабушка! — снова вскричал Митька. — Ты даже не подозреваешь, как мне важно то, что ты говоришь!

— Они держат ее взаперти в Кощеевом дворце, в темной комнате за тремя дверьми, — продолжала Галка. — Каждую ночь один из Кощеевых братьев рассказывает ей самые страшные истории в мире, чтобы запугать ее бедное сердце. Но она спокойно выслушивает эти истории и даже спрашивает иногда: «Может ли это быть? В самом деле?» Она боится только одного: ласково взглянуть на мышонка, который иногда прибегает к ней по ночам, — она знает, что Кощей убьет этого мышонка, если догадается, что она его полюбила.

Галка снова замолчала и спрятала голову под крыло — ей стало стыдно за Кощея, а кстати уж и за его тысячу братьев.

— Говори, говори, бабушка! — вскричал Митька. — Ты даже не подозреваешь, как мне важно все, что ты говоришь!

— Она сидит взаперти за тремя дверьми, — продолжала Галка, — и каждую дверь сторожит собака с большим ключом в зубах. Первая — собака-волк, которая ее притащила. Вторая — жирный пес, который сидит, положив голову на два столба застывшей ядовитой слюны, а третья, самая страшная, — просто тощая хромая собака. У них имена на одну букву — но никто не знает этой буквы. Никто в Кощеевой стране не знает, как их зовут. Спроси-ка меня — почему?

— Почему, бабушка? — спросил Митька.

— Потому что собака умрет, если кто-нибудь, кроме Кощея, громко произнесет ее имя. А если она умрет, тогда уж, понятно, ничего не стоит взять из ее пасти ключ, открыть дверь и выпустить Девочку Доброе Сердце.

— Понял, бабушка, — сказал Митька. — Теперь слушай меня. Знаешь ли, кто эта девочка? Моя сестра. И я очень рад, что у нее оказалось превосходное сердце. Я, представь себе, даже и не знал, что у нее такое доброе сердце.

МИТЬКА ВСТРЕЧАЕТСЯ С БЕДНЯГОЙ ГАЛЧОНКОМ И ИДЕТ НОЧЕВАТЬ К ПЕРЕПЛЕТЧИКУ ИЕРОНИМУСУ КАР

Галка не особенно удивилась. Слава богу, ей было не сто лет! Она давно ничему не удивлялась. Просто она подумала: «Жаль мне мальчика. Какой он милый! И как похож на моего Галчонка!»

— Ну что ж, сестра так сестра, — сказала она. — В таком случае знаешь, что ты должен сделать прежде всего? Спрятаться. Страшно подумать, что может сделать с тобой Кощей и его тысяча братьев.

Едва она произнесла эти слова, как толстяк в клетчатых штанах вышел из-за разрушенной печки и заорал:

— Галка и мальчик! Именем Кощея! Вы арестованы! Да здравствует Кощей!

Знаете, кто это был? Младший Кощеев брат — самый младший и самый хитрый. Знаете, что он делал за печкой? Он подслушивал их — Митьку и Галку.

— Мы погибли, — сказала Галка. — Беги!

— Как бы не так! — вскричал Митька и с размаху ударил толстяка головой в живот.

Раз! И толстяк сел на землю.

— Позвольте, позвольте, — сказал он.

Но в эту минуту Галка села ему на нос и закрыла крыльями его глаза.

— Беги, Митя! Беги, если ты хочешь спасти сестру!

И Митька побежал, хотя ему и очень хотелось ударить толстяка палкой по шее. Но еще больше ему хотелось спасти сестру! Он побежал со всех ног и, выбравшись из развалин, через несколько минут очутился в темном переулке — темном потому, что уже наступила ночь. Но долго еще слышал он за спиной отчаянные крики:

— Мальчик, вы арестованы! Именем Кощея! Да здравствует Кощей!

Однако нужно было подумать и о ночлеге. Постучаться, что ли, в первый попавшийся дом? Но дома были все какие-то мрачные, темно-коричневые, черствые, как черствая хлебная корка. Неохота стучаться в такие дома. И Митька уже решил было провести ночь на улице, как вдруг увидел, что навстречу ему ковыляет какая-то птичка — с большим носом и маленькими крыльями, которые висели по бокам как рыбьи хвосты. Это был бедняга Галчонок,

тот самый, который, по мнению его старой мамы, был чем-то похож на Митю.

— Виноват, — сказал Галчонок. — Я видел, как вы разговаривали с мамой. Вы не знаете, случайно, скоро она прилетит домой? Очень хочется кушать.

— Вот что, малыш, — отвечал Митька. — Не можешь ли ты показать мне дом, в котором я мог бы провести эту ночь? Мне, понимаешь, не нравятся эти темно-коричневые дома, черствые, как черствая хлебная корка.

Галчонок задумался.

— Видите ли, — сказал он. — Мы с мамой живем на чердаке у одного Переплетчика. Возможно, что он позволит вам провести у него эту ночь. У него есть свободная комната — та, в которой жил его сын. Пойдемте, пожалуй. Я провожу вас. Но скажите, ведь мама скоро вернется домой? Я, понимаете, еще ничего не кушал с утра.

И Галчонок привел Митьку к переплетчику Иеронимусу Кар.

Это был высокий старик с большими черными бровями и косматой седой бородой. Он был такой высокий, а жил в таком низеньком домике, что по утрам, когда он вставал с постели и потягивался, ему приходилось вставлять свою голову в круглую дырку на потолке.

Впрочем, это было даже приятно: на чердаке, как вы знаете, жила старая, умная Галка и Галчонок, с которыми он любил поболтать по утрам.

— Виноват, — сказал ему Галчонок. — Этот мальчик — мамин знакомый. Кстати, вы не знаете, она еще не вернулась домой?

— Не знаю, — проворчал Переплетчик.

— Не сердитесь, пожалуйста, — снова сказал Галчонок. — Ведь вы же знаете, что, если вы даже очень рассердитесь, все равно я не могу от вас улететь. Этот мальчик остался без ночлега, и я сказал ему, что у вас есть свободная комната — та, в которой жил ваш уважаемый сын. Можно ему переночевать в этой комнате, хозяин?

— Нельзя, — проворчал Переплетчик.

— Почему, хозяин?

— Потому, что я очень сердитый, очень грустный и никого не хочу ни видеть, ни слышать!

— В общем, так, — сказал Митька. — Будем говорить начистоту. Тем более, вы уже такой старик, что я вам врать не стану. Но, возможно, с другой стороны, что сейчас я скажу необыкновенную вещь. Я приехал сюда за сестрой. Мою сестру похитил Кощей Бессмертный. Я прибыл, чтобы вернуть сестру. Кроме того, мы еще посмотрим, какой он бессмертный.

Очевидно, Митька сказал действительно необыкновенную вещь, потому что Переплетчик от неожиданности вытянулся во весь свой рост и как раз забыл вставить голову в дырку.

Хлоп! И он ударился головой о потолок.

Очень спокойно он снял со стены старый медный таз и положил его на затылок.

— Милый мальчик, — сказал он. — Я сочувствую вам от всей души, хотя ваша затея кажется мне безнадежной. Я очень сердитый, очень грустный, но все-таки я сердечно рад видеть такого милого гостя

из милой далекой страны. Прошу вас пожаловать в комнату моего бедного сына. Вы должны знать, что он заключен в тюрьму по приказу Кощея.

ГАЛКА ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ И РАССКАЗЫВАЕТ О ТОМ, ЧТО ВИДЕЛА И СЛЫШАЛА ЗА НОЧЬ

Вот когда можно было вволю поспать. Митька завалился и — фью-фью! — засвистел носом: заснул в одну минуту. Но не тут-то было! Только что он засвистел, как Галчонок постучал в его дверь.

— Мальчик, вы спите? Я просто не понимаю, куда могла деться мама!

— Придет, — сквозь сон пробормотал Митька.

— Да, придет! Вы все время говорите — придет да придет. Я беспокоюсь.

По правде говоря, и Митька уже начинал беспокоиться. Но ему так хотелось спать, что беспокоиться было некогда. «Фью-фью! — свистел он. — Фью-ю-ю! Как будто опять стучат? Да, стучат. Наверное, опять Галчонок».

— Кто там?

— Мальчик, вы спите? Как вы думаете, может быть, она нашла себе другого Галчонка?

— Ну вот еще, — отвечал Митька. — Ей, брат, хватит и с тобой хлопот. Иди-ка ты спать. Как ты заснешь, так она и прилетит — вот увидишь.

— Я не хочу спать. Как хотите, это очень странно. Знает, что я целый день не ел... Просто удивительно, честное слово.

Очень хотелось спать, но все-таки Митька позвал Галчонка и дал ему кусочек яблока. Он взял с собой яблоко на дорогу.

— Спасибо, мальчик. — Галчонок поел и задумался. — Главное, что меня беспокоит, — она мне ничего не сказала. Между тем в городе совершенно нет продуктов, и многие ловят и кушают галок, ворон и других несъедобных птиц. Я просто боюсь, что она попалась кому-нибудь на ужин. Как вы думаете, мальчик, — ведь нет?

— Ну конечно, нет, — отвечал Митька, и в это мгновение — стук, стук, стук! — кто-то постучал в окошко.

— Мама, мама! — закричал Галчонок. — Мамочка, это ты?

— Пришла? — басом спросил из своей комнаты старый Переплетчик.

Да, это была Галка.

— Фу, дайте отдышаться! — сказала она. — Вот так ночка! Хозяин, идите сюда. Я принесла вам привет от вашего сына.

Хлоп! Переплетчик вскочил с кровати и хлопнулся головой о потолок. Опять он забыл вставить голову в дырку. Опять пришлось снимать со стены старый медный таз и класть его на затылок.

— Я принесла вам привет от сына, — торжественно повторила Галка. — Вообще я проделала за эту ночь столько дел, что самой становится страшно. Во-первых, я клюнула младшего Кощея в глаз и очень рассчитываю, что этот негодяй останется кривым на всю жизнь. Во-вторых, я слетала на речку Шпрот и принесла Галчонку на ужин дохлую рыбу.

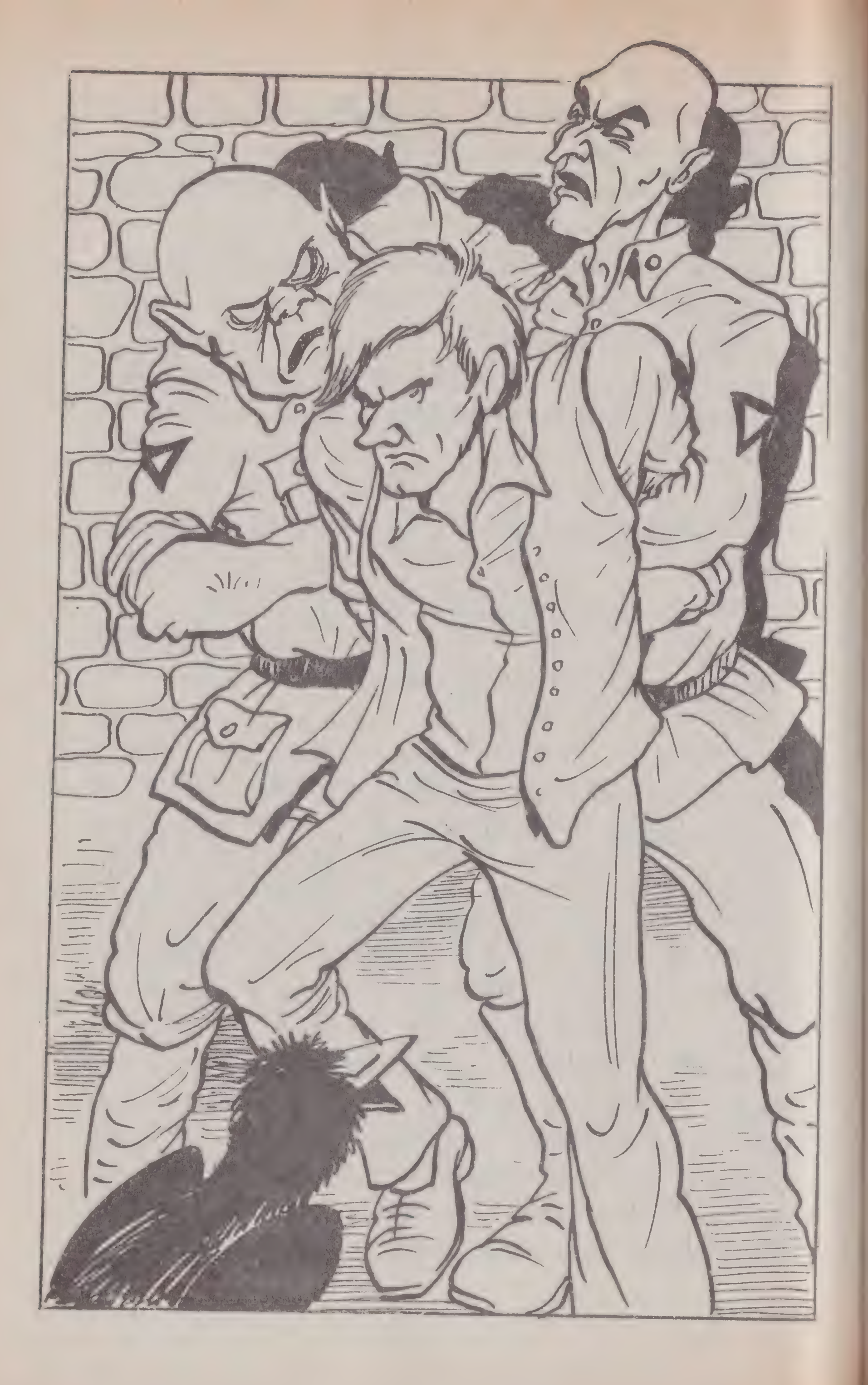
— Спасибо, я уже поужинал, — обиженно отозвался Галчонок.

— В-третьих... О, в-третьих... Слушайте, хозяин! Слушай, Митя!

Вот что она рассказала:

— Когда я прилетела в тюрьму, ваш сын спал, хозяин. Я негромко каркнула: «Каррл», — и постучала клювом о решетку. Он открыл глаза и снова закрыл — должно быть, подумал, что это сон. «Проснитесь, Карл, это я — Старая Галка! Вы меня не узнали?» Он снова открыл глаза и пожелал мне доброго утра. «Сейчас поздняя ночь, Карл», — сказала я ему. «В самом деле? — ответил он. — К сожалению, я пробыл здесь так долго, что перестал отличать день от ночи».

«Карл, привет и привет, — сказала я. — Привет от вашего старого отца. Привет от ваших старых и новых друзей. Я прилетела к вам по важному делу. Речь идет, видите ли, об одном добром сердце. Нужно освободить от Кощея девочку из далекой страны — девочку с добрым и мужественным сердцем. Ее стерегут три собаки. У них имена на одну букву, но никто не знает этой буквы, и никто в Кощеевой стране не знает, как их зовут. Спросите-ка меня — почему?» — «Потому что собака умрет, — отвечал Карл, — если кто-нибудь, кроме Кощея, громко произнесет ее имя». Тут, сами понимаете, я стала говорить шепотом. «Карл, — сказала я шепотом, — вы один в Кощеевой стране знаете все тайны Кощея. Скажите, как зовут этих собак, и я передам их име-

на маленькому храброму брату храброй девочки с храбрым сердцем». И он сказал...

— Сказал?! — в один голос закричали Переплетчик, Галчонок и Митька.

— Да, — торжественно повторила Галка. — К сожалению, он успел назвать одно имя. Он сказал его шепотом, и я сейчас скажу его шепотом, и, если кто-нибудь из вас захочет его сказать, пускай говорит шепотом. А Галчонок пойдет спать. Доброй ночи!.. Гарт.

— Как? — в один голос спросили Переплетчик и Митька.

— Гарт, — повторила Галка. — Первую собаку зовут Гарт. Я крикнула ему: «Спасибо, Карл! А второе?» Он уже открыл рот, чтобы сказать второе имя, но в это время три Кощеевых брата вбежали в камеру, схватили его за руки и потащили куда-то. Он только успел крикнуть мне: «До свидания, милая Галка!» Так и сказал: «милая Галка...» Не плачьте, хозяин, уверяю вас, что он скоро вернется... «До свидания, милая Галка! — крикнул он. — Лети к тому, у кого черное лицо, но чистая душа. Он тебе поможет».

— Черное лицо и чистая душа? — повторил Митька. — Что это значит?

— Мама, а я знаю, — сказал за дверью Галчонок.

— Что ты знаешь?

— Это негр.

— Милый, милый, — растроганно сказала Галка. — Иди ко мне, я тебя поцелую! Удивительно умный ребенок. Почему ты до сих пор не спишь, негодяй?

— Какой там негр, — сказал старый Переплетчик, который давно уже стоял, засунув голову в дырку, чтобы никто не видел, что он плачет о сыне. — Это Веселый Трубочист, я его превосходно знаю.

— Мама, идут! — закричал за дверью Галчонок.

— Кто идет?

— Не знаю. Ай, мама, мне страшно!

Бум, бум, трах!

Весь дом затрясся, во все окна и двери застучали разом.

Бум, трах! Бум, бум, трах!

— Мальчик и Галка! — раздался на улице громкий голос. — Вы арестованы! Именем Кощея! Да здравствует Кощей!

ВЕСЕЛЫЙ ТРУБОЧИСТ

По-настоящему испугался только Галчонок.

— Мама, Кощей... — прошептал он и совсем уже собрался упасть в обморок, так что маме пришлось клюнуть его, чтобы привести в чувство.

Это был, конечно, не сам Кощей, а его младший брат! — самый младший и самый хитрый. Это он кричал:

— Мальчик и Галка, вы арестованы!

А полицейские, которых он захватил с собой, в это время кричали: «У-у-у! У-у- у!» — чтобы задать Галке и мальчику страху.

— Мы погибли, — сказала Галка.

— Как бы не так! — вскричал Митька. — Кто мне скажет, куда ведет эта дырка?

— На чердак, — в один голос сказали Переплетчик, Галчонок и Галка.

— Прекрасно!

И Митька подхватил Галчонка и сунул его себе за пазуху.

— Бабушка, вперед! — скомандовал он.

Раз и два! Он вскочил на стул, на стол, на комод и нырнул в дырку, сложив руки по швам, как деревянный солдатик.

— До свидания, — сказал он Переплетчику. — Кланяйтесь от меня младшему Кощею.

— Передайте ему, — прибавила Галка, — что даже Старую Галку нельзя арестовать, пока у нее не подрезаны крылья.

— Передайте ему... — запищал Галчонок, но в это время Митька переложил его в карман, и что именно Галчонок хотел передать младшему Кощею, так и осталось неизвестным.

Ну и чердак! Это был такой маленький чердак, что на нем и в самом деле впору было жить только галкам. Но зато на этом маленьком чердаке было окно, а из окна была видна крыша.

— Вперед, за мной! — скомандовал Митька, и они в одну минуту вылезли через окно и оказались на крыше.

А с крыши, как известно, можно перебраться на другую крышу, а с этой — на третью, а с третьей — на четвертую. Галка летела впереди и показывала дорогу. Еще бы! Она провела на этих крышах всю свою жизнь.

— Мама, скоро? — кричал из кармана Галчонок. — Мне темно! Почему меня посадили в карман? Тут лежит яблоко. Можно мне его скушать?

— Пожалуйста, спрячь подальше свой нос, — сказал ему Митька. — Он колется, как вязальная спица.

Начинало светать, когда они остановились на крыше высокого здания. Весь город был виден с этой крыши — коричневые улицы, по которым маршировали коричневые солдаты. На каждом фонаре — они еще горели — был нарисован Кощеев знак — две большие собачьи ноги крест-накрест.

— Несчастная страна... — пробормотала Галка.

И вдруг такая веселая песня донеслась до них, что они не поверили своим ушам.

Кто же пел ее?

Трубочист.

За плечами у него висели мешок и веревка, в руках он держал метлу и большую складную ложку. Вот что он пел:

Пять рыцарей отважных,
Сердец веселых пять,
Хотят у Старой Щуки
Печной горшок отнять.

— Печной горшок? — спросила Галка. — Гм, странно. Что он хочет этим сказать?

Пять рыцарей веселых,
Бесстрашных пять сердец,
Мы шею Кощею
Намылим наконец!

— Прекрасно, но что это за пять бесстрашных сердец? — сказал Галчонок. — Ну я, ну мама, ну, наконец, мальчик...

— Эй, дяденька! — закричал Митька. — Как вас зовут? Спойте-ка нам еще что-нибудь! Как бы нам до вас добраться?

— Эй, мальчик! — закричал в ответ Трубочист. — А тебя как зовут? Спой-ка мне что-нибудь! Как бы мне до тебя добраться?

— Эхо, — высунувшись из Митькиного кармана, испуганно пробормотал Галчонок.

— Послушайте, я вас серьезно спрашиваю! — снова закричал Митька. — Как вас зовут? Нам это нужно знать, потому что мы, понимаете, ищем одного дяденьку вроде вас.

— Если вы ищете Веселого Трубочиста, — возразил Трубочист, — стало быть, вы ищете меня, потому что я последний Веселый Трубочист в этой стране.

— Веселый Трубочист?! — закричал из Митькиного кармана Галчонок. — Не может быть! Какой необыкновенный случай!

Он так удивился, что чуть не выпал из кармана, и старой маме пришлось клюнуть его в лоб, чтобы немного привести в чувство.

— Веселый Трубочист, привет и привет! — торжественно сказал Митька. — Привет от вашего старого друга Карла. Привет от ваших новых друзей. Ну-ка, киньте мне вашу веревку! Благодарю вас!

И он на лету поймал веревку, которую бросил ему Веселый Трубочист.

Раз-два! Он привязал веревку к трубе и перебрался на соседнюю крышу. У него, как известно, было бесстрашное сердце. У Галчонка тоже было бесстрашное сердце, хотя он и дрожал в Митькином кармане как осиновый лист. А про Галку нечего и говорить, — ей ничего не стоило перелететь с крыши на крышу.

— В общем, так, — сказал Митька. — Как известно, мою сестренку похитил некто Кощей. Она сидит за тремя дверьми, и каждую ночь один из Кощеевых братьев рассказывает ей самые страшные истории в мире. Правда, она оказалась довольно храброй, но все-таки я очень боюсь, что в конце концов она просто сойдет с ума от страха. Все-таки она — девочка, этого, товарищи, нельзя забывать. Ее сторожат три собаки, которые подохнут, если назвать их по именам. Ваш друг Карл открыл нам первое имя. Теперь, Веселый Трубочист, дело за вами. Скажите нам, как зовут вторую и третью собаку.

Веселый Трубочист был действительно очень веселый. Больше всего на свете он любил посмеяться. Как-никак он был последний весельчак в Кощеевой стране, и его иногда за плату приглашали в богатые дома — просто послушать, как он смеется.

«Жалко мне эту девочку, — подумал он. — И мальчик очень милый. Как ловко он перебрался по моей веревке с крыши на крышу! Из него вышел бы превосходный трубочист. И подумать только, как он любит сестру. Помогу-ка я им. Правда, если я им помогу, меня, пожалуй, повесят. Но ведь, если я им не помогу, я все равно умру от стыда, что не помог

двум прекрасным детям из прекрасной страны, которую я так уважаю».

— Ладно, — сказал он. — Слушайте!

Вот что он рассказал:

— Однажды я чистил печи в Кощеевом дворце. Я спустился по трубе в огромный камин и вдруг увидел Кощея. Вы думаете, я испугался? Ничуть! Он сидел перед зеркалом и красил усы. Вдруг он закричал: «Гнор!» И собака примчалась. Это был жирный пес, который сел у Кощеевых ног, положив голову на два столба застывшей ядовитой слюны. Вы понимаете, я выскребывал ложкой сажу в камине, а Кощей решил, что это скребется за дверью собака. Гнор — вот как ее зовут, не будь я Веселый Трубочист. Ее зовут Гнор!

— Спасибо, Веселый Трубочист. — Митька протянул ему руку. — Теперь нам осталось узнать только третье имя.

— А третье имя знает Щука, — сказал Трубочист.

— Скажите, пожалуйста! — закричал из кармана Галчонок. — Это та самая Старая Щука, о которой вы только что пели?

— Милый, милый, — растроганно сказала Галка. — Удивительно умный ребенок!.. Ну конечно, та самая. Она живет в речке Шпрот и сторожит печной горшок. Моя племянница рассказывала мне эту историю. В горшке лежит яйцо, а в яйце — уголек.

— Правильно! — сказал Трубочист. — Но если бы это был простой уголек, пожалуй, его и не стоило бы сторожить.

— Что же это за уголек? — спросил Митька.

— В этом угольке — Кощеева смерть.

Уголек горит —
И Кощей живет,
Погаси уголек —
И Кощей умрет.

— Где же находится речка Шпрот? — спросил Митька. — И как бы нам повидать эту Щуку?

— Друзья мои! — вскричал Трубочист. — Вы ничего от нее не узнаете. У нее ужасный характер. Недаром Кощей поручил ей такое важное дело. На днях он съел за обедом ее щуренка. Представьте себе, она не сказала ни слова!

— Она напишет нам третье имя хвостом на воде, — сказал Митька. — Не может быть, чтобы она любила Кощея!

МИТЬКА В КОЩЕЕВОМ ДВОРЦЕ

Вы, может быть, думаете, что им пришлось очень долго искать Старую Шуку? Ничуть не бывало! Когда они пришли к речке Шпрот, Щука плавала у самого берега. К сожалению, она плавала брюхом вверх. Она подохла.

Это было так неожиданно, что Галка, которая за триста лет видела не одну дохлую щуку, не поверила глазам и подлетела к щуке поближе, чтобы взглянуть ей в лицо. Да, это была она!

«Все кончено», — подумала Галка. Она не сказала этого вслух, чтобы не особенно огорчать Митьку. Но все кончено, это совершенно ясно! Третье имя

Щука унесла с собой в могилу, а печной горшок остался на дне реки.

— Спокойно, товарищи, — сказал Митька и вытащил из кармана Галчонка. — Щука, очевидно, подохла. Ну что ж! Попробуем обойтись без Щуки, тем более что она, как дохлая, нам уже не может помочь. А пока посидим на берегу и пообедаем вот этим яблоком. У меня есть яблоко, если Галчонок его еще не съел.

Он вынул яблоко и разделил его на четыре части. Ого, как это было вкусно!

«Гарт и Гнор, — думал Митька. — И третье имя на ту же букву. Может быть, просто Гав-Гав? Едва ли!»

Он доел яблоко и встал.

— Решено, — сказал он. — Веселый Трубочист, у меня к вам просьба. Возьмите из вашего мешка немного сажи и вымажьте мне лицо.

Вот так раз! Даже Веселый Трубочист удивился, хотя ему-то уж не в диковину были запачканные лица. Не удивилась только Старая Галка. Впрочем, ей некогда было удивляться, потому что Галчонок в эту минуту подавился мухой. Он разинул рот, услышав Митькину просьбу, и в рот влетела муха.

— Вымажьте мне лицо сажей, — твердо повторил Митька. — Я хочу быть похожим на вас. Понятно?

Веселый Трубочист засмеялся.

— Понятно, — сказал он и в одну минуту вымазал Митьку сажей.

Для большего сходства он насыпал сажи ему за шиворот, за пазуху и в штаны. Это было не очень приятно, но Митька не сказал ни слова. Недаром у него было отважное сердце.

— А теперь, — сказал он, — у меня к вам еще одна просьба. Дайте мне вашу метлу, веревку и большую ложку.

— Я все поняла, — сказала Галка. — Счастливого пути!

— Спасибо, бабушка, — отвечал Митька. — Не поминайте лихом.

— Мама, — с ужасом спросил Галчонок, — куда он идет? Зачем он намазался сажей?

Галка молчала. Она, разумеется, не плакала — хотя бы потому, что птицы вообще не плачут, но все-таки украдкой сморгнула слезу.

— Товарищи, без слез, — строго сказал Митька. — Желающие могут проводить меня один или два квартала. Веселый Трубочист, почему вы такой невеселый? Ведь вы, кажется, говорили, что вы — последний весельчак в этой стране! Ну-ка, на прощание, спойте нам вашу песню:

Пять рыцарей бесстрашных,
Веселых пять сердец,
Мы шею Кощею
Намылим наконец!

И Митька ушел. Это был уже не Митька — и родная сестра его бы теперь не узнала! Это был маленький трубочист, запачканный сажей, с черным лицом, с черными руками. За плечом у него висели метла и веревка, в руке он держал мешок с сажей и

большую складную ложку. Куда же он шел? В Кощеев дворец! Он решил узнать третье имя от самого Кощея...

Не так легко попасть в Кощеев дворец, если очень долго думать — кого бы спросить, да как бы пройти, пустят ли, да ведь, наверное, не пустят! А Митька долго не думал — он просто постучался на кухню и сказал:

— А вот кому трубы почистить!

— Пошел вон, бездельник! — заворчал на него повар. — Знаем мы, какие трубы ты чистишь! Ты чистишь карманы, негодяй! Да здравствует Кощей!

— Дяденька, напрасно вы так думаете, — спокойно отвечал Митька. — Вы не смотрите, что я такой маленький. Я, поверьте, не меньше труб вычистил на своем веку, чем вы испекли пирогов.

— Ваше превосходительство господин тайный советник, — сказал повару его помощник. — Осмелюсь заметить, что в левом дымоходе главной печки вашего превосходительства сегодня загорелась сажа. Может быть, вы позволите этому негодяю, как вы изволили выразиться, посмотреть, в чем там дело, а потом доложить вам?

Главный повар нехотя кивнул головой, и Митька был допущен на кухню. А из кухни, как известно, можно пройти в столовую, из столовой в другую столовую, а из другой столовой в третью. Из восьмой столовой в девятую, а из девятой в десятую. Митька шел и не оглядывался. Оглянешься — оступишься, оступишься — заблудишься! И вдруг

«рр-ав, ав, ав!» — где-то зарычала собака. Раз! — Митька нырнул в камин. Вот так камин! Он был выложен мрамором, и на каждой плите высечен Кощеев знак — две собачьих ноги крест-накрест. Но Митька не стал особенно удивляться. Подумаешь, камин! Он спрятался в угол и стал ждать.

«Посмотрим, — думал он, — что будет дальше?»

И вот в столовую вошел — кто бы вы думали? Младший Кощеев брат. Он был все еще в клетчатых штанах, но уже без очков и с перевязанным глазом.

«Молодец бабушка, — подумал Митька. — Здорово угодила».

— Да здравствует Кощей! — сказал младший Кощей. — Позволь доложить, о великий Кощей! Поиски не привели ни к чему. Галка и мальчик исчезли бесследно.

«Вот так штука, — подумал Митька. — С самим Кощеем разговаривает? Да где же он?»

Он осторожно выглянул из камина. Под столом? Никого. Под буфетом? Тоже. Митька взглянул наверх — и обомлел. Кощей, как муха, ходил по потолку.

— Убить всех галок, — сказал с потолка Кощей. — А мальчишку найти, ослепить и сжечь.

«Вот спасибо, — подумал Митька. — Как бы не так!»

— Позволь доложить, о великий Кощей, — сказал младший Кощей. — Щука сдохла по твоему приказанию. Она, оказывается, действительно была недовольна тем, что ты изволил за обедом съесть ее щуренка. Печной горшок положен в ларец и достав-

лен сюда. Мастер Золотые Руки ждет твоих распоряжений.

— Позвать его сюда, — сказал Кощей.

Только что он это сказал, как за дверью раздались шаги, и высокий человек с добрым и смелым лицом вошел в комнату. У него была широкая грудь, широкие, сильные плечи, но больше всего Митьке понравилась его борода, короткая и кудрявая, как у папы. Это и был Мастер Золотые Руки.

Трах-тарарах! Кощей скатился с потолка на стол и сел, кряхтя и потирая спину.

— Мастер, — глухим голосом сказал он и уставился на Мастера мертвыми глазами, — это ты заковал ларец?

— Да.

— И никто, кроме тебя, об этом не знает?

— Никто.

— А ты знаешь, что находится в этом ларце?

— Мне сказали, что Девочка Доброе Сердце возвращается на родину, что ты подарил ей этот ларец с чудесными подарками — скатертью-самобранкой и семимильными сапогами. Я заковал ларец, чтобы в далекой дороге никто не украл эти драгоценные вещи!

Кощей задумался.

— Ты заковал мою смерть, — сказал он. — А теперь я прикажу навеки заковать тебя в цепи, чтобы ты никогда и никому не мог передать эту тайну. Ты будешь сидеть в цепях до тех пор, пока ты ее не забудешь. Что же ты не кричишь: «Да здравствует Кощей!»?

Но Мастер Золотые Руки молчал.

— Гаус! — закричал Кощей.

— Рррр-ав-ав! — И тощая хромая собака вбежала в комнату и встала на задние лапы перед Кощеем.

«Ага, вот и ты, голубушка, — подумал Митька. — Вот как тебя зовут. Гаус!»

И он стал твердить в уме это имя.

— Надеть на Мастера цепи, — приказал Кощей.

И страшная собака принялась за дело.

— Ррр-ав! — зарычала она.

И горн с мехами вдруг очутился в комнате, как будто упал с неба.

— Ррр-ав-ав!

И три Кощеевых брата вбежали и схватили Мастера за руки.

Да, это было действительно страшно! Огонь так и перебегал по раскаленным кольцам цепи, искры вспыхивали и гасли.

Опустив голову, мрачный Кощей сидел на столе и смотрел на Мастера мертвыми глазами.

— Прекрасно закован, — сказал он наконец. — Отлично, великолепно закован. Уведите его. А ты можешь остаться.

И собака встала на задние лапы и подняла к нему тощую морду.

— Ав-ав-ррау, — прорычала она. Вероятно, она хотела сказать «Да здравствует Кощей!» по-собачьи.

— Посадить Мастера в подвал, — сказал Кощей. — Ларец поставить ко мне под кровать. Пусть

Мастера сторожит Гнор. Ты будешь спать у дверей моей спальни.

«Запомним», — подумал Митька.

— У девчонки пускай останется Гарт, — продолжал Кощей. — Мне кажется, что скоро — очень скоро — она станет как две капли воды похожа на мою покойную дочку. Прощай!

И собака скрестила перед ним свои лапы и ушла. А потом ушел и Кощей, потирая спину.

— Так, — сказал Митька и вылез из камина. — Ну что ж, пора приниматься за дело.

Только что он это сказал, только что собрался на цыпочках перейти из девятой столовой в десятую, как...

Трах!

Дверь перед ним захлопнулась, и кто-то запер ее с другой стороны на ключ.

— Ага, попался, — раздался за дверью знакомый голос. — Теперь ты от меня не уйдешь, негодяй!

ГАЛКА РАССКАЗЫВАЕТ МАШЕ ТО, ЧТО ЕЙ РАССКАЗАЛ ТРУБОЧИСТ

Интересно, что же в это время делала Маша? Давным-давно она поняла, что младший Кощей обманул ее и привез не в Синюю, а в Коричневую страну.

«Он бы попался, — думала она, — если бы я попросила его показать Синюю страну на карте».

С каждым днем она спала все хуже и хуже. Она слышала по ночам, как стучит ее сердце, и думала: «Кажется, оно еще не стало злым и трусливым?»

«Я ослепну, — думала она, — и тогда Кощей отпустит меня. Тогда я буду совсем не похожа на его покойную дочку. Как все-таки хорошо, что я на нее не похожа!»

Она не плакала. Только однажды мышонок, который прибегал к ней по ночам, почувствовал, как слеза капнула ему прямо на нос. Но это была единственная слеза. Никто не узнал о ней, кроме мышонка.

В ее комнате было маленькое окно. В ясный, солнечный день она видела крышу Кощеева дворца: ее комната находилась в башне, высоко поднимавшейся над крышей. И вот однажды она заметила, что по этой крыше опрометью бежит Трубочист. Он был без шапки, без метлы и веревки и даже без своей складной ложки. Он очень торопился. Разбежавшись, он нырнул в трубу вниз головой, как в воду.

«Какой смешной», — подумала Маша.

Она не знала, что это Веселый Трубочист.

Потом она увидела птицу — что за чудеса! — настоящую птицу.

«Должно быть, она прилетела от нас, — подумала Маша. — Ведь в Кощеевой стране всем птицам подрезаны крылья!»

Она не знала, что это была старая, умная Галка...

Вот, наконец, и Трубочист. Он вылез из трубы, и Галка сейчас же полетела к нему — можно было подумать, что она только его и дожидалась.

«Ручная», — подумала Маша. Она не знала, что Трубочист и Галка говорили о ней.

Но вот Галка сделала два больших медленных круга над крышей, как будто раздумывая о чем-то, и вдруг села у Машиного окошка.

— Милая девочка, привет и привет, — сказала она. — Привет от твоего брата. Привет от твоих новых друзей. Не удивляйся и не пугайся — Митька в Кощеевом дворце. Он пришел, чтобы освободить тебя, но его схватили, и теперь он сидит под стражей. Он мог бы убежать через камин, но младший Кощей следит за каждым его движением. Однако мы перехватили этого негодяя и узнали все, что нам нужно было узнать.

Митька в Кощеевом дворце! Маша удивилась, испугалась и обрадовалась, — право, можно было подумать, что она гордится таким храбрым братом.

— Бабушка, нужно ему помочь, — строго сказала она. — Может быть, вы узнали, как зовут собак, которые меня сторожат?

— Их зовут Гарт, Гнор и Гаус, — шепотом отвечала Галка. — А теперь слушай внимательно: каждое слово повторяй в уме, чтобы лучше запомнить. У твоей двери сидит Гарт. Повторила?

— Повторила, — сказала Маша.

— В подвале заперт Мастер Золотые Руки. Его сторожит Гнор.

— Повторила.

— Гаус сторожит ларец с Кощеевой смертью.

— Повторила.

— Ты постучишь в дверь и, как только собака вбежит, крикнешь ей: «Гарт!» И собака издохнет. Потом ты спустишься в подвал и освободишь Мастера Золотые Руки — он один знает, как открыть ларец с Кощеевой смертью. Потом ты убьешь третью собаку и вместе с Мастером унесешь ларец из Кощеевой спальни.

ЧТО ПРЕДСКАЗАЛА ПЕСЕНКА, КОТОРУЮ ПЕЛ ТРУБОЧИСТ

«Ох, сколько дела! Справлюсь ли я?» — подумала Маша.

Но она не стала особенно долго думать, справится она или нет. Она была Митькина сестра, а храбрая девочка, как известно, нисколько не хуже храброго мальчика.

Когда Галка улетела, она завязала в носовой платок все, что у нее было, — зубную щетку, зеркальце и катушку ниток с иглой, — простилась с мышонком и громко постучала в дверь.

Дверь распахнулась, и в комнату вбежала собака-волк.

— Гарт! — крикнула Маша.

У собаки подкосились ноги, и она грохнулась на пол, как мешок с картошкой.

«Прекрасно», — подумала Маша. На всякий случай она взяла из ее пасти ключ и заперла мертвую собаку, — пусть думают, что она просто ушла куда-нибудь по своим делам.

Потом Маша завязала этот ключ в платок вместе с зеркальцем, нитками и зубной щеткой и спустилась вниз. Она прошла одну лестницу, потом другую и третью. А с третьей лестницы можно попасть на четвертую, с четвертой на пятую. С десятой на одиннадцатую, а с одиннадцатой на ту, которая вела прямо в подвал.

Жирный пес сидел перед дверью подвала, положив свою жирную голову на два столба застывшей ядовитой слюны.

— Гнор! — крикнула ему Маша.

И пес издох. Он даже не успел сказать: «Ав-авррау».

Маша взяла из его пасти ключ и открыла подвал.

— Выходите, пожалуйста, — сказала она. — Я пришла за вами, Мастер Золотые Руки.

Они не стали тратить много времени на знакомство, а просто втащили собаку в подвал и заперли на ключ.

— Пускай думают, — сказала Маша, — что ей захотелось прогуляться.

Но дальше дела пошли не так гладко. Как вы знаете, Мастер был закован, и хотя цепи не мешали ему идти, но зато на каждом шагу оглушительно звенели. Этот звук донесся до младшего Кощея, который сидел на корточках перед замочной скважиной и следил за Митькой.

«Что за шум? — подумал младший Кощей. — Что за неприличный шум в такой неурочный час, когда сам Кощей спит после обеда?» Он хотел позвать кого-нибудь из тысячи братьев, но в это время

Мастер Золотые Руки вошел в комнату и ударил его своими закованными руками.

— Позвольте! — закричал младший Кощей.

Это было его последнее слово. Мастер убил его своими цепями.

— Алло! — закричал Митька за дверью. — Кто там?

— Мы, — шепотом отвечала Маша.

Она хотела сказать, что они скоро увидятся. Но они увиделись скорее, чем она успела это сказать, потому что Мастер Золотые Руки ударил в дверь плечом, и она сорвалась с петель.

— Ах! — сказала Маша. Она не узнала Митьку. Еще бы! Он был так перемазан сажей, что его и родная сестра не узнала бы. А ведь Маша и была его родная сестра!

— Здравствуй, вот и ты, — только и сказал Митька.

Это было немного, но он, как все храбрые мальчишки, не любил целоваться. Да и некогда было: нужно было бежать в Кощееву спальню — доставать ларец с Кощеевой смертью.

Да, это было действительно очень трудно! Нужно было идти на цыпочках и не разговаривать, а ведь это почти невозможно — так долго просидеть взаперти и не поговорить с родным братом!

— А как па... — начинала Маша и вспоминала, что нельзя разговаривать. — А как мам... — но опять умолкала.

Вот, наконец, и Кощеева спальня. Тощая хромая собака сидела у дверей.

— Грр-ав, — зарычала она.

Но Митька крикнул ей:

— Молчи, Гаус!

И она сейчас же упала и издохла. Теперь ничего не стоило взять из ее пасти ключ и открыть Кощееву спальню.

Так они и сделали. Мастер остался за дверьми, чтобы не разбудить Кощея, а брат с сестрой на цыпочках пошли в спальню и вытащили из-под кровати ларец. Они сделали это как раз вовремя, потому что через несколько минут Кощея укусила блоха, и он проснулся.

— Гаус! — пробормотал он.

Но собака не явилась.

— Гаус! — сказал он громче.

Никого.

Он заглянул под кровать и чуть не упал в обморок от ужаса: ларца не было.

— Воры! — закричал он и спрыгнул с кровати.

В одно мгновение он разбудил весь свой двор.

— Ларец, мой ларец! — кричал он.

Он был в отчаянии — то метался по потолку, то падал на кровать, закрывая лицо руками. Девятьсот девяносто девять братьев толпились в его спальне и не смели сказать ни слова.

— Догнать! — кричал Кощей. — Растоптать!

В эту минуту главный повар вбежал в комнату и доложил, что в левом дымоходе седьмой запасной плиты он слышит страшный шум. Все бросились на кухню. Из плиты доносились голоса.

— Это они, — прохрипел Кощей.

Он объявил, что желает сам пуститься в погоню. Напрасно братья умоляли его, напрасно главный повар доказывал, что в дымоходе — нечисто. Кощей прыгнул в печь и полетел по трубам...

Он не ошибся — это были они. Веселый Трубочист спустился к ним навстречу, и они поднимались по старому дымоходу, а Трубочист шел впереди и фонариком освещал дорогу.

У того места, где дымоход соединяется с кухонной печью, они остановились, и Мастер Золотые Руки уже засучил рукава, чтобы открыть ларец, но в это время из кухни донесся голос Кощея.

— Вперед, или он догонит нас! — вскричал Трубочист.

И они пустились вперед.

— Стоп! — сказал Трубочист.

И Мастер Золотые Руки принялся за работу. Но только что он дотронулся до ларца, как... «Вж-ж-ж! Вж-ж-ж!» Как будто огромная муха летела за ними по трубам.

— Это он! — сказал Трубочист. — Вперед, или он догонит нас!

И они пустились вперед. Из третьего этажа в четвертый, из четвертого в пятый.

— Стоп! — снова сказал Трубочист.

И Мастер Золотые Руки снова принялся за работу. Но едва он дотронулся до ларца, как... «Вж-ж-ж! Вж-ж-ж!» Кощей летел за ними по трубам.

— Нужно остановить его! — вскричал Митька. — Я сделаю это, а вы, Мастер, тем временем откройте ларец. Вперед!

И они пустились вперед, а Митька остался ждать Кощея.

«Вж-ж-ж! Вж-ж-ж!» Все ближе страшное жужжание! Все ближе Кощей! «Вж-ж-ж!» Стой твердо, Митя! Вот он, как ветер, свистит в трубе, вот он гремит и кашляет! Все ближе и ближе!

А Мастер Золотые Руки тем временем открывал ларец. У него не было с собой ни молотка, ни стамески. Но он знал, что ларец непременно нужно открыть.

«А раз так, — подумал он, — откроем без молотка и стамески».

И он открыл ларец.

— Печной горшок, — сказал он.

И вынул печной горшок.

— Яйцо, — сказал он.

И вынул из печного горшка яйцо.

— Уголек.

Он разбил яйцо и вынул из него уголек...

Между тем Митька ждал Кощея. «Вж-ж-ж!» Не ветер свистит в трубе! Не зверь ревет в лесу! Берегись, Митя! Это летит Кощей!

— Я тебя не боюсь! — крикнул Митька. — Я еще отплачу тебе за сестру, за Мастера Золотые Руки, за всех птиц, у которых подрезаны крылья.

Вот и он! Как буря, он налетел на Митьку и схватил его лапой за горло. Ничего, Митя, держись! Но все крепче сжимается лапа Кощея, все труднее дышать. Держись, Митя! Потемнело в глазах...

Плохо пришлось бы бедному Митьке, но в эту минуту...

— Тьфу!

Мастер Золотые Руки плюнул на уголек. Уголек зашипел и погас. Кощей пошатнулся, задрожал. Лапа его разжалась, он упал на колени, вздохнул и издох.

В этом, разумеется, не было ничего особенного. Все случилось именно так, как предсказывала песенка, которую пел Трубочист. Всех удивило совсем другое. Только что погас уголек, как Мастер Золотые Руки почувствовал, что цепи сами собой упали с него и полетели по дымоходу обратно в Кощеев дворец. Очень странно! Во всяком случае, он был теперь совершенно свободен.

Галка встретила их на крыше и, торжественно хлопая крыльями, поздравила Митьку и Машу. Потом она предложила им посмотреть вниз — очень интересно!

Весь город был ярко освещен, и даже на тюрьме горели разноцветные фонарики — синие, красные и голубые!

— Это значит, что наш Карл свободен, — сказала Старая Галка.

Веселые голоса доносились снизу, и, хотя крыша была высоко над землей, все-таки можно было разглядеть, что у каждого прохожего была в руках газета. Разумеется, с такой высоты трудно было ее прочесть, но зато легко догадаться, что в ней помещены стихи, потому что эти стихи распевали на всех перекрестках:

Пять рыцарей бесстрашных,
Отважных пять сердец,
Вы шею Кощею
Свернули наконец!

— Это поют о нас! — сказала Старая Галка.

Мы славим тех, кто смело
Пробрался во дворец
И отнял у Кощея
Закованный ларец.
Да здравствует наш Мастер!
Но Мастер наш пропал,
Хоть мы и обыскали
Таинственный подвал.
Товарищ, если знаешь
Ты что-нибудь о нем,
Стучись смелее в первый,
Второй и третий дом!

— Ау! Я здесь! Иду! — закричал Мастер Золотые Руки.

На прощание он обнял Машу, а Мите сказал, что он — настоящий мужчина.

С крыши на крышу поднимались они — и вот уже пропали внизу огни, и только один красный фонарик светил им дольше других. На каждой крыше сидел трубочист с метлой, мешком и складной ложкой. Они тоже распевали стихи, помещенные в газете, — но на свой лад. Вот как начинались теперь эти стихи:

Весь в саже, черный, как сапог,
Зато душою чист.
Нам будет скучно без тебя,
Веселый Трубочист!

— Очевидно, без меня не могут обойтись, — сказал Веселый Трубочист. — Что ж! Придется вернуться. Впрочем, вы и без меня найдете дорогу. Вперед и выше — самый верный путь!

Машу он не стал обнимать, чтобы не запачкать сажей. Зато Митьку он расцеловал в обе щеки. Он подарил ему на память свою ложку, а Маше — метлу, чтобы она могла сама чистить трубы, когда выйдет замуж.

Потом он крикнул в отдушину:

— Эге! Иду!

И ушел.

Все выше и выше поднимались они, и вот вдалеке уже показались звезды. Это были звезды родной страны, отливавшие оранжевым светом...

Черные и веселые, ребята вылезли, наконец, на крышу самого высокого здания. Что за чудеса! Летний сад лежал перед ними, как на карте, со всеми своими деревьями и лужайками.

— А вот и мама! — крикнула Маша.

Вы можете не поверить, что с такой высоты она узнала маму! Но попробуйте хоть денек посидеть в Кощеевой стране, да в Кощеевом дворце, и вы с любой высоты узнаете маму!

Да, это была она! Очень грустная, она сидела на той самой скамейке, на которой в последний раз сидела и рисовала Маша.

— Мама, ура! — крикнул Митька...

Пожалуй, не стоит рассказывать, как они спустились к ней и как она плакала и смеялась. Это не

шутка: потерять сразу всех детей, а потом вдруг найти — и тоже всех сразу.

Маша тоже всплакнула. Все-таки она была девочка, этого нельзя забывать!

Митька, понятно, не плакал, но высморкался — такие мальчики, как он, никогда не плачут.

Да, об этом не стоит рассказывать. Лучше спросите меня, куда делась Галка?

Оказывается, она проводила детей до самого Летнего сада. Митька звал ее с собой, но она грустно покачала головой и отказалась.

— А Галчонок? — сказала она и подала детям лапку...

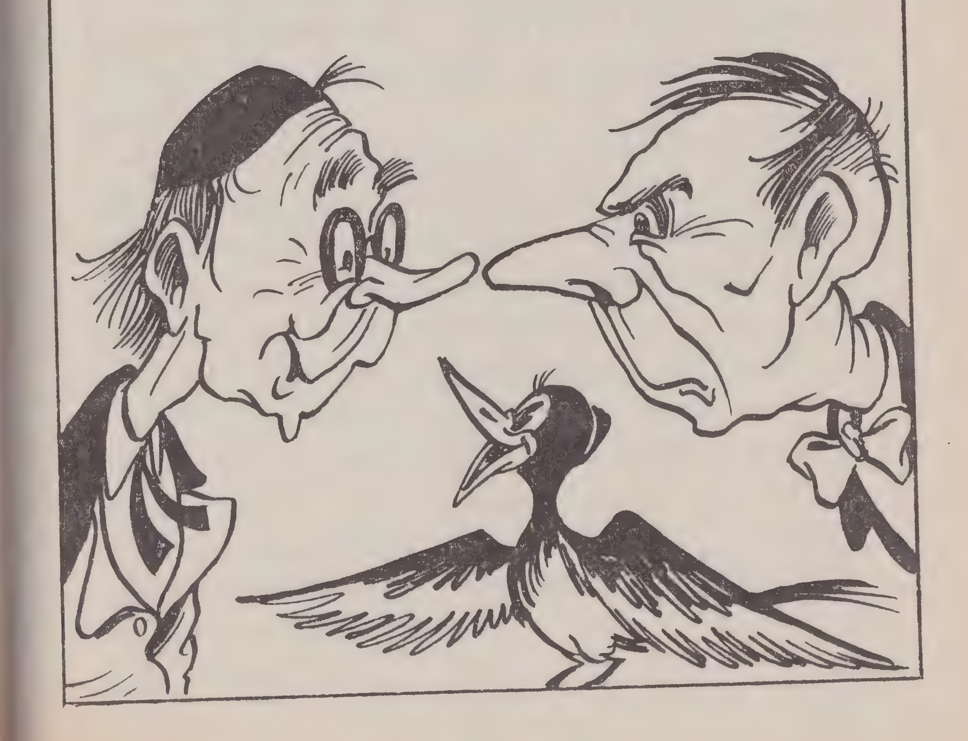
Вот и все!

Говорят, Веселый Трубочист поступил в институт и стал инженером-строителем, а Мастер Золотые Руки стал известным человеком в бывшей Кощеевой стране.

Я слышал также, что по выходным дням они приходят друг к другу в гости и вспоминают всю эту историю — ту, что вы прочитали. Что ж, может быть, и так! Чего не бывает в сказках.

В.Каверин

МНОГО ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ И ОДИН ЗАВИСТНИК

ТАНЯ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В АПТЕКУ «ГОЛУБЫЕ ШАРЫ»

Машинистка Треста Зеленых Насаждений стояла у окна, и вдруг — дзынь! — золотое колечко разбило стекло и, звеня, покатилось под кровать. Это было колечко, которое она потеряла — или думала, что потеряла, — двадцать лет назад, в день своей свадьбы.

Зубному врачу Кукольного Театра ночью захотелось пить. Он встал и увидел в графине с водой все золотые зубы, когда-либо пропадавшие из его кабинета.

Директор Магазина Купальных Халатов вернулся из отпуска и нашел на письменном столе золотые очки, которые были украдены у него в те времена, когда он еще не был директором Магазина Купальных Халатов. Они лежали, поблескивая, на прежнем месте — между пепельницей и ножом для бумаги.

В течение добрых двух дней весь город только и говорил об этой загадке. На каждом углу можно было услышать:

— Серебряный подстаканник?..

— Ах, значит, они возвращают не только золотые, но и серебряные вещи?

— Представьте, да! И даже медные, если они были начищены зубным порошком до блеска.

— Поразительно!

— Представьте себе! И в той самой коробочке, из которой она пропала!

— Вздор! Люди не станут добровольно возвращать драгоценные вещи.

— Ну, а кто же тогда?

— Птицы. Профессор Пеночкин утверждает, что это именно птицы, причем не галки, как это доказывает профессор Мамлюгин, а сороки, или так называемые сороки-воровки...

Эта история началась в тот вечер, когда Таня Заботкина сидела на корточках подле двери и слушала, о чем говорят мама и доктор Мячик. У папы было больное сердце — это она знала и прежде. Но она не знала, что его может спасти только чудо. Так сказал Главный Городской Врач, а ему нельзя не верить, потому что он Главный и Городской и никогда не ошибается — по крайней мере, так утверждали его пациенты.

— И все-таки, — сказал доктор Мячик, — на вашем месте я попробовал бы заглянуть в аптеку «Голубые Шары».

Доктор был старенький, в больших зеленых очках; на его толстом носу была бородавка, он трогал ее и говорил: «Дурная привычка».

— Ах, Петр Степаныч! — с горечью ответила мама.

— Как угодно. На всякий случай я оставлю рецепт. Аптека на пятой улице Медвежьей Горы.

И он ушел, грустно потрогав перед зеркалом в передней свою бородавку.

Папа давно уснул, и мама уснула, а Таня все думала и думала: «Что это за аптека “Голубые Шары”?».

И когда в доме стало так тихо, что даже слышно было, как вздохнула и почесала за ухом кошка, Таня взяла рецепт и отправилась в аптеку «Голубые Шары».

Впервые в жизни она шла по улице ночью. На улицах было не очень темно, скорее темновато. Нужно было пройти весь город — вот это было уже страшно, или скорее, страшновато. Тане всегда казалось, что даже самое трудное не так уже трудно, если назвать его трудноватым.

Вот и пятая улица Медвежьей Горы. Только что прошел дождь, и парадные подъезды блестели, точно кто-то нарисовал их тушью на черной глянцевитой бумаге. У одного из них, с распахнутой настежь дверью, был даже такой вид, как будто он говорил: «Заходите, пожалуйста, а там посмотрим». Но именно над этим подъездом горели в окнах большие голубые шары. На одном было написано: «Добро пожаловать», а на другом: «в нашу аптеку».

Маленький длинноносый седой человек в потертом зеленом пиджаке стоял за прилавком.

«Аптекарь», — подумала Таня.

— Нет, Лекарь-Аптекарь, — живо возразил человек.

— Извините. Могу я заказать у вас это лекарство?

— Нет, не можете.

— Почему?

— Потому что до первого июня чудесами распоряжается Старший Советник по лекарственным травам. Если он разрешит, я приготовлю это лекарство.

Он ушел, и Таня осталась одна.

Вот так аптека! На полочках стояли бутылки — большие, маленькие и самые маленькие, в которых едва могла поместиться слеза. Фарфоровые белочки, присев на задние лапки, притаились между бутылками. Это тоже были бутылки, но для самых редких лекарств. На матовом стекле вдоль прилавка вспыхивала и гасла надпись: «Антиподлин». Пока Таня раздумывала, что значит это странное слово, дверь открылась, и толстый мальчик, пугливо оглядываясь, вошел в аптеку. Это был Петька, тот самый, с которым она познакомилась в пионерском лагере в прошлом году. Но Петька был не похож на себя, вот в чем дело! Воротник его курточки был поднят, а кепка надвинута до самых ушей.

— Здравствуй, Петя. Вот хорошо, что мы встретились! Теперь мне будет не так страшно возвращаться домой.

— Если вам страшно, — возразил Петя, — вы можете купить таблетки от трусости, а мне они не нужны, потому что я ничего не боюсь. Кроме того, я вовсе не Петя.

Конечно, это был Петя! Конечно, он пришел, чтобы купить таблетки от трусости. Но ему стало стыдно, когда он увидел Таню, и он притворился, что он вовсе не Петя.

— Ах ты, глупый мальчишка, — начала было Таня, но в эту минуту вернулся Лекарь-Аптекарь.

— Советник не разрешил, — еще с порога сказал он. — У него сегодня отвратительное настроение.

— Пожалуйста, верните мне рецепт, — попросила Таня. — Где он живет? Главный Городской Врач сказал, что моего отца может спасти только чудо.

— Ради бога, замолчи, — болезненно морщась, сказал Лекарь-Аптекарь. — У меня больное сердце, мне жаль тебя, а это очень вредно. Надо же, в конце концов, подумать и о себе. Возьми рецепт. Он живет на Козихинской, три.

ТАНЯ ЗНАКОМИТСЯ С КОСОЛАПЕНЬКОЙ ЛОРОЙ И ПОЛУЧАЕТ КОРОБОЧКУ, НА КОТОРОЙ НАРИСОВАНА ПТИЦА

Дом был обыкновенный, давно не крашенный, скучный. Закутавшись в дырявую шаль, лифтерша сидела у подъезда. Она была похожа на бабу-ягу. Но это была, конечно, не баба-яга, а самая обыкновенная старая бабушка, закутанная в дырявую шаль.

— Девятый этаж, — сказала она сердито.

И Таня не успела опомниться, как лифт взлетел и распахнулся перед дверью, на которой было написано «Старший Советник». Таня нажала кнопку, и детский голос спросил:

— Кто там?

— Простите, пожалуйста, не могу ли я видеть...

Дверь распахнулась. Беленькая толстенькая девочка стояла в передней.

— А ты действительно хочешь его видеть?

— Конечно.

— Не удивляйся, пожалуйста, что я спрашиваю. Дело в том, что я никому не верю. Мой отец говорит, что верить никому нельзя, а уж своему-то отцу я все-таки должна поверить. Кстати, скажи, пожалуйста, ты обедаешь два раза в день?

— Нет.

— А я два, — со вздохом сказала девочка. — Отец, видите ли, беспокоится о моем здоровье. Ешь и ешь! И только смеется, когда я говорю, что это неприлично, когда у девочки нет даже намека на талию. Пойдем, я провожу тебя. Как тебя зовут?

— Таня.

— Ты ему не говори, что я пожаловалась.

— Ну что ты!

...Это был человек высокого роста, худощавый, черноглазый, лет сорока. Глаза у него были беспокойные, и левая ноздря время от времени отвратительно раздувалась. Но ведь и у хороших людей, как известно, бывают плохие привычки! Добрый доктор Мячик трогал же каждую минуту бородавку на своем толстом добром носу. Зато Старший Советник улыбался. Да, да! И можно было назвать эту улыбку добродушной, даже добродушнейшей, если бы он не потирал свои длинные белые руки и не втягивал маленькую черную голову в плечи.

— Что я вижу? — сказал он, когда девочки вошли в кабинет. — Дочка еще не спит? И даже привела ко мне свою подругу?

— Не притворяйся, папа! Ты прекрасно знаешь, что у меня нет подруг. Эта девочка пришла к тебе по делу. Ее зовут Таня.

— Здравствуйте. Извините. Меня направил к вам заведующий аптекой «Голубые Шары». Будьте добры, разрешите ему приготовить это лекарство.

Почему у Старшего Советника так заблестели глаза? Почему он так страшно вытянул трубочкой губы?

— Боже мой! — закричал он. — Ваш отец заболел! Какое несчастье!

— Разве вы его знаете?

— Еще бы! Я прекрасно знаю его. Много лет тому назад мы жили рядом, на одном дворе. Каждый день мы купались и очень любили нырять. Интересно, помнит ли он меня? Едва ли.

— Наверное, помнит, — вежливо сказала Таня. — Между прочим, он и теперь еще умеет отлично нырять.

— Вот как? — И Старший Советник схватился за сердце. — Лорочка, дружочек, приготовь мне, пожалуйста, прохладную ванну. Кажется, сегодня я опять не усну.

Можно было подумать, что Лоре не хочется выходить из комнаты, хотя не было ничего особенного в том, что отец попросил ее приготовить прохладную ванну.

— Подожди меня, хорошо? — шепнула она Тане и вышла.

— Но скажите, Таня, доктор Мячик предупредил вас, что лекарство должны принять сперва вы, а потом уже он?

— Я?

— Да. Но, если вы не хотите, я не буду настаивать, нет! Лекарство не нужно заказывать. Оно лежит у меня в столе.

И он протянул Тане коробочку, на которой была нарисована птица.

— Спасибо.

Таня взяла коробочку, поблагодарила и вышла. В коридоре она открыла ее. Там лежала пилюля, самая простая, даже хорошенькая. Она положила ее в рот и проглотила.

Вот тут неизвестно — сразу она превратилась в Сороку или прежде услышала, как Лора, выбежав из ванной, с ужасом крикнула:

— Не глотай!

ПЕТЬКА ПРИНИМАЕТ ТАБЛЕТКИ ОТ ТРУСОСТИ И СТАНОВИТСЯ ХРАБРЫМ

Как же поступил Петька, когда Таня ушла из аптеки «Голубые Шары». Он поскорее купил таблетки от трусости и побежал за ней. Ему стало стыдно, что девочка попросила проводить ее, а он, мужчина, невежливо отказался.

На Козихинской было темно, район незнакомый. Таню он не догнал, потому что останавливался на каждом шагу и хватался за карман, в котором лежали таблетки.

Дом номер три опасно поблескивал под луной. Тощая кошка с разбойничьей мордой сидела на тумбе. Лифтерша, выглянувшая из подъезда, была

похожа на бабу-ягу. А тут еще какая-то птица вылетела из окна и стала кружиться над ним так низко, что чуть не задела своим раздвоенным длинным хвостом. Это уж было слишком для Петьки. Дрожащей рукой он достал из кармана таблетки и проглотил одну, а потом на всякий случай — вторую. Вот так раз! Все изменилось вокруг него в одно мгновение. Дом номер три показался ему самым обыкновенным облупившимся домом. Кошке он сказал: «Брысь!» А от птицы просто отмахнулся и даже погрозил кулаком.

Разумеется, он не знал, что ей хотелось крикнуть: «Помоги мне, я — Таня!» Увы, теперь она могла только трещать как сорока!

— Ну, тетя, как делишки? — сказал он лифтерше.

— Не беги, не спеши, — сказала лифтерша. — Посидим, поболтаем.

Возможно, что, если бы Петька принял одну таблетку, он подождал бы Таню у подъезда, но он, как вы знаете, принял две, а ведь две — это совсем не то, что одна.

— Мне некогда болтать с тобой, тетя, — отвечал он лифтерше. — Ну-ка, заведи свой аппарат. — И в одно мгновение он взлетел на девятый этаж. — Тебя-то мне и надо, — сказал он, взглянув на медную дощечку, и забарабанил в дверь руками и ногами.

Все люди сердятся, когда их будят, но особенно те, которым с трудом удается уснуть. Рассердился и Старший Советник. Но чем больше он сердился, тем

становился вежливее. Такая уж у него была натура — опасная, как полагали его сослуживцы. Он вышел к Петьке, ласково улыбаясь. Можно было подумать, что ему давно хотелось, чтобы этот толстый мальчик разбудил его отчаянным стуком в дверь.

— В чем дело, мой милый?

— Здорово, дядя, — нахально сказал Петька. — Тут к тебе пришла девчонка, передай, что я ее жду.

Советник задумчиво посмотрел на него.

— Иди-ка сюда, мой милый, — ласково сказал он и провел Петьку в свой кабинет.

— Здравствуй, папа, — сказал он Старому Дрозду, который сидел нахохлившись в большой позолоченной клетке.

— Шнерр штикс трэнк дикс, — сердито ответил Дрозд.

В кабинете было много книг: двадцать четыре собрания сочинений самых знаменитых писателей, русских и иностранных. Книги стояли на полках в красивых переплетах, и у них был укоризненный вид — ведь книги сердятся, когда их не читают.

— Ты любишь читать, мой милый?

Конечно, Петька любил читать. И не только читать, но и рассказывать. Старшему Советнику повезло — он давно искал человека, который прочел бы все двадцать четыре собрания сочинений, а потом рассказал ему вкратце их содержание. Он усадил Петьку в удобное кресло и подсунул ему «Три мушкетера». Петька прочел страницу, другую и забыл обо всем на свете.

ТАНЯ ЗНАКОМИТСЯ С ДОБРОЙ СТАРОЙ ЛОШАДЬЮ, КОТОРАЯ ЕЩЕ СОВСЕМ НЕДАВНО БЫЛА ДЕВОЧКОЙ И ЖИЛА НА ВОСЬМЕРКИНОЙ, СЕМЬ

Сорока — нервная птица и не живет в городах. Но Тане, разумеется, не хотелось улетать из родного города — ведь она еще не потеряла надежду снова превратиться в девочку с косой, переплетенной голубой ленточкой и красиво уложенной вокруг головы. Но попробуйте-ка узнать девочку, когда она взлетает на дерево и садится на ветку, покачивая длинным раздвоенным черным хвостом! Понятно, что первый же мальчишка, который увидел Таню на Медвежьей Горе, запустил в нее камнем, закричав:

— Гляди, ребята, сорока!

В Березовом саду на нее накинулись галки, а в зоопарке чуть не проглотил гиппопотам только за то, что она уселась на его голову, торчавшую из воды, приняв ее по неопытности за камень.

К вечеру, усталая и голодная, Таня залетела на бега. Здесь жили лошади в таких прекрасных просторных стойлах, что Таня от всей души пожалела, что Старший Советник не превратил ее в лошадь. Среди них были гордые кони, недавно выступавшие на состязаниях и поэтому находившиеся между собой в дурных отношениях; были молодые, полные надежд, с гордо блестевшими глазами. Но Таня залетела в стойло Старой Доброй Лошади, которая таскала вдоль дорожек бочку с водой и получала за это только побои. Таня вздохнула и в ответ услышала глубокий, протяжный вздох.

— Ну что, девочка, плохи наши дела? — сказала ей Лошадь.

— Откуда вы знаете, что я девочка?

— И ты узнала бы меня, если бы я была без хвоста. Увы, давно ли я жила с папой и мамой на Восьмеркиной, семь! Меня звали Ниночкой, а теперь — Аппетит. Что за нелепое имя! Я очень любила читать, особенно сказки. У меня были синие ленточки в гриве, я хочу сказать — в косах. Каждое утро я чистила зубы и каждый вечер мыла копыта, я хочу сказать — ноги, в горячей воде. Я уже начинала немного ржать по-английски. Сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— А мне было пятнадцать. Для лошади это много. Вот почему я действительно Старая Лошадь. У меня болят кости, я плохо вижу, а другие лошади только смеются, когда я говорю, что мне нужны очки. Ежеминутно я ломаю руки — я хочу сказать, ноги — при одной мысли, что никогда больше не увижу своего маленького уютного стойла на Восьмеркиной, семь...

— Вы опять запутались, Лошадь, — сказала Таня. — Вы хотите сказать — своей маленькой уютной комнатки, да?

ВЕЛИКИЙ ЗАВИСТНИК

Мне не хочется, чтобы Старая Лошадь рассказала вам эту историю. Вы, наверное, заметили, что она все время сбивалась. Один раз она сказала — лягалась, а между тем речь шла о том, что мама уговаривала ее принять английскую соль. В другой раз она повторила: «Я ржала», и осталось неясным — она громко смеялась или действительно ржала. Словом, лучше я сам расскажу о Великом Завистнике — лучше для меня и для вас.

Это началось давно, когда на свете еще не было ни Петьки, ни Тани, а были другие мальчики и девочки, хорошие и плохие. Два мальчика жили на одном дворе. У одного была черная гладкая маленькая голова, которую он любил втягивать в плечи, а у другого — русая, а на затылке вихор. Каждый день они купались в реке. Раз купались, значит, ныряли. Вот почему Старший Советник спросил Таню, помнит ли еще ее папа о том, как они любили нырять.

Однажды они держали пари, кто дольше просидит под водой. Они глубоко вдохнули воздух и одновременно опустились на дно. «Раз, два, три, — считали они, — четыре, пять, шесть». Сердце билось все медленнее. «Семь, восемь, девять». Больше не было сил. Уф! И они вынырнули на поверхность. Первой показалась маленькая гладкая черная голова, а уже потом — русая, с мокрым вихром на затылке. Черный мальчик проиграл пари.

Потом они выросли, и все, что нравилось одному мальчику, не нравилось другому. Мальчик с русой головой любил бродить по горам. В конце концов он забрался так высоко, что орлы прислали ему золотую медаль. А мальчик с черной головой, спускаясь по лестнице, бледнел от страха.

Первый никогда не думал о себе. Он думал о тех, кого любил, и ему казалось, что это очень просто. А

второй думал только о себе. Иногда ему даже хотелось попробовать, как это думают о других, хоть день, хоть час. Но как он ни злился — ничего не получалось.

Потом мальчик с русой головой стал художником, и оказалось, что он умеет делать чудеса. По крайней мере, так говорили люди, смотревшие на его картины. Мальчик с черной головой тоже научился делать чудеса, например, превращать людей в птиц и животных. Но кому нужны были эти чудеса? По ночам он угрюмо думал: «Кому нужны мои чудеса?» Он томился тоской — ведь завистники всегда томятся, тоскуют.

Он ломал руки, когда видел рыболовов, спокойно сидевших с удочкой над водой. Ему становилось тошно, когда он смотрел на юношей и девушек, которые, раскинув руки, ласточкой падали в воду. Он завидовал всем, кто был моложе его. У него не было друзей, он никого не любил, кроме дочки. Его отец когда-то был Министром Двора и Конюшен и никак не мог примириться с тем,что он потерял это звание. Сорок лет он не выходил из дома. Он постоянно ворчал, и, чтобы хоть немного отдохнуть от отца, Великий Завистник время от времени превращал его в Старого Дрозда и сажал в золоченую клетку.

«Здорово, папа», — говорил он ему, и Дрозд отвечал: «Шнерр штикс трэнк дикс».

Нельзя сказать, что Великий Завистник не лечился от зависти — каждое воскресенье Лекарь-Аптекарь приносил ему капли. Не помогали!

Иногда он боялся, что зависть пройдет — ведь, кроме зависти, у него в душе была только скука, а от скуки недолго и умереть. Иногда принимался утешать себя: «Ты хотел стать великим — и стал, — говорил он себе. — Никто не завидует больше, чем ты. Ты — Великий Завистник. Ты — Великий Нежелатель Добра Никому». Но чем больше он думал о себе, тем чаще вспоминал тот ясный летний день, когда два мальчика сидели под водой и считали: «Раз, два, три», — тот день, когда он проиграл пари и в его сердце впервые проснулась зависть.

ТАНЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В АПТЕКУ «ГОЛУБЫЕ ШАРЫ»

— На себя я давно махнула рукой, — сказала Старая Лошадь. — Но ты должна надеяться, Таня. И главное — не привыкай к мысли, что ты Сорока. Не гордись своим раздвоенным длинным хвостом! Не трещи! Девочки быстро привыкают к тому, что они сороки, тем более что они вообще, как известно, любят трещать. Если ты увидишь золотые очки или золотое колечко, поскорее зажмурь глаза, потому что сороки воруют все, что блестит. И самое главное — постарайся все-таки заказать лекарство в аптеке «Голубые Шары».

— Спасибо, Старая Добрая Лошадь. Можно мне называть вас Ниночкой?

— Нет уж, брат. — Лошадь шумно вздохнула. — Куда уж! Правда, как девочка я еще ребенок, но зато как лошадь я старый, опытный человек.

— Рецепт остался у Великого Завистника, — стараясь не трещать, сказала Таня.

— Эх, ты! Впрочем, не беда. Я знаю Лекаря-Аптекаря. Он тебе поможет.

Ночь Таня провела в стойле, а утром полетела в аптеку «Голубые Шары». Да, Лошадь была права! Лекарь-Аптекарь с первого взгляда понял, что случилось с Таней.

— Не смей говорить, что этот негодяй превратил тебя в Сороку! — закричал он визгливо. — Не мучайте меня, у меня больное сердце. Дайте мне спокойно умереть.

Но, по-видимому, ему все-таки не хотелось умирать, потому что он взял с полки бутылку и выпил рюмочку, потом — другую.

— Яд! — сказал он с наслаждением.

Это был коньяк, о котором он любил говорить: «Это для меня яд».

— Ужасно, ужасно! — сказал он. — И самое печальное, что я ничего не могу для тебя сделать, решительно ничего. Не возражать! — крикнул он так громко, что фарфоровые белочки присели на задние лапки от страха. — Во-первых, до пенсии мне осталось только полгода. А во-вторых, ты дочь своего отца, а ведь ему-то именно этот негодяй и завидует больше всех на свете. И подумать только: если бы он просидел под водой хоть на одну секунду дольше, чем твой отец, они бы вынырнули друзьями! Все, что я могу сделать, — это посадить тебя на плечо и отправиться к больным. Сегодня у меня четыре визита.

...С Козихинской на Колыбельную, с Колыбельной на улицу Столовая Ложка, со Столовой Ложки на Восьмеркину — маленький, в потертом зеленом пиджаке, в ермолке, лихо сдвинутой на ухо, Лекарь-Аптекарь начал свой обход, а Сорока сидела у него на плече, стараясь не трещать по-сорочьи.

Один сел в калошу, другому соседка въелась в печенку, у третьего ушла в пятки душа — а попробуй-ка вернуть ее на старое место! Каждый раз, выходя от больного, он говорил Сороке: «Еще не придумал». Это значило, что он еще не придумал, как ей помочь. Наконец, выйдя от одного простодушного парня, который тяжело пострадал, сунув свой нос в чужие дела, он весело закричал:

— Готово!

Но, прежде чем рассказать Тане, что он придумал, Лекарь-Аптекарь вернулся домой, снял ермолку и зеленый пиджак, выпил рюмочку коньяку и сказал с наслаждением:

— Яд!.. Великий Завистник давным-давно лопнул бы от зависти, Таня. Но у него есть пояс, которым он время от времени затягивает свой тощий живот. Например, когда ты сказала, что твой отец до сих пор умеет превосходно нырять, — ручаюсь, что Великий Завистник раздулся бы, как воздушный шар, если бы забыл надеть пояс. Нужно стащить с него этот пояс — и баста.

— Стащить?

— Да! Мы сделаем это, — торжественно сказал Лекарь-Аптекарь. — Я тебе ручаюсь, что он лопнет, как мыльный пузырь. А знаешь ли ты, что произой-

дет, если он лопнет? Ты снова станешь девочкой, Таня. Я приготовлю лекарство по рецепту доктора Мячика, и твой отец будет спасен, потому что его может спасти только чудо. А Старая Добрая Лошадь вернется к своим родителям и снова будет носить голубые ленточки — не в гриве, а в косах.

ЛЮБИТЕЛЬ НЕОБЫКНОВЕННЫХ ИСТОРИЙ РАССКАЗЫВАЕТ ЛОРЕ СКАЗКУ О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ, И ЛОРА ЗАПОМИНАЕТ ЕЕ НАИЗУСТЬ

А Петька все читал и читал. Когда его окликали, он только спрашивал: «М-м?..» — и снова читал — строку за строкой, страницу за страницей. Одно собрание сочинений он прочел и принялся за другое. Можно было надеяться, что он расскажет Великому Завистнику хотя бы вкратце, о чем написаны книги, стоявшие в нарядных, разноцветных переплетах на полках. А он не рассказывал. Не потому, что не мог, а просто так, не хотелось. Он даже попробовал, но Великий Завистник с таким удовольствием потирал свои длинные белые руки, когда кому-нибудь не везло даже в книгах, что Петька перестал рассказывать и теперь только читал.

Время от времени папа-Дрозд, злобно косясь на него, начинал кричать:

— Шнерр дикс, тэкс тррэнк!

Это значило: «Я — Министр Двора и Конюшен. Прогоните мальчишку!»

Тогда Петька накидывал на клетку одеяло, и, думая, что наступила ночь, Дрозд засыпал.

В общем, Петька совсем зачитался бы, если бы не Лора, которая то и дело приходила к нему поболтать.

— Между прочим, отец давно хотел съесть тебя, — сказала она однажды, — но я не позволила.

— Почему?

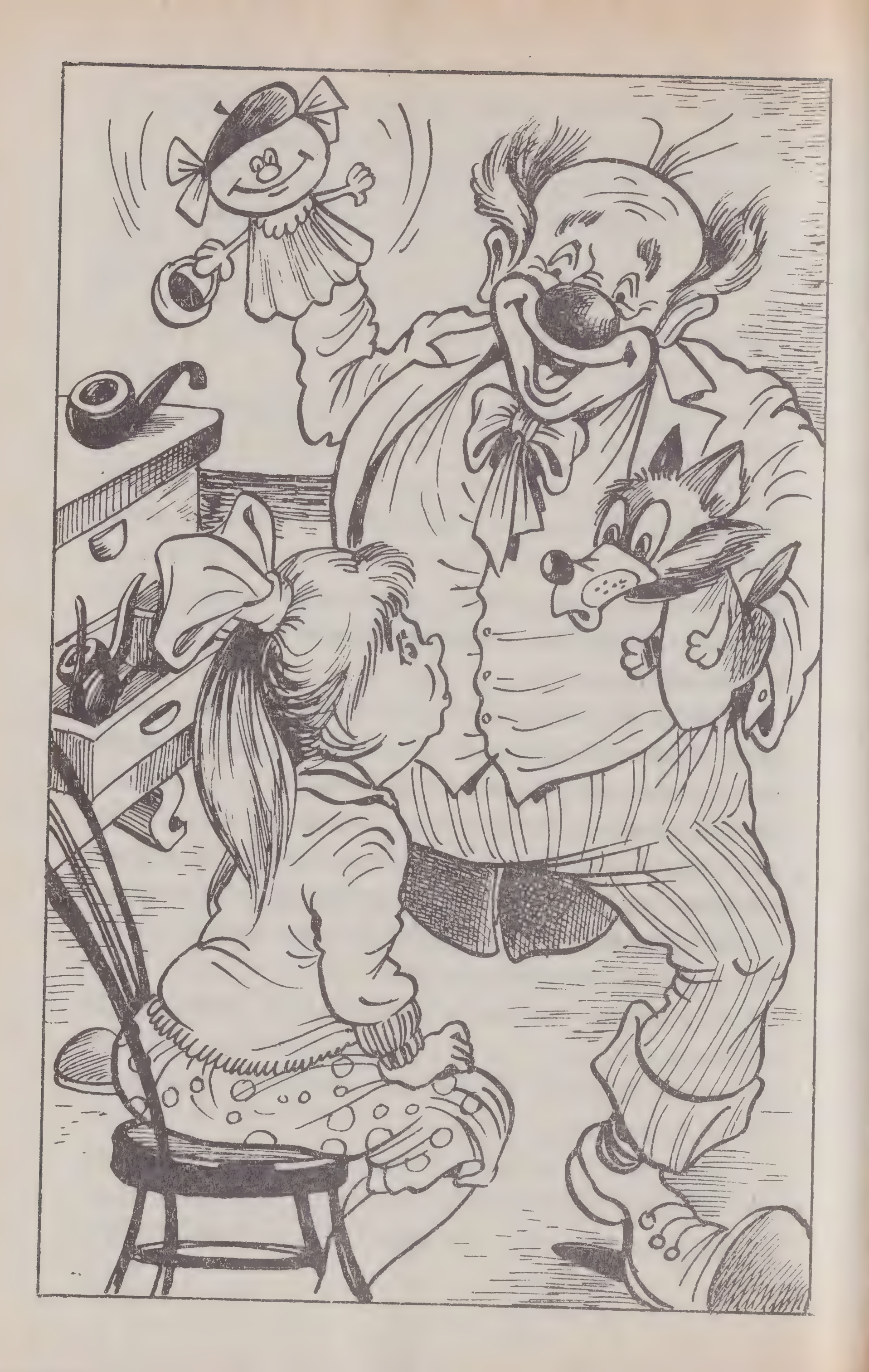
— Просто так. Мне смешно смотреть, как ты сидишь и читаешь.

Два раза в неделю она брала уроки у феи Вежливости и Точности и, вернувшись, показывала Петьке, как она научилась ходить — не боком, а прямо и легко, как снегурочка, а не тяжело, как медведь. Но Петька только справшивал: «М-м?..» — и продолжал читать.

Чтобы похудеть, Лора ела теперь не пять раз в день, а только четыре и спала после обеда не два часа, а только час двадцать минут. И похудела, правда не очень. Но Петька все равно не обращал на нее внимания. Она надела на шею ожерелье и, разговаривая, все время играла им, как будто нечаянно. Но хоть бы раз Петька взглянул на это хорошенькое ожерелье из цветного стекла!

Оставалось только рассказать ему что-нибудь поинтереснее, чем эти толстые книги, от которых он не мог оторваться. И она отправилась к Любителю Необыкновенных Историй.

Это был отставной клоун, вырезавший трубки из виноградного корня, очень хорошие, хотя иногда он и забывал проделать отверстие для дыма. Зато

истории, которые он рассказывал, были не то что хорошие, а превосходные, и очень жаль, что никто не хотел их слушать. Как только он открывал рот, жена говорила: «Ну, здрасте, поехал!» Дети — у него были взрослые, даже пожилые дети — начинали зевать, а гости приходили к нему с условием, что будут говорить они, а не он, и притом о самом обыкновенном: «У Марии Ивановны родился сын, а она ждала дочь» или: «Петр Ильич будет получать теперь не восемьдесят рублей в месяц, а восемьдесят пять рублей сорок копеек».

— Ага, старик, — с торжеством говорили они, уходя, — сегодня тебе не удалось рассказать ни одной необыкновенной истории.

Всем надоели его рассказы, вот почему он так обрадовался, когда к нему пришла Лора.

Она вошла немножко боком, но вообще почти прямо и если не так легко, как снегурочка, то уже не так тяжело, как медведь. Она вежливо поздоровалась и сказала:

— Не можете ли вы рассказать мне какую-нибудь интересную сказку? Я запомню ее слово в слово, у меня превосходная память.

— Да ради бога! — откладывая в сторону начатую трубку, сказал Любитель Необыкновенных Историй. — Сколько угодно. Грустную или веселую?

— Веселую.

— Отлично.

И он рассказал ей о девочке Красная Шапочка. Вы, конечно, знаете эту историю, дети? Может быть, она не очень веселая, особенно когда волк

глотает бабушку, надевает ее чепчик, который ему совсем не идет, и ложится в постель, поджидая Красную Шапочку с пирогами. Но зато все кончается хорошо. А ведь это самое главное, особенно когда все начинается плохо.

Лора запомнила ее слово в слово — ведь у нее была превосходная память. Но слова почему-то запомнились ей в обратном порядке. Например, не «Жила да была девочка, которую прозвали Красная Шапочка», а «Шапочка Красная, прозвали которую девочка, была да жила». Понятно, что Петька послушал минуть пять, а потом засмеялся и сказал:

— Да, здорово это у тебя получается.

И снова принялся за чтение. Теперь, когда Лора приходила к нему, он только лениво смотрел на нее одним глазом и читал себе да читал строку за строкой, страницу за страницей. Иногда, впрочем, он рисовал на полях чертиков с хвостами, изогнутыми, как вопросительный знак.

ВЕЛИКИЙ ЗАВИСТНИК РАССКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ

Когда у Великого Завистника начиналась бессонница, он завидовал всем, кто спит. Он скрипел зубами, думая о том, что соседи сладко похрапывают с открытыми форточками: кто на боку, а кто на спине. А где уж тут уснешь, если то и дело приходится скрипеть зубами! Он завидовал даже ночным сторожам, впрочем, только тем, которые — даром что они были сторожа — все-таки спали.

Все люди стараются уснуть, когда им не спится. Старался и Великий Завистник. Он ведь тоже был как-никак человек. Он считал до тысячи, представлял себе медленно текущую реку или слонов, идущих один за другим, важно переставляя ноги. Ничего не помогало! Он открывал окно и долго ходил по комнате в туфлях и халате — остывал, чтобы потом сразу бухнуться в постель и заснуть. Остывать удавалось, а заснуть — нет. Может быть, потому, что он начинал беспокоиться, что слишком долго остывал и теперь еще, не дай бог, простудился. В этот вечер он даже решился слазить на крышу с авоськой — авось удастся словить хоть какой-нибудь сон — ведь над городом по ночам проплывают сны. И поймал, даже не один, а целых четыре. Но, спускаясь с чердака, он выронил авоську, и сны неторопливо выплыли из нее, задумчивые, неясные, похожие на дым от костра в сыром еловом лесу.

Когда не спится, лучше не смотреть на часы. Часы, как известно, иногда врут. Нельзя, например, сравнить их с зеркалом, которое всегда говорит только чистую правду. И все-таки, взглянув на часы, почти всегда можно узнать, далеко ли до утра, или близок ли вечер. До утра было еще далеко, и Великий Завистник решил сходить в аптеку «Голубые Шары».

— Извините, — сказал он, постучав в стекло, за которым неясно виднелась маленькая фигурка в халате. — Прошу простить, это я. Как живете, старина? Вы не спите?

Ему казалось, что подчиненным, чтобы они его любили, нужно почаще говорить: «Ну как, старина?», или: «Как делишки, собака?»

— Здравствуйте. Сейчас открою, — ответил Лекарь-Аптекарь. — Это он, — торопливо прошептал он Сороке. — Тебе нужно спрятаться, Таня. Сюда, сюда!

За аптекой была маленькая комнатка, в которой он готовил лекарства.

— Заходи, пожалуйста.

Он зажег полный свет, и фарфоровые белочки, притаившиеся между пузырьками, стали протирать глаза сонными лапками: они решили, что наступило утро.

— Извините, старина, что так поздно, — сказал, входя, Великий Завистник. — Что-то не спится, черт побери. Решил узнать, как ваши делишки, и кстати прихватить у вас какую-нибудь микстурку, чтобы поскорее уснуть. Нет ли у вас чего-нибудь новенького, дружище?

— Хм... новенького? Надо подумать.

Великий Завистник устало опустился в кресло. Пожалуй, он не был похож на Великого Завистника в эту минуту. Он вздыхал, и левая ноздря у него не раздувалась, как всегда, а уныло запала.

— А вы молодец, как я посмотрю, — сказал он, глядя, как Лекарь-Аптекарь, быстренько вскарабкавшись по лесенке, сунул свой длинный нос сначала в одну бутылку, а потом в другую. — Интересно, знаете ли вы, что такое скука?

— Аптекарю очень нужен нос, — не расслышав, ответил Лекарь-Аптекарь.

— Скука, я говорю.

— Скука? Скука, нет, не нужна. Нос и руки.

— Я смертельно скучаю, старый глухарь, — сказал Великий Завистник. — Все мне врут, и, кроме дочки, меня никто не любит. А ты думаешь, мне не хочется, чтобы меня любили, старик? (В минуту откровенности он любил называть подчиненных на «ты».) Очень хочется, потому что, если подумать, — я совсем неплохой человек.

Лекарь-Аптекарь промолчал. Он был занят — взвешивал маковый настой и перемешивал его с липовым медом.

— Ты думаешь, мне так уж хочется, чтобы этот мазилка умер? — продолжал Великий Завистник (так он называл Таниного отца). — Ничуть! Все равно ему уже никогда больше не придется нырять. Что касается его чудес, честно скажу, — не могу согласиться. Я видел его картины. Ничего особенного: холст, рама и краски.

Лекарь-Аптекарь молчал. Он размешивал микстуру стеклянной палочкой и старался не подсыпать в нее крысиного яду.

— Все, что угодно, можно сказать обо мне, — продолжал Великий Завистник. — Я простодушен, нетребователен, терпелив; меня легко обмануть. На днях, например, божья коровка притворилась мертвой, чтобы я ее не убил. И я поверил! Поверил, как ребенок. И только потом догадался и убил. У меня

много недостатков, но уж в зависти меня никто и никогда не смел упрекнуть.

«Именно не смел», — подумал Лекарь-Аптекарь.

— Готово, — сказал он вслух. — Примите, и я ручаюсь, что через полчаса вы прекрасно уснете.

Возможно, что самое главное произошло именно в эту минуту. Великий Завистник встал и подтянул брюки — он забыл дома свой пояс. Разумеется, он сделал это по возможности незаметно — в присутствии подчиненных неудобно подтягивать брюки. Но у Лекаря-Аптекаря был острый глаз и, пробормотав: «Извините, пожалуйста», он торопливо прошел в маленькую комнатку за аптекой.

— Таня, — прошептал он одними губами.

Сорока, забившаяся в темный уголок, встрепенулась.

— Лети к нему. Он забыл дома свой пояс. Ты помнишь адрес?

— Да.

Лекарь-Аптекарь распахнул окно.

— Я постараюсь задержать его. Принеси мне пояс. Забудь о том, что ты девочка. Ты — Сорока-воровка.

ТАНЯ И ПЕТЬКА ИЩУТ И НЕ НАХОДЯТ ПОЯС

Днем Великий Завистник ссорился с дочкой: все хотел превратить Петьку в летучую мышь, а она не хотела. Днем Лора приходила и показывала, как она

теперь ловко ставит ножки, когда ходит, и как изящно складывает их, когда сидит. А ночью Петька был один-одинешенек, если не считать папы-Дрозда.

Никто не мешал ему читать и читать. Некоторые книги он перелистывал — они были холодные, точно на каждой странице лежала тонкая ледяная корка. Зато другие... О, от других невозможно было оторваться!

Однажды — это было как раз в ту ночь, когда Великий Завистник отправился в аптеку «Голубые Шары», — Петька заметил, что он похудел. Теперь уж никто не назвал бы его толстым мальчишкой! Это ему понравилось. Плохо только, что штаны стали падать. Он поискал веревочку — не нашел. У Великого Завистника на спинке кровати висел ремешок. Недолго думая Петька затянулся им и опять принялся за книжку.

Лора сладко похрапывала в своей комнате — набегалась за день, устала, повторяя на память уроки вежливости и приличных манер; кошка с разбойничьей мордой шумно метнулась на кухне — поймала мышонка — и все утихло, ни звука, тишина. Только страница прошелестит — прочитана, до свидания!

Вдруг кто-то постучал в окно. Петька взглянул одним глазом. Ничего особенного — Сорока. И он перевернул страницу. Но стук повторился.

— Открой.

«Гм... Странно. Сорока, а говорит человеческим голосом. Впрочем, в этом доме лучше не удивляться».

— Открой, ты слышишь? Сию же минуту.

Петька лениво распахнул окно и швырнул в Сороку пустой чернильницей — жаль, не попал!

— Хорош, — влетая в комнату, укоризненно сказала Таня. — Не пускает, да еще и кидается. Дай срок, влетит тебе от меня, глупый мальчишка.

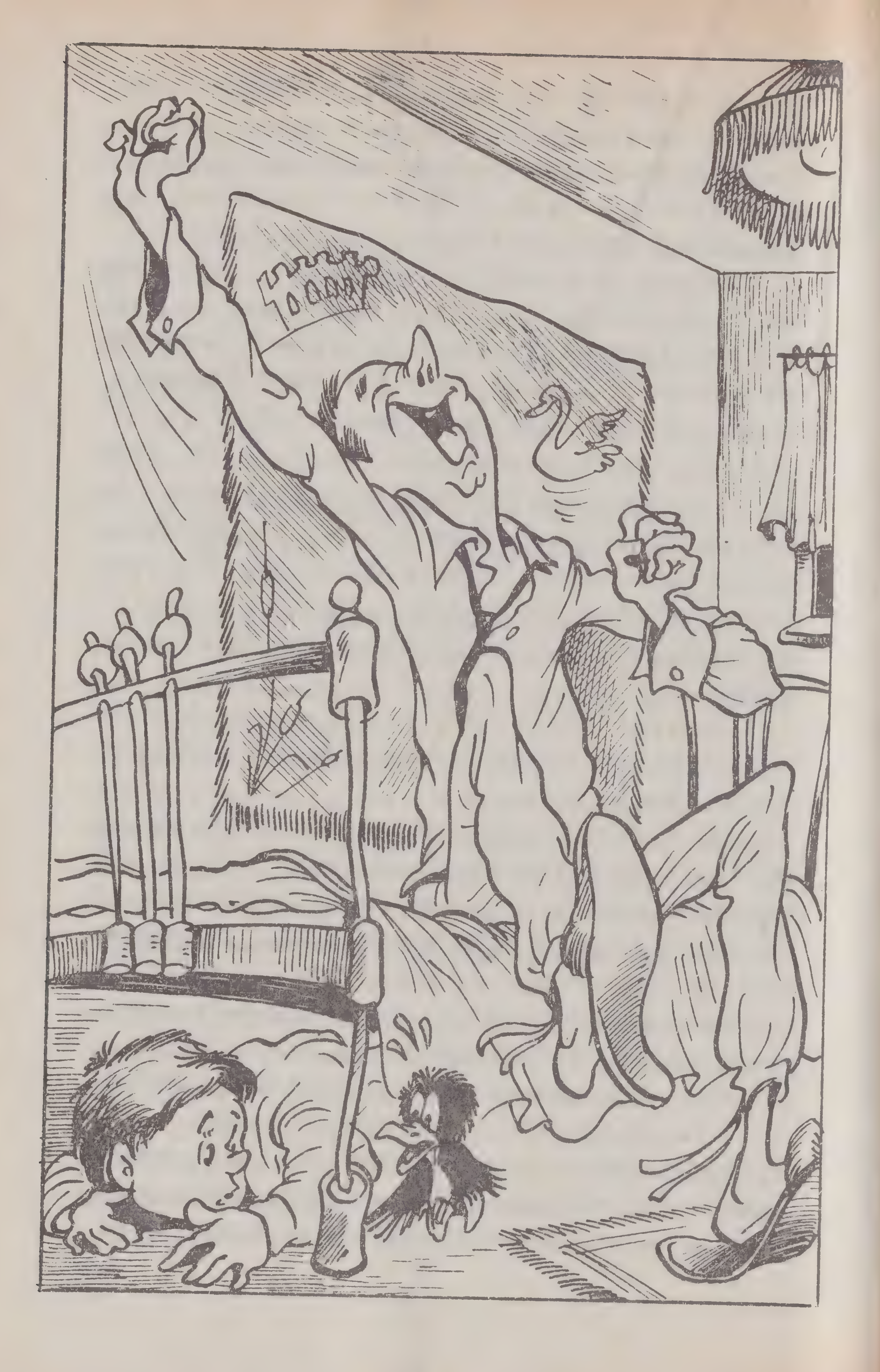
Пожалуй, не стоит рассказывать, как они ссорились. Петька все говорил: «а ты...», «а ты...», и получалось, что Таня сама виновата в том, что ее превратили в Сороку. Наконец они принялись искать ремешок. Конечно, Петька забыл, что не прошло и часа, как он подтянул им брюки, — ведь это случилось между двумя страницами, из которых одна была интереснее другой! Да и трудно было представить себе, что Великий Завистник носил этот старенький ремешок. Его пояс — так им казалось — должен был состоять из стальных колец, тонких, как паутина.

Они искали долго. Нет и нет! Зато в письменном столе Таня нашла рецепт доктора Мячика и бережно спрятала его под крыло.

Они искали все время, пока Великий Завистник, зевая, шел домой из аптеки «Голубые Шары». Он задремал в лифте — так сильно подействовал на него настой на меду. Полусонный, еле передвигая ноги, он вошел в свою комнату, и только тогда Таня с Петькой перестали искать ремешок. Полумертвые от страха, они притаились под кроватью, на которую он рухнул, едва стащив с себя пиджак и брюки.

— Каршеракешак, — прошептала Таня.

Это значило — надо бежать. И Петька понял ее, хотя и не понимал по-сорочьи. Но нужно было подождать, пока Великий Завистник крепко уснет.

И они сидели под кроватью, дрожа, особенно Таня, потому что Петька теперь уже не так трусил, как прежде. Но вот негромкие свисточки послышались в комнате — Великий Завистник всегда негромко посвистывал, а уж потом начинал храпеть. На цыпочках они выбрались в переднюю, оттуда на лестницу — и кубарем с девятого этажа! Кубарем катился Петька. Огорченная, громко вздыхая, повесив клюв, за ним плавно спускалась Сорока.

ВЕЛИКИЙ ЗАВИСТНИК ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ ВИДИТ ВЕСЕЛЫЕ СНЫ

Он еще посвистывал, как уходящий поезд, а сны уже стояли в очереди, толпились: «Я первый! Нет, я! Позвольте, граждане, вот этот длинный сон может подтвердить, что первый именно я».

Нет, это были не длинные и не скучные, а восхитительные, приснившиеся впервые в жизни легкие сны! Мальчик, на которого Великий Завистник наступил в прошлом году, явился смеющийся, розовый и сказал, что ему совсем не было больно. Девочка, которую он превратил в Старую Лошадь, долго старалась втиснуться в лифт и наконец, отчаявшись, стуча копытами, вскарабкалась на девятый этаж — только для того, чтобы поблагодарить его: с тех пор, как она стала лошадью, для нее началась — так она проржала, положив ногу на сердце, — настоящая жизнь. Божья коровка, которую он убил, летала вокруг него, напевая: «Так мне и надо, тра-ля-ля», и когда он спросил ее во сне:

«Почему?» — она ответила: «А потому, что нечего было притворяться мертвой».

Да, самое лучшее в мире — это сон, но нет ничего хуже, как проснуться от детского плача. А между тем случилось именно это. Кто-то громко плакал в соседней комнате. Неужели этот уткнувшийся носом в книгу толстый мальчишка?

Вскочив с кровати, Великий Завистник накинул халат, распахнул дверь... Плакала Лора. Она сидела на полу среди разбросанных книг; в руках у нее было длинное сорочье перо, и она плакала так громко, что у Великого Завистника защемило сердце: он очень любил свою дочь.

— Что случилось? — крикнул он с ужасом.

— Он у... у... у...

— Фу! Ты меня напугала. Умер?

— Нет, ушел.

— Ушел? Это прекрасно... — начал было Великий Завистник, но успел произнести только «прек»... и подпрыгнул, потому что Лора больно ущипнула его за лодыжку. — Ай! Почему ты плачешь, мое бедное дорогое дитя? Ты жалеешь, что я не успел превратить его в летучую мышь?

Вместо ответа Лора легла на пол, прямо в маленькую лужу, которую она наплакала, и принялась бить об пол ногами.

— Хочу, хочу, хочу, — кричала она, — хочу, чтобы он вернулся!

Она колотила своими толстенькими косолапенькими ножками так сильно, что жильцы восьмо-

го этажа поднялись на девятый, чтобы почтительно спросить, не пожаловаться ли им в домоуправление.

— Он вернется, обещаю тебе! Даю честное благородное слово.

— Я не верю! — кричала Лора. — Ты нечестный, неблагородный. Ты сам говорил, что никому нельзя верить.

— Но как раз в данном случае можно, — в отчаянии кричал Великий Завистник. — Не забывай, что я твой отец. Успокойся, я тебя умоляю. Откуда у тебя это перо?

— А-а-а! Я хочу, чтобы он сидел в кресле и читал. Я хочу, чтобы он спрашивал «м-м?..» и смотрел на меня... а-а-а... одним глазом!

— Хорошо, хорошо, он вернется и скажет «м-м?..», чтоб он пропал! И будет смотреть на тебя одним глазом.

Похолодев, он отнял у Лоры перо. Оно было сорочье, а сорочье перо могла выронить только Сорока.

ВЕЛИКИЙ ЗАВИСТНИК НЕ НАХОДИТ СВОЙ ПОЯС, ХОТЯ ПРЕКРАСНО ПОМНИТ, ЧТО ПОВЕСИЛ ЕГО НА СПИНКЕ КРОВАТИ

«Враги! — уныло думал он, грызя ногти и втягивая маленькую черную голову в плечи. — Мне завидуют, это ясно. Я на виду, мне сорок лет, а я уже Старший Советник. Я доверчивый, а доверчивым всегда худо. Вот пригрел этого мальчишку, а он ушел, даже не сказав спасибо.

Будем рассуждать спокойно: Сорока прилетела не за мальчишкой, а за рецептом. Она еще надеется заказать лекарство в аптеке «Голубые Шары». Но аптекарь — мой друг! Я всегда относился к нему снисходительно... Тем хуже! Во всяком случае, для меня.»

«...Я запутался, — думал он через час, пугаясь и холодея. — Мне грозит опасность. Вот что нужно сделать прежде всего: подумать не о себе. Это освежает».

Ему всегда было трудно думать не о себе и главное — неинтересно. Но все-таки он подумал:

«Нет, Лекарь-Аптекарь не посмеет приготовить лекарство без моего разрешения. Ведь он знает,что до первого июля я распоряжаюсь чудесами. И Заботкин умрет».

Улыбаясь, Великий Завистник потер длинные белые руки.

«Да, но его отнесут во Дворец Изящных Искусств. Духовой оркестр будет играть над его гробом похоронный марш, и не час или два, а целый день или, может быть, сутки. Самые уважаемые в городе люди, — думал он с отчаянием, чувствуя, как зависть просыпается в сердце, — будут сменяться в почетном карауле у гроба».

Это была подходящая минута, чтобы надеть ремешок, и Великий Завистник протянул руку — помнится, он повесил его на спинку кровати. Ремешка не было. Он обшарил платяной шкаф — не

забыл ли он ремешок в старых брюках? — вывернул карманы, обыскал письменный стол. Он разбудил дочку и пожалел об этом, потому что, едва открыв глаза, она залилась слезами. Он засунул в мусоропровод свою длинную белую руку, и рука поползла все ниже — в восьмой, седьмой, шестой, пятый этаж. Нет и нет! Вытянув губы в длинную страшную трубочку, бормоча: «Ах так, миленькие мои! Значит, так? Хорошо же!» — он вернулся в свою комнату.

ЛЕКАРЬ-АПТЕКАРЬ ГОВОРИТ СО СВОИМ НАЧАЛЬНИКОМ ПО ТЕЛЕФОНУ, А СТАРАЯ ЛОШАДЬ ДЕЛИКАТНО СТУЧИТСЯ В АПТЕКУ «ГОЛУБЫЕ ШАРЫ»

Лекарь-Аптекарь сразу же понял, что Таня не принесла ему пояс.

— Не смей говорить, что ты не нашла его! — закричал он, схватившись за сердце. — Все погибло, если ты его не нашла. Он догадается, что это была ты, а если он догадается...

Сороки не плачут, как это доказывает профессор Пеночкин, или плачут крайне редко, как это утверждает профессор Мамлюгин. Но Таня еще совсем недавно была девочкой, и нет ничего удивительного в том, что она разревелась.

— Не сметь! — визгливо закричал Лекарь-Аптекарь. — Ты промочишь пиджак (Таня сидела на его плече), я простужусь, а мне теперь некогда болеть. Что это еще за мальчишка?

Мальчишка, стоявший у двери с виноватым видом, был Петька, и Лекарь-Аптекарь не хватался бы так часто за сердце, если бы он знал, что на Петьке был ремешок, старенький, потертый ремешок из обыкновенной кожи. Но он этого не знал.

— Мало с тобой хлопот! Здравствуйте, теперь еще придется возиться с этим трусишкой. Оставьте меня в покое! У меня больное сердце. Дайте мне спокойно умереть.

Но, по-видимому, ему все еще не хотелось умирать, потому что он выпил рюмочку коньяку, а потом, немножко подумав, вторую.

— Яд, — сказал он с наслаждением. — Давай сюда рецепт, глупая девчонка. Он догадается, что это была ты, и меня, конечно, уволят, если я приготовлю лекарство для твоего отца. А мне, понимаешь, до пенсии осталось полгода. Боже мой, боже мой! Всю-то жизнь я старался не делать ничего хорошего людям, и никогда у меня ничего не получалось, никогда! И вот, пожалуйста, опять! Ну ладно, куда ни шло! В последний раз. Умереть мне на этом месте, если я еще когда-нибудь сделаю хорошее людям... Зверям — другое дело. Птицам — пожалуйста! Но людям... Почему ты так похудел, мальчик? Ты голоден? Возьми бутерброд. Ешь! Я тебе говорю, ешь, подлец! Ох, беда мне с вами.

Он ворчал, и вздыхал, и сморкался в огромный застиранный зеленый платок, хотя, как известно, все аптекари в мире стараются не сморкаться, приготовляя лекарство. А если и сморкаются, так не в зеленые застиранные, а в новенькие, белые как

снег платки. Но он сморкался, и моргал, и почесывался, и даже раза два одобрительно хрюкнул, когда стало ясно, что для Таниного отца он приготовил не лекарство, а настоящее чудо. Плохо было только, что вместо одного пузырька он нечаянно приготовил два, а за два ему могло попасть ровно вдвое.

— Возьми, Таня.

Сорока осторожно взяла пузырек, на котором было написано: «Живая вода».

— Так. А второй мы спрячем. Не дай бог, пригодится. Счастливого пути. Живо! — закричал он и затопал ногами. — А то я еще передумаю! Ох, как вы мне все надоели.

И Таня улетела — вовремя, потому что позвонил телефон, и Лекарь-Аптекарь услышал голос, который действительно мог заставить его передумать.

— Как дела, старина? — спросил Великий Завистник. (К сожалению, это был он.) — Я хочу поблагодарить тебя за микстуру. Спал, как ребенок. Здорово это у тебя получилось!

— Пожалуйста, очень рад.

— Погромче!

— Очень рад, — заорал Лекарь-Аптекарь.

— То-то же. Ты вообще имей в виду, что я к тебе отношусь хорошо. Вот сейчас, например, с удовольствием потрепал бы тебя по плечу, честное слово. Ты ведь, кажется, любишь птиц?

— Что?

— Птиц, говорю! Воробьев там, канареек, сорок?

— Птиц? Нет. То есть, смотря каких. Полезных — да. Которые поют. А воробьев — нет. Они не поют.

— Понятно. Кстати, тут на днях к тебе не залетала Сорока?

— Нет. А что?

— Да тут, понимаешь... просыпаюсь, а на полу Сорочье перо. Уронила. Ну, ты меня знаешь! Захотелось вернуть. Ищет, думаю, огорчается птица. Значит, не залетала?

— Нет.

— Хм... тем лучше. До свидания. Ах, да! Надеюсь, ты еще не забыл, что чудесами распоряжаюсь лично я впредь до распоряжения?

— Что вы!

— Ну то-то. Прощай.

Они одновременно положили трубки и зашагали из угла в угол: Великий Завистник, зловеще бодаясь маленькой черной головкой, а Лекарь-Аптекарь, в отчаянии хватаясь за свой длинный, сразу похудевший нос. Они шагали, думая друг о друге. Мысли Великого Завистника летели в аптеку, а мысли Лекаря-Аптекаря — прямехонько на Козихинскую, три, — и нет ничего удивительного в том, что они столкнулись по дороге. Раздался треск, не очень сильный, но все же испугавший Лошадь, тащившую бочку с водой вдоль Соколиной Горы. Это была та самая Старая Лошадь, которую когда-то звали Ниночкой, а теперь — Аппетит. Ей давно хотелось узнать, заказала ли Таня лекарство, и заодно, если удастся, купить у Лекаря-Аптекаря очки. Купить, правда, было не на что.

«Но, может быть, — думала она, — я сумею оказать ему какую-нибудь услугу? Например, для микстур и настоев нужна вода. А у меня она как раз очень вкусная и сколько угодно».

«...Да, без очков трудно жить, — думала она грустно. — Особенно когда даже подруги норовят стащить твое сено из-под самого носа. Впрочем, какие они мне подруги? Разве они носили когда-нибудь ленточки в косах? Разве их награждали когда-нибудь почетной грамотой, как меня, когда я перешла в третий класс? Кто танцевал в школе лучше, чем я? Кто пел, как соловей: “И-го-го, и-го-го!”?»

Ей показалось, что она встала на цыпочки и запела, а на самом деле она подняла хвост и заржала. Лекарь-Аптекарь, все еще шагавший из угла в угол, прислушался с беспокойством.

Трах! — Аптечная посуда зазвенела в ответ, а фарфоровые белочки привстали, насторожив уши.

Трах! — Это, конечно, была Старая Лошадь. Ей казалось, что она стучит деликатно, чуть слышно.

ЖИВАЯ ВОДА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В СИРЕНЕВЫЙ КУСТ, А ТАНЯ ЗНАКОМИТСЯ С ЛИХОБОРСКОЙ СОРОКОЙ

Живая вода плескалась в пузырьке. Таня крепко сжимала его в своем черном изогнутом клюве. Еще несколько взмахов — и дома! Вот и знакомая крыша показалась вдали. На трубах сидели воробьи и вдруг

все разом шумно вспорхнули, должно быть, испугались большой черно-белой птицы, которая несла что-то непонятное в клюве. А ну взорвется или еще что-нибудь? Мальчишки запускали воздушного змея на Медвежьей Горе. Они тоже, конечно, заметили Таню, тем более что подул ветер и воздушный змей поплыл к ней навстречу. Он был страшный, рогатый, с высунувшимся красным языком. Любая сорока закричала бы караул. Но Таня не закричала, — ведь она могла выронить пузырек! Зажмурив глаза, она приближалась к змею. Поздороваться с ним и обогнуть — это был бы лучший выход из положения. Но и для этого нужно было открыть клюв, а она сжимала его все крепче.

— Сорока-воровка!

— Гляди, ребята! Что-то стащила!

Один камень больно ударил Таню в плечо, другой оцарапал ногу, а третий ... третий разбил пузырек! Тонкая, засверкавшая на солнце нить протянулась между землей и небом. Это пролилась живая вода, и там, где она упала, вырос такой красивый сиреневый куст, что Ученый Садовод немедленно написал о нем книгу под названием «Чудо на Медвежьей Горе».

Расстроенная, измученная, с подбитым крылом, Таня полетела обратно в аптеку. Она помнила, что Лекарь-Аптекарь приготовил два пузырька живой воды. Какая удача! Но на куске картона, висевшем между голубыми шарами, было написано: «Хотите верьте, хотите нет — аптека закрыта». Почерк был Петькин, и никто другой не нарисовал бы в уголке

чертика с хвостом, изогнутым, как вопросительный знак.

Да, аптека была закрыта, и Таня, взлетев на антенну, с которой были видны все двенадцать улиц Медвежьей Горы, принялась ждать — что еще могла она сделать?

Прошел час, другой, третий. Начался дождь. Таня промокла до последнего перышка — и это было прекрасно, потому что она боялась уснуть, а под дождем не уснешь, тем более без зонтика, правда? Но дождь перестал, и она уснула. Солнце поднялось; когда она открыла глаза, подъезды сверкали после дождя, точно нарисованные мелом на белой глянцевитой бумаге, а кусок картона с надписью по-прежнему висел между голубыми шарами. Лекарь-Аптекарь не вернулся. Но куда же в таком случае делся Петька? Таня полетела на Бега к Старой Лошади, но в ее стойле спал, расставив ноги, грубый Битюг с рыжим хвостом.

— Простите, вы не знаете?.. Прежде в этом стойле часто останавливалась одна девочка... Я хотела сказать, одна лошадь.

— Кобыла Аппетит снята с рациона, — проржал, просыпаясь, Битюг, который прежде возил заведующего продовольственной базой и привык выражаться так же кратко, как он.

— Снята? Почему?

— Как сбежавшая в неизвестном направлении, утащив казенную упряжь, тележку и бочку с водой.

Ничего не оставалось, как вежливо извиниться и улететь. Но куда?

...В отвратительном настроении Таня спряталась в самой густой листве Березового Сада. Все казалось ей в черном свете, даже солнце, на которое, как все сороки, она могла смотреть не мигая. Голубое небо казалось ей серым, зеленые листья — рыжевато-грязными, а птица, сидевшая на соседнем дереве, самой обыкновенной скучной вороной.

— Шакикракишакерак, — вдруг сказала птица.

Очень странно! На чистейшем сорочьем языке это значило: «Добрый вечер».

— Каршишкарирашкераш, — быстро ответила Таня.

Это значило: «Какая приятная неожиданность! Представьте себе, я приняла вас за ворону».

— Нет, я Сорока. Ворона, если вы имеете в виду Белую Ворону, приходится мне тетей. Вы живете в городе?

— Да. А вы?

— Я предпочитаю деревню. Здесь слишком шумно. Вы знаете, совершенно невозможно сосредоточиться. Какое хорошенькое это у вас перо с хохолком!

— Ну что вы, ничего особенного. Вот сегодня ночью я потеряла перо. До сих пор не могу прийти в себя. Знаете, такое белое-белое с черной отделкой.

— Что вы говорите! И не нашли?

— Нет, конечно. Ужасно жалко. Что это у вас на ноге? Неужели колечко? Какая прелесть! Бирюза?

— Да. И у меня еще есть бирюзовые сережки. А вот брошку никак не подберу. Вы не поверите, на днях обшарила все магазины. Нет и нет! Хоть плачь.

— А это колечко вы тоже купили в комиссионном?

— Купила? Зачем? Стащила.

Они потрещали еще немного, а потом Сорока пригласила Таню к себе в Лихоборы.

— Я живу у тети, — объяснила она. — Она будет очень рада. Лететь недалеко, всего сто километров.

«Осторожно, Таня. Помни, что девочки быстро привыкают к тому, что они сороки, тем более что они вообще любят потрещать. Ты девочка, ты не сорока». Можно было подумать, что Старая Добрая Лошадь была тут как тут — так ясно услышала Таня ее грустный предостерегающий голос. Но она устала и была голодна. В конце концов, что за беда, если она проведет денек с этой веселой Сорокой?

— К сожалению, мне необходимо найти Лекаря-Аптекаря, — сказала она. — Он ушел и не вернулся. Я прождала его целую ночь.

— Ну и что же! Тетя скажет вам, куда он ушел. Вы знаете, какие они умные, эти вороны.

Таня задумалась.

— Кракешак, — сказала она наконец.

На чистейшем сорочьем языке это значило: «Я согласна».

Пришлось сделать порядочный крюк, но, улетая из города, не могла же она не заглянуть домой хоть на минутку!

Окно папиной комнаты было распахнуто настежь, он рисовал, лежа в постели, а мама сидела подле с книгой в руках. У нее было грустное лицо. Она, без сомнения, волновалась за Таню. Но поче-

му-то ей стало легче, когда Сорока, приветливо кивая, пролетела мимо окна.

ЛЕКАРЬ-АПТЕКАРЬ ПРОЩАЕТСЯ СО СВОЕЙ АПТЕКОЙ, А СТАРАЯ ДОБРАЯ ЛОШАДЬ НАДЕВАЕТ ОЧКИ

Что же значила странная надпись на картоне, висевшем между голубыми шарами: «Хотите верьте, хотите нет — аптека закрыта»? Не стоит ломать себе голову над этой загадкой, тем более что нет ничего проще, как разгадать ее. Лекарь-Аптекарь испугался. А когда человек пугается, он бежит.

«Нужно сделать вид, что меня нет, — подумал он, поговорив с Великим Завистником по телефону. — А когда человека нет, его нельзя уволить, потому что нельзя уволить того, кого нет. Прекрасная мысль! Но ведь очень трудно сделать вид, что меня нет, когда я тут как тут, в своей ермолке, в зеленом пиджаке, со своими порошками и микстурами, в которых никто не может разобраться, кроме меня. Значит, нужно удрать. Куда?»

И он решил удрать к Ученому Садоводу, симпатичнейшему человеку, который, как об этом неоднократно сообщали газеты, прекрасно относился к цветам, вообще растениям и некоторым насекомым. Можно было рассчитывать, что столь же хорошо он относится к некоторым людям, таким, например, как Лекарь-Аптекарь. Итак, решено!

Он собрался было вызвать такси, но именно в эту минуту — трах! — постучалась Старая Лошадь.

— Вот кстати-то! — закричал он. — Здравствуй, Ниночка. Надеюсь, ты не очень занята и сможешь отвезти меня к Ученому Садоводу?

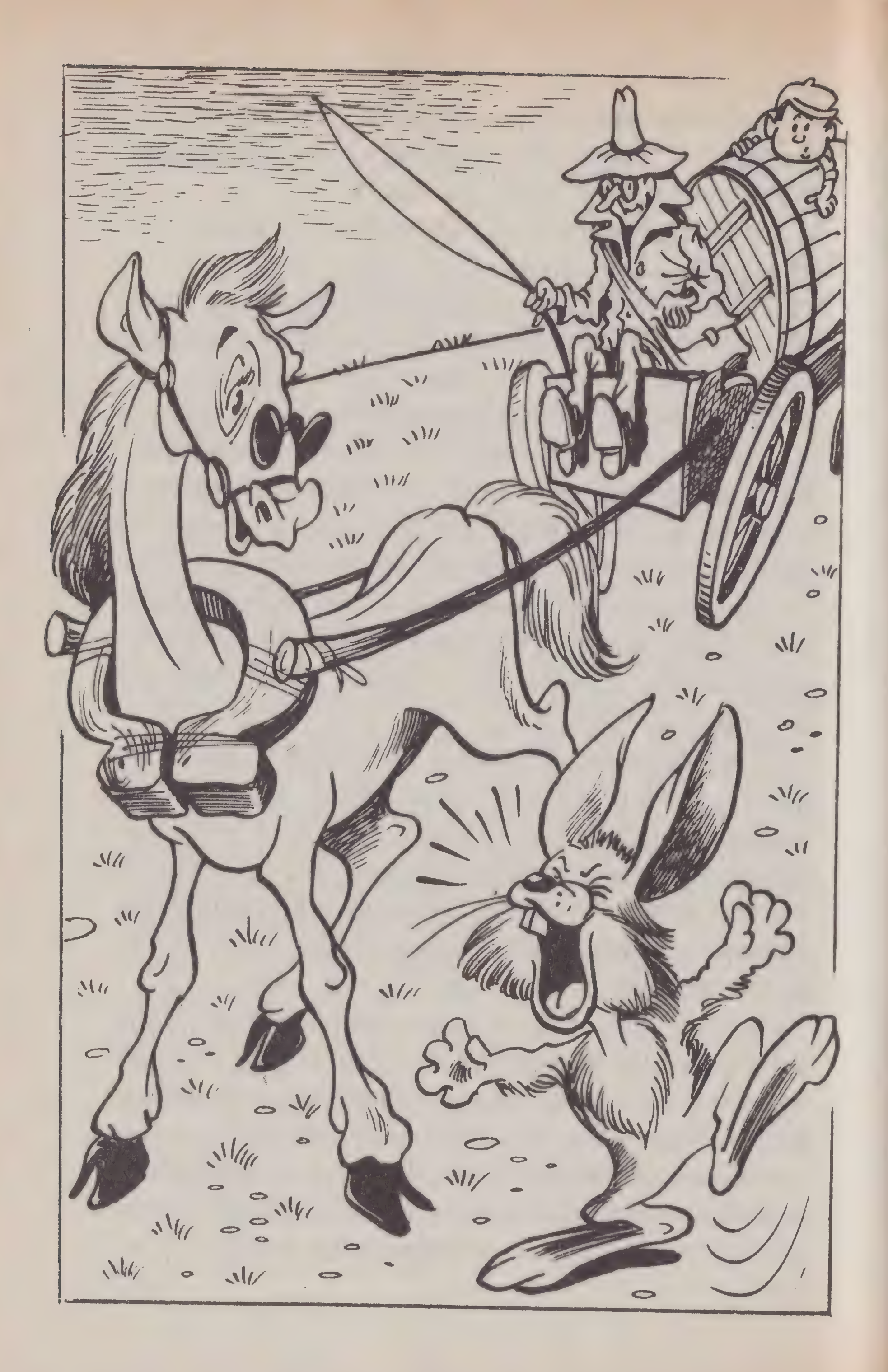
— Конечно, могу! — с восторгом проржала Лошадь.

Да, это был выезд, на который стоило посмотреть! Отправляясь в дорогу, Лекарь-Аптекарь надел пальто, тоже зеленое — у него была слабость к этому цвету, — и сменил ермолку на широкополую шляпу, и-под которой грустно торчал его озабоченный нос. Через плечо он надел дорожную сумку, в которой звенели банки и склянки. Он уселся на передке, чтобы за спиной уютно плескалась вода, и все поглядывал по сторонам — не летит ли Сорока? Петька вскарабкался на бочку. Какой же мальчишка откажется прокатиться — если не на роллере, так на бочке с водой?

Что касается Лошади... О, это был один из лучших дней ее жизни! Когда Лекарь-Аптекарь укладывался, она попросила его подарить ей очки. Конечно, если бы у него было время, он подобрал бы для нее очки по глазам. Но он очень торопился и нечаянно подарил очки, через которые весь мир кажется веселым, счастливым.

Теперь она была в этих очках, выглядевших очень мило на ее бархатном добром носу. Первые два-три километра она шла осторожно, на цыпочках — привыкала, но, как только город с его сверкающими автомобильными фарами, презрительно косившимися на водовозную клячу, остался позади, она пустилась вскачь, приплясывая и напевая.

8—931

Как все искренние, простодушные люди, она пела обо всем, что встречалось по дороге. Но встречалось как раз не то, что она видела. Или, вернее сказать, видела она совсем не то, что встречалось. Каменщики в серых фартуках строили дом, а ей казалось, что они не в серых фартуках, а в голубых и что кирпичи сами летят им в руки; мальчишки плелись в школу, а ей казалось, что они бегут со всех ног, чтобы поспеть к началу занятий. Это было даже опасно, потому что на одной улице рабочие чинили мост, а ей показалось, что они его уже починили, и водовозная бочка с пассажирами едва не угодила в канаву.

Ленивая Девчонка лежала на берегу этой канавы, подложив под голову учебник арифметики и выставив на солнце голые ноги.

— Скажите, пожалуйста, как проехать к Ученому Садоводу? — спросил ее Лекарь-Аптекарь.

— Не скажу.

— Почему?

— Лень.

— Но ведь ты уже сказала целых три слова? — с интересом спросил Лекарь-Аптекарь.

— Да. А адрес не скажу. Он длинный.

— Редкий случай, — определил Лекарь-Аптекарь, любивший, как все врачи, редкие случаи и думавший, что, кроме него, никто с ними справиться не может. — Возьми, девочка.

— Он протянул ей коробочку с порошками.

— Принимай перед школой.

— Не возьму.

— Почему?

— Лень.

— Тебе лень принять лекарство от лени?

— Да.

— Понятно. Держи ее, Петя! — сказал рассердившись Лекарь-Аптекарь. — Ну-ка. Вот так!

И он всыпал в рот девочке три порошка сразу.

Да, это было сильное средство! Достаточно сказать, что с этого момента никто больше не называл Ленивую Девчонку ленивой. Ее называли как угодно — злой, невежливой, глупой, неблагодарной, капризной, но ленивой — нет, никогда! Как встрепанная, вскочила она на ноги и прежде всего отбарабанила адрес Ученого Садовода:

— Поселок Королей Свежего Воздуха, улица Заячья Капуста, дом семью девять — шестьдесят три, квартира восемью девять — семьдесят два.

Конечно, она хотела сказать, что дом три, а квартира два, но ей не терпелось поскорее выучить таблицу умножения.

— Спасибо, — сказал Лекарь-Аптекарь. — А как проехать в поселок Королей Свежего Воздуха?

— До поворота — прямо, девятью девять — восемьдесят один, — ответила бывшая Ленивая, а теперь Прилежная Девчонка, — а потом налево, десятью десять — сто.

И все-таки, если бы не Застенчивый Кролик, они не добрались бы до Ученого Садовода. Дело в том, что Старая Лошадь побежала к повороту не прямо, а криво (потому что в Волшебных Очках все кривое казалось ей прямым), а потом повернула не налево, а направо. Теперь понятно, почему они сбились с дороги?

Вот тогда-то из грядок капустного поля и выглянул Кролик! Он выглянул и спрятался, а ушки остались торчать. Потом снова выглянул и спрятался, а ушки остались... Потом выглянул и спрятался в третий раз, а ушки... Но тут его окликнул Лекарь-Аптекарь.

Это был обыкновенный Кролик, отличавшийся от других, еще более обыкновенных, тем, что никак не мог сказать одной молоденькой, только что кончившей школу Крольчихе: «Будьте моей женой».

Иногда он говорил: «Будьте...», иногда ему даже удавалось сказать:«моей», но тут он умолкал, краснея, и девушке оставалось только огорченно шевелить ушами.

«Неизвестно, — думала она. — Может быть, он хочет сказать: “Будьте моей сестрой”?»

Опустив глазки, Кролик стоял перед Лекарем-Аптекарем и от смущения не мог выговорить ни слова.

— Ага, понятно, — добродушно сказал Лекарь-Аптекарь. — Ничего особенного. Сильнейшая застенчивость. Проходит с годами. Две капли на сахар два-три раза в день. Только не перебарщивать. У меня был случай, когда один застенчивый юноша, вроде вас, выпил сразу весь пузырек и превратился в нахала.

И он протянул Кролику пузырек и пипетку. Что же должен был ответить Кролик? Ну конечно: «Бла-

годарю вас, сахара у меня, к сожалению, нет. Нельзя ли принимать ваше лекарство с капустой?» А он только открыл и закрыл рот.

— Дядя Аптекарь, — закричал Петька. — Что вы, честное слово! Откуда у него сахар? Он же кролик.

— Пожалуй, — согласился Лекарь-Аптекарь. — Но это лекарство можно принимать и с водой. Сейчас мы это сделаем. Петя, нацеди стаканчик. Ну, братец Кролик, смелее.

Кролик выпил лекарство.

— Спасибо, — сказал он чуть слышно. — Вы заблудились, — добавил он немного погромче. — К Ученому Садоводу — не направо, а налево, — сказал он обыкновенным голосом, как самый обыкновенный незастенчивый кролик. — Он живет в зеленом домике под черепичной крышей! — заорал он, по-видимому совершенно забыв, что минуту назад от смущения не мог выговорить ни слова. — Извините, я тороплюсь.

И со всех ног он побежал искать Крольчиху, чтобы сказать ей: «Будьте моей женой».

И все-таки они с большим трудом нашли дом Ученого Садовода. Дело в том, что дом был очень маленький и зеленый, а сад — очень большой и тоже зеленый. А найти зеленое в зеленом трудно, особенно если первое зеленое — маленькое, а второе — большое.

Но еще труднее оказалось найти в этом большом зеленом самого Ученого Садовода. Петька обегал все дорожки, пока не наткнулся на худенького старичка в широкополой шляпе, который сидел на корточках и с озабоченным лицом прислушивался к разговору между Тюльпаном и Розой.

— Невозможно, невозможно, — говорил Тюльпан. — Подумать только, за десять дней ни одного дождя! Ты побледнела.

— В конце концов эта жара погубит нас, — отвечала Роза. — Ты просто не представляешь себе, как мне хочется пить.

— Где же твоя роса?

— Ее выпили пчелы.

Да, стояла сильная жара. Анютины глазки вот-вот готовы были закрыться навсегда, левкои лежали в обмороке, и только канны гордо подставляли солнцу свои огненно-красные крылья.

Вот почему Ученый Садовод так обрадовался, увидев за калиткой Старую Лошадь, которая, по-видимому, — он подпрыгнул от радости, — привезла целую бочку чистой прохладной воды. На передке сидел старичок в длинном зеленом пальто и широкополой шляпе.

«Ага, понимаю, — подумал Ученый Садовод. — Это новая водовозная форма».

— Добро пожаловать, — сказал он. — Вы приехали вовремя. Позвольте прежде всего поблагодарить вас от имени моего сада, который положительно умирает от жажды.

«Нет, Лекарь-Аптекарь не решится приготовить лекарство для Таниного отца, — думал Великий Завистник. — Как-никак я все-таки часто называю его то старина, то собака. Бывают, конечно, подлецы! К ним относишься хорошо, а они возьмут и устроят гадость. Ну, этот-то нет! Полгода до пенсии. Да и поговорил я с ним как-то ловко: и пригрозил и приласкал. А что, если все-таки приготовит? Что, если этот Мазилка поправится? Страшно подумать!

...Бог с ним, с поясом, — думал он уныло. — Пропал и пропал. Пора мне уже отвыкать от него. Жизнь научила меня завидовать, а по природе-то я же добряк! Я готов все отдать первому встречному. Вот сейчас, например: последнюю рубашку готов снять с себя, только бы Мазилка скончался».

С тех пор, как пояс пропал, он не читал газет. Зачем? Могут напечатать что-нибудь хорошее, а ему вредно волноваться. Могут напечатать, что награжден кто-нибудь, чего доброго, или что дела вообще идут хорошо. Нет уж, бог с ними! Но радио он иногда все-таки слушал.

И вот однажды в последних известиях сообщили, что на днях в Большом Зале Мастеров открывается выставка. Это было бы еще полбеды. Но на этой выставке все картины принадлежали Танargument Таниному отцу. Вот это уже была настоящая подлость! Мало того, на выставке — Великий Завистник почувствовал, что ему нечем дышать, — будет присутствовать сам художник, выздоровевший после тяжелой болезни. Так и было сказано: «сам».

Возможно, что Великий Завистник тут же свалился бы в сильнейшем сердечном припадке, если бы не раздался звонок. Кто-то пришел к нему, и, наскоро проглотив микстуру от зависти, Великий Завистник подошел к двери:

— Кто там?

— Га-га.

Это был Гусь, тот самый, о котором говорили: «Хорош Гусь». Он был обманщик, но глупый, и ему удавалось обмануть только тех, кто был еще глупее, чем он. Великий Завистник посылал его разузнать, куда убежал Лекарь-Аптекарь.

— Ах, это ты, старина? Как дела?

— Дела га-га.

— Выражайся яснее.

— Я нашел их, — торжественно сказал Гусь. — Они скрываются в поселке Королей Свежего Воздуха, в доме Ученого Садовода.

— Ах так! Отлично!

— Отлично, да не совсем. Вы их там не найдете.

— Почему?

— Потому что вчера расцвели тополя.

— Ну и что же?

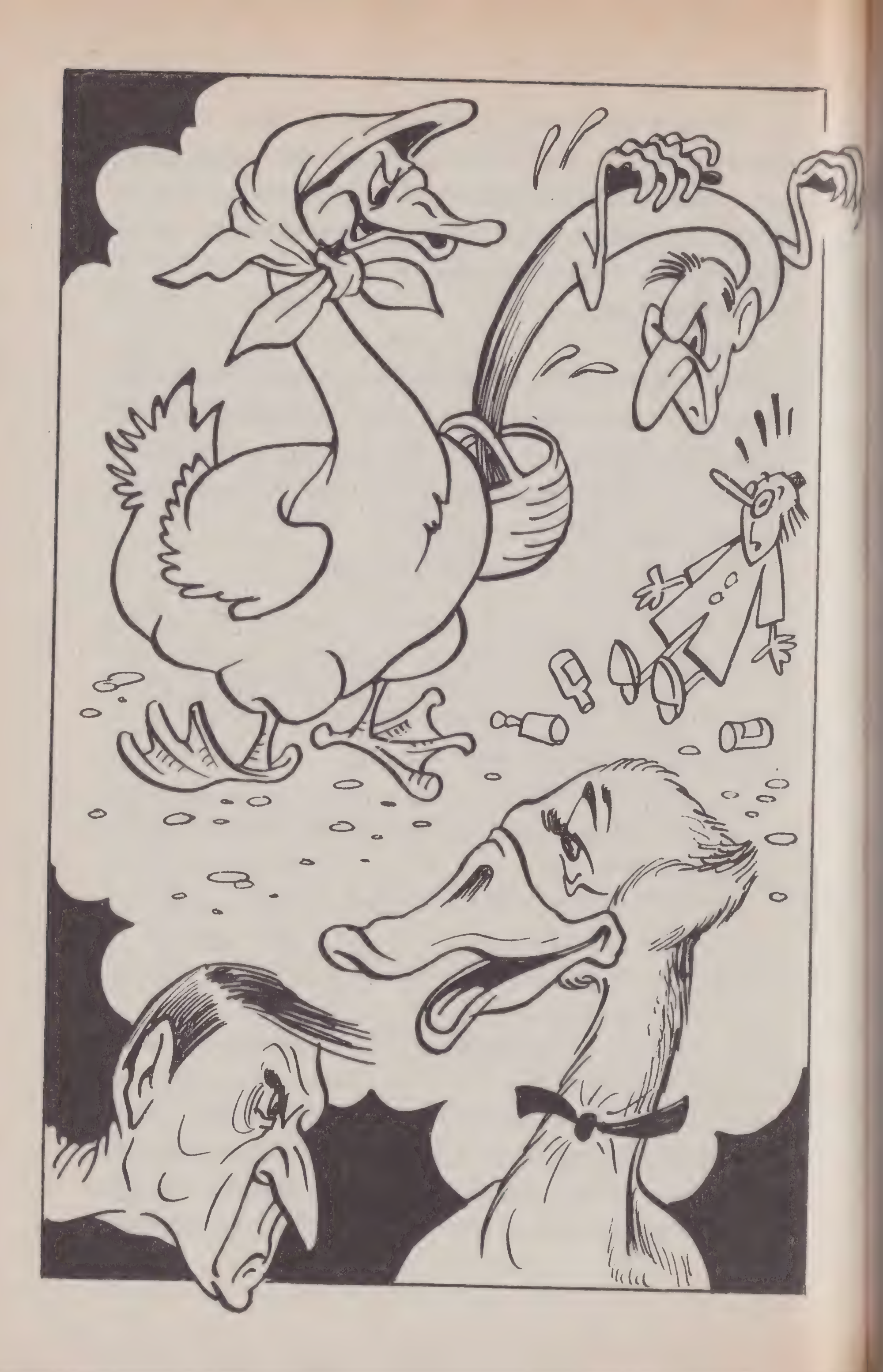
— А то, что он летает, га-га.

— Кто — он?

— Не кто, а что, — сказал Гусь. — Пух от тополей.

— Не понимаю.

— Каждая пушинка немедленно сообщит Лекарю-Аптекарю о вашем приближении. Так приказал Ученый Садовод, а его даже столетние дубы не смеют ослушаться, не то что какой-то там пух. У меня

ведь тоже есть пух, так что в свое время я интересовался этим вопросом. Но у меня другой, так называемый гусиный. Тут нужна интрига, га-га. Например, я надену платочек и подойду к ним, знаете, вроде баба принесла им грибы. А вы спрячетесь под грибы. Вам ведь ничего не стоит. Они станут покупать, а вы — раз! И га-га!

— А нос?

— Ну и что же, у баб бывает такой нос. Или иначе: накинуть на домик сеть, чтобы они все попались, а потом вынимать по очереди Лекаря-Аптекаря, Лошадь и Петьку.

Великий Завистник поморщился: он не любил дураков.

— Да, это мысль, — сказал он. — Но понимаешь, старина, возня. Уж если плести сеть, — она мне для других дел пригодится, почище. Кстати, ты не заметил случайно, не валяется ли там где-нибудь ремешок? Такой обыкновенный, потертый? Ну, просто такой старенький ремешок с пряжкой? Не видел?

— Видел. Он на Петьке.

— Что?!

— То, что вы слышите. А зачем вам ремешок? Я лично предпочитаю подтяжки.

— Конечно, конечно, — волнуясь, сказал Великий Завистник. — Я тоже. Значит, так: прежде всего нужно выбрать ветреный день. Пух легко уносится ветром. Если ветер дует, скажем, северный, а ты явишься тоже с севера, — они тебя не заметят. Во-вторых, надеть нужно не платочек, а

бантик на шею — в бантике у тебя представительный вид. Стало быть, ты войдешь, вежливо поздороваешься и скажешь: «Не могу ли я видеть Лекаря-Аптекаря из аптеки "Голубые Шары"?» Он спросит: «А что?» — «К вам едет знаменитый астроном». — «Зачем?» — «А затем, скажешь ты, что жена попала ему не в бровь, а в глаз, и теперь он не может отличить Большую Медведицу от Малой. Не будете ли вы добры принять его?» А вместо астронома приеду я. Понятно?

— Понятно.

— Эх, братец!

А нужно вам сказать, что Лора была в соседней комнате и слышала этот разговор. Она сидела на Петькином стуле и читала Петькину книгу, ту самую, которую он не успел дочитать. На полях она рисовала чертиков, и чертики получались совсем как Петькины — с длинными хвостами, изогнутыми, как вопросительный знак. А чтение — нет, не получалось. Может быть, потому, что Петьке было интересно, что будет дальше, а ей все равно. Она обрадовалась, узнав, что Гусь знает, где Петька.

Когда Гусь уходил, она догнала его на лестнице и попросила передать Петьке записку. Записка была коротенькая: «Берегись».

Правда, она написала «биригись», но только потому, что очень волновалась: а вдруг Гусь не возьмет? Но Гусь взял. Может быть, если бы он умел читать, записка мигом оказалась бы в руках Великого Завистника. Он не умел. Ему и в голову не

пришло, какую неприятность может причинить ему эта записка.

...И нужно же было, чтобы именно в этот день с Крайнего Севера прилетел Северный Ветер! Продрогший, с льдинками в усах, раздувая щеки, он принялся за работу — срывать крыши, ломать деревья, раскачивать дома, свистеть в дымоходах. Тополевый пух он в одно мгновение унес туда, где даже и не растут тополя. И Гусь, приодевшийся, в отглаженных брюках, в новеньких подтяжках, с черным бантиком на шее, никем не замеченный, пришел к Ученому Садоводу.

Все были дома. Лекарь-Аптекарь, Ученый Садовод и Петька пили чай на открытой веранде, а Лошадь в очках бродила вокруг, пощипывая траву, которая казалась ей сладкой как сахар.

— Здравствуйте, — вежливо сказал Гусь. — Приятно чаю попить.

— Здравствуйте. Милости просим.

— Благодарю вас, некогда. Дела.

И Гусь рассказал Лекарю-Аптекарю о знаменитом астрономе, которому жена попала не в бровь, а в глаз. Кое-что он напутал, назвав Большую Медведицу просто га-га. Но Лекарь-Аптекарь все-таки понял.

— Пусть приезжает, — сказал он. — Конечно, астроному нужны глаза. Почти так же, как аптекарю — нос.

Еще не было случая, чтобы он отказал больному.

— Благодарю вас, — сказал Гусь и откланялся, шаркнув лапками в отглаженных брюках.

Но тут он вспомнил о записке, которую Лора просила передать Петьке.

— Виноват, мне бы хотелось поговорить с мальчиком, — сказал он. — У меня к нему поручение. Так сказать, личное га-га.

Петька соскочил с веранды, и они отошли в сторону.

— Выкладывай! — сказал он.

Гусь вытащил из-под крыла записку. Вот тут-то и произошла неприятность, о которой Гусь непременно догадался бы, будь он хоть немного умнее. Петька прочел записку и, пробормотав: «Ага, понятно», схватил его за горло.

— Предательство! — закричал он Лекарю-Аптекарю. — Великий Завистник подослал к нам этого шпиона. Надо удирать. Значит, так: вы складываете вещи, а я запрягаю Лошадь.

ТАНЯ ИЩЕТ ЛЕКАРЯ-АПТЕКАРЯ, И БЫВШИЙ ЗАСТЕНЧИВЫЙ КРОЛИК СОВЕТУЕТ ЕЙ ЗАГЛЯНУТЬ К УЧЕНОМУ САДОВОДУ

К сожалению, Старая Лошадь была права: девочки быстро привыкают к мысли, что они сороки. Привыкла и Таня. По-сорочьи она говорила теперь лучше, чем по-человечьи. Вдруг она забывала, как сказать собака, корова, трава. Нельзя сказать, чтобы она так уж гордилась своим раздвоенным длинным хвостом, однако поглядывала на него не без удовольствия, распустив на солнце, чтобы каждое перышко отливало золотым блеском.

Она жила у Белой Вороны, симпатичной и еще совсем недавно красивой женщины, к сожалению, сильно пополневшей под старость. Впрочем, она держалась мужественно.

— Надо бороться, — говорила она и, полетав над Березовой рощей, спрашивала Таню: — Ну как, похудела?

Как известно, самое верное средство, чтобы похудеть, — стоять на одной ноге после обеда. И она стояла, долго, с терпеливой, страдающей улыбкой, завидуя цаплям, которые полжизни стоят на одной ноге, не думая о том, как это трудно.

Первое время все сороки казались Тане на одно лицо, и Белая Ворона посоветовала ей прежде всего научиться отличать себя от других.

— Ну, а отличив себя от других, — говорила она назидательно, — не так уж и трудно научиться отличать других от себя.

Действительно, оказалось, что это нетрудно. Одни ходили, покачивая хвостом, как дрозды, а другие — как трясогузки; одни любили душиться дубовым, а другие — березовым соком; одни красили ресницы пыльцой от бабочек, а другие — самой обыкновенной пылью, настоянной на воде. Зато трещали они все без исключения.

— А вы знаете, что...

Так начинался любой разговор, а потом следовала какая-нибудь новость — без новостей сороки жить не могли.

— А вы знаете, что в соседнем лесу уже никто вообще не носит узеньких перьев?

— Что вы говорите?

— То, что вы слышите.

Или:

— А вы слышали, что на Туманную поляну прилетела испанская Голубая Сорока? Оперение — чудо!

— Что вы говорите?

— То, что вы слышите. Хлопает крыльями совершенно как мы, а слышится: не «хлоп», а «кликикиклюк». Заслушаешься! Ну, прелесть, прелесть!

Профессор Пеночкин утверждает, что сороки питаются свежим швейцарским сыром, а не только земляными червями, как это утверждает профессор Мамлюгин. Но тот же профессор Пеночкин предполагает (впрочем, весьма осторожно), что в качестве приправы к швейцарскому сыру сороки питаются слухами и новостями.

«Если это не так, — пишет он в своем труде “Сорока как сорока”, — они бы, по-видимому, вообще не трещали. Ведь трещать-то надо о чем-нибудь, правда?»

Это было убедительно, и Таня, проведя среди сорок несколько дней, должна была с ним согласиться. Та самая молодая сорока, с которой она познакомилась в Березовом саду, чуть не умерла от скуки только потому, что сидела на яйцах и, следовательно, не могла отлучиться из гнезда, чтобы узнать хоть какую-нибудь новость.

Пришлось вызвать к ней «скорую помощь», и она пришла в себя лишь тогда, когда санитарка шеп-

нула ей по секрету, что ее соседка лежит в обмороке, убедившись в том, что она высидела кукушку.

Вот почему Белая Ворона пообещала Тане найти Лекаря-Аптекаря.

— О человеке, который ходит в зеленой ермолке, — сказала она, — без сомнения, ходит множество сплетен и слухов. А если он еще к тому же и холост...

— Он старенький. Полгода до пенсии.

— Ну и что же? Тем более.

И действительно, не прошло двух-трех дней, как сороки принесли на своих хвостах интересную новость: обыкновенный Кролик, отличавшийся от других, еще более обыкновенных, тем, что он не мог сказать одной молодой Крольчихе: «Будьте моей женой», — вдруг осмелел, сказал и женился. Кто же вылечил его от застенчивости? Маленький длинноносый человечек, но не в ермолке, а в шляпе.

— Ну и что же! — радостно сказала Таня. — В дороге он сменил ермолку на шляпу.

Она полетела к бывшему застенчивому Кролику, и он вышел к ней с женой и детьми — их было у него уже трое.

— Застенчивость — это не что иное, как отсутствие воспитания, — сказал он. — Надеюсь, мы с женой сумеем внушить это детям. Да, Лекарь-Аптекарь спрашивал меня, как проехать к Ученому Садоводу. И я показал дорогу, хотя тогда был еще очень застенчив. Вы как, по воздуху или пешком? Лучше по воздуху, ближе и легче найти. Черепичная крыша.

— Спасибо. До свидания.

— Счастливого пути. Дети, что нужно сказать?

— Счастливого пути, — хором сказали крольчата.

ЛЕКАРЬ-АПТЕКАРЬ, ПЕТЬКА И СТАРАЯ ЛОШАДЬ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В МУХИН, А ЗА НИМИ, КАК ЭТО НИ СТРАННО, — САМА АПТЕКА «ГОЛУБЫЕ ШАРЫ»

Между тем выезд, на который стоило посмотреть, превратился в выезд, на который невозможно было досыта насмотреться. Прощаясь, Ученый Садовод украсил Старую Лошадь розами, и теперь она стала похожа на пряничного доброго льва, которого хотелось съесть, — так она была мила и красива. В шляпе Лекаря-Аптекаря тоже торчала роза, но бледно-желтая, чайная, называющаяся так потому, что она была привезена из Китая. А китайский чай, как известно, так хорош, что его пьют бз сахара — во всяком случае, сами китайцы. Петька, который, как все мальчишки, презирал цветы, все-таки обвил водовозную бочку цветущим голубым плющом и приколол к своей курточке несколько анютиных глазок. Словом, выезд утопал в цветах, и было бы очень хорошо, если бы пассажиры (или хотя бы Лошадь) знали, куда они едут. Гусь-предатель, которого они захватили с собой, даже спросил Петьку:

— Скажите, пожалуйста, куда вы изволите ехать?

Он стал очень вежлив после того, как этот мальчик чуть не свернул ему шею. Но, увы, хотя

Петька и сказал отрывисто: «Куда надо», никто не мог ответить на этот вопрос.

— Прямо или направо? — спросила Лошадь, когда они добрались до перекрестка, на котором скучал, повесив голову, длинный белый столб-указатель. «Мухин — 600 метров» — было написано на стрелке, показывающей прямо. «Немухин — тоже 600» — было написано на другой, показывающей направо.

— Айда в Немухин! — закричал Петька.

Лекарь-Аптекарь строго посмотрел на него и сказал Лошади:

— Прямо.

На ночлег пришлось остановиться в поле. Лекарь-Аптекарь завалился на боковую, а Петька стал рассматривать его банки и склянки. Одну, в которой что-то поблескивало, он откупорил, просто чтобы понюхать, — и Солнечные Зайчики стали выскакивать из бутылки, веселые, разноцветные, с отогнутыми разноцветными ушками. Одни скользнули в темное, ночное небо, другие побежали по дороге, а третьи, прыгая и кувыркаясь, спрятались в траве.

На бутылке было написано: «Солнечные Зайчики. От плохого или даже неважного настроения. Выпускать по одному».

Ну вот! По одному! А он небось выпустил сразу штук сорок. И Петька поскорее заткнул бутылочку — испугался, как бы ему не попало.

Наутро они приехали в городок Мухин и сняли комнату у веселого Портного, который целыми днями сидел, поджав ноги, и шил пиджаки, жилеты и брюки. Вечерами, чтобы размять ноги, он катался — летом на роликах, а зимой на коньках. На роликах он катался лучше всех в Мухине, а на коньках едва ли не лучше всех в Советском Союзе. Если бы не музыка, он, может быть, стал бы даже чемпионом — так ловко он выписывал на льду имя девуши, на которой собирался жениться.

— Не можете ли вы вылечить меня от любви к музыке? — попросил он Лекаря-Аптекаря. — Дело в том, что на катке каждый вечер играет оркестр, а я так люблю музыку, что забываю о своих фигурах. Однажды, например, я заслушался и вместо трех с половиной сальто в воздухе сделал только три. Ну, куда это годится!

С такой удивительной болезнью Лекарь-Аптекарь встретился впервые. Любовь к деньгам, или так называемую скупость, он лечил. Любовь к спиртным напиткам — тоже. А вот любовь к музыке... Он обещал подумать.

В общем, если бы не Гусь, который все время боялся, что его съедят, в Мухине жилось бы прекрасно. Гусь начинал ныть с утра:

— А вы меня не съедите?

— Не съедим, — отвечали ему. — Но только потому, что гусятина у тебя невкусная, старая. А то съели бы, потому что ты — предатель.

— Ну и что же? Подумаешь! Ну и предатель! Тогда отпустите. Меня дома заждались.

А домой нельзя.

Почему?

— Потому что ты скажешь Великому Завистнику, что мы в Мухине. И он такое с нами устроит, только держись!

Гусь успокаивался, но наутро опять начиналось:

— А вы меня не съедите?

В общем, все было бы хорошо, если бы аптека не соскучилась по своему Аптекарю.

Соскучились бутылки, большие, маленькие и самые маленькие, в которых едва могла поместиться слеза. Соскучились Голубые Шары, годами слушавшие бормотание своего хозяина, который разговаривал с ними, как с живыми людьми. Порошки пересохли и пожелтели. На микстурах появилась плесень. И, хотя многие врачи в настоящее время утверждают, что плесень тоже лекарство, никто еще не пробовал лечиться ею от зависти или лени. Единственный человек, побывавший в аптеке, был мухинский Портной, да и то лишь на несколько минут — в Москве у него были дела, и он торопился. Лекарь-Аптекарь дал ему ключи, чтобы он поискал лекарство от любви к музыке, мешавшей ему стать чемпионом.

Но больше всех, без сомнения, соскучились белочки. Беспокойно двигая своими пушистыми хвостами, они все прислушивались — не скрипит ли дверь, не пришел ли хозяин?

Именно они-то и начали этот перелет — по-видимому, единственный в истории Аптек и Аптекарей всего мира. Присев на задние лапки, они прыгнули в маленькую комнатку за Аптекой, а оттуда в открытую форточку, ту самую, через которую вылетела Сорока.

Как они догадались, что Лекарь-Аптекарь скрывается в Мухине, осталось неизвестным, хотя можно предположить, что они узнали об этом от Портного. Так или иначе, белочки выпрыгнули и полетели — ведь они прекрасно умеют летать. За ними помчались к своему хозяину порошки, таблетки, микстуры, травы, пилюли, коробочки, пузырьки, и среди них, конечно, тот, на котором было написано «Живая вода». И, наконец, последними неторопливо поднялись в воздух Голубые Шары — левый, на котором было написано: «Добро пожаловать», и правый, на котором было написано: «в нашу аптеку».

Все это произошло очень быстро — Портной не успел опомниться, как его мастерская превратилась в Аптеку: порошки, немного перемешавшиеся дорогой, расположились на своих местах, микстуры и настойки выстроились рядами. И хотя в мастерской было тесновато, зато на длинном портняжном столе — куда просторнее, чем на вертящихся этажерках. Голубые Шары по старой привычке удобно устроились на окнах. Висевший между ними кусок картона тоже перебрался в Мухин, но теперь Петька переделал надпись: «Хотите верьте, хотите нет — аптека открыта».

ТАНЯ НАХОДИТ ЛЕКАРЯ-АПТЕКАРЯ И ВМЕСТЕ С НИМ ВТОРОЙ ПУЗЫРЕК, НА КОТОРОМ НАПИСАНО «ЖИВАЯ ВОДА»

Трудно было представить себе, что худенький старичок, поливавший левкои из старой, заржавленной лейки, и есть Ученый Садовод, о котором писали, что он прекрасно относится к цветам, вообще растениям и некоторым полезным насекомым. Но к сорокам он относился, без сомнения, несколько хуже, потому что едва Таня показалась на дороге, как он нахлобучил на себя шляпу, поднял плечи и замер — изобразил пугало, очевидно совершенно забыв о том, что как раз пугало-то и должно изображать человека.

— Простите, — робко начала Таня. — Я не трону ваши цветы, а червяк мне попался только один, да и то полудохлый. Я ищу Лекаря-Аптекаря. Мне сказали, что он остановился у вас.

— Ах, боже мой! Не напоминайте мне о нем, — сказал Ученый Садовод со вздохом. — Вы знаете это чувство? Человек уезжает, и вдруг оказывается, что жить без него положительно невозможно. Но я-то что! Мои цветы так соскучились по нему, что приходится поливать их по три раза в день. Сохнут!

— Где же он?

— Не знаю. Он очень торопился. Я боюсь за него, — тревожно сказал Ученый Садовод. — Мне кажется, что он просто-напросто удирал от кого-то.

Что могла сказать бедная Таня? Она поблагодарила и улетела.

Так она и не нашла бы Лекаря-Аптекаря, если бы в поле под Мухином не наткнулась на Солнечных Зайчиков, которых Петька выпустил из бутылки. Они еще прыгали, скользили в траве, прятались друг от друга. Заигрались! Ведь они были зайчики, а не взрослые зайцы.

— Скажите, пожалуйста, не видели ли вы Лошадь в очках? — спросила их Таня.

— Конечно, видели! — ответил самый пушистый Зайчик с самыми длинными разноцветными ушками. — Мы сидели в бутылке, бутылка лежала в сумке, а сумка висела на плече Лекаря-Аптекаря. Лекарь-Аптекарь сидел на передке за водовозной бочкой, а бочку тащила Лошадь в очках. Мы ехали в Мухин. И приехали бы, если бы Петька не выпустил нас из бутылки.

Сороки, как известно, летают медленно и даже вообще больше любят ходить, чем летать. Но Таня полетела в Мухин, как ласточка, а быстрее ласточек летают только стрижи. Вот и Мухин! Вот и аптека «Голубые Шары»! Вот и Лекарь-Аптекарь! Она опустилась на его плечо и сказала:

— Здра...

На «вствуйте» у нее не хватило дыхания.

Танин папа не беспокоился о дочке. Он был уверен, что она отправилась с пионерским отрядом в далекий поход — так ему сказала Танина мама. Странно было только, что она не зашла проститься. Но мама сказала, что ей не хотелось будить отца, а это было уже вовсе не странно.

По-видимому, вскоре он должен был умереть — по крайней мере, так утверждали врачи, разумеется, когда они думали, что он их не слышит. Но ему все казалось: а вдруг — нет?

— В общем, там видно будет, — говорил он себе и работал.

Он писал мамин портрет, и его друзья в один голос утверждали, что этот портрет мог рассказать всю мамину жизнь. Каждая морщинка говорила свое, и, хотя их было уже довольно много, художнику казалось, что двух-трех все-таки еще не хватает.

— Сюда бы еще одну, маленькую, — говорил он смеясь. — И сюда. А без третьей я, так уж и быть, обойдусь.

И вот однажды, когда она пришла, чтобы пожелать ему доброго утра, он заметил, что на ее лице появилась как раз та морщинка, которая была нужна, чтобы закончить портрет.

— Вот теперь все стало на место, — сказал он и поскорее принялся за работу.

Он не знал, что новая морщинка появилась потому, что мама беспокоилась за Таню, от которой не было ни слуху ни духу.

Чтобы закончить «Портрет жены художника» — так называлась картина — нужно было только несколько дней. И оказалось, что именно эти несколько дней прожить совсем нелегко. Но он старался, а ведь когда очень стараешься, становится возможным даже и то, что положительно не под силу. Он

работал, а ведь когда работаешь, некогда умирать, потому что, чтобы умереть, тоже нужно время.

— Да, эта морщинка чертовски идет тебе, — устало сказал он жене, когда кисть в конце концов все-таки выпала из руки. — Никогда еще ты не была так красива.

Союз художников объявил, что первого мая откроется его выставка, и до сих пор он все развешивал свои картины — разумеется, в воображении. А теперь перестал.

— Завещаю вам пореже трогать бородавку на вашем толстом носу, — сказал он доктору Мячику. — В конце концов это ей надоест, она сбежит от вас, а без бородавки, имейте в виду, ни один пациент вас не узнает.

Он еще шутил!

— Пожалуй, «Портрет жены художника» придется назвать портретом его вдовы, — сказал он друзьям.

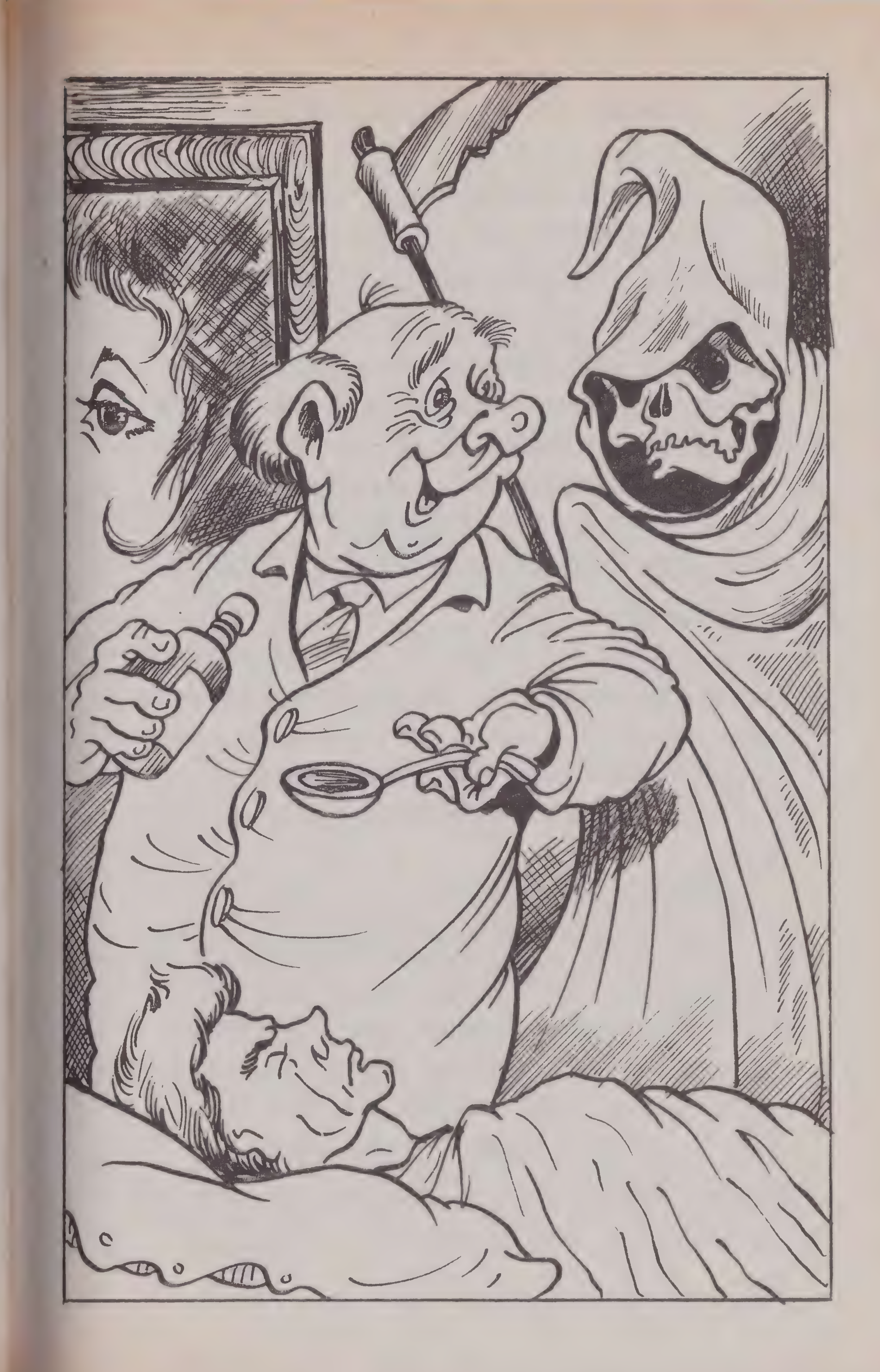
Это тоже была еще шутка.

С каждым часом ему становилось все хуже.

— Может быть, мне станет легче от клюквы? — спрашивал он жену. — Или от ежевики?..

— А не попробовать ли нам черничного киселя? — спрашивал он, когда не помогли ежевика и клюква.

У него было так много учеников и друзей, что, когда Смерть вошла в комнату, она должна была проталкиваться сквозь толпу, чтобы добраться до его постели.

— Извините, — говорила она вежливо, — я вас не толкнула? Не будете ли вы любезны посторониться? Благодарю вас.

Друзья расступались неохотно, и она опоздала — не надолго, всего лишь на несколько минут. Но этого было достаточно: черно-белая птица с раздвоенным длинным хвостом мелькнула за окнами, и в открытую форточку влетел пузырек, на котором было написано: «Живая вода».

— А, наконец-то! — сказал доктор Мячик. — Ну-ка, дайте мне столовую ложку.

Смерть еще проталкивалась, но уже не так решительно, как прежде.

— Виновата, — говорила она слабеющим голосом. — Посторонитесь, господа. Что же это, в самом деле, такое?

— Боюсь, что вы опоздали, сударыня, — сказал ей доктор. — Если не ошибаюсь, вам здесь нечего делать.

Это было именно так.

Танин папа выпил ложку живой воды, и Смерть остановилась, хотя была уже в двух шагах от постели. Он выпил вторую, и она попятилась назад. Он выпил третью, и Смерть вышла из комнаты. Она спускалась по лестнице с достоинством, как и полагается почтенной особе, привыкшей к тому, что в конце концов она берет свое, хотя подчас и приходится подождать денек или годик.

СОРОКИ

Таня вернулась в Лихоборы — что еще могла она сделать? С каждым днем она все больше привыкала к мысли, что она не девочка, а сорока. В общем, сороки понравились ей.

«Симпатичные, в сущности, люди, то есть птицы, — думала она. — Правда, не очень умны, зато доверчивы, а ведь и это немало».

Плохо было только одно: они воровали все, что попадалось на глаза. Но не вообще все, а только то, что блестело. Почти в каждом гнезде лежали золотые и серебряные колечки, цветные стеклышки, которыми девочки играют в классы, брошки, серьги и запонки. Это было неприятно. Даже Белая Ворона, гордившаяся тем, что она была ворона, тоже время от времени возвращалась домой с какой-нибудь хорошенькой блестящей вещичкой. И Таня просто не могла понять, как такая почтенная, всеми уважаемая женщина может спокойно принимать гостей в украденных сережках.

— Шакликрак, — однажды сказала ей Таня.

Это значило: «Извините, тетя, но я не понимаю, неужели это приятно, воровать?»

Белая Ворона неодобрительно пожала плечами.

— В тебе еще говорит бывшая честная девочка, — проворчала она. — Нет, моя милочка, воровать надо. Понятно? На то ты и Сорока-воровка.

Да, с этим нельзя было не согласиться. И все-таки, пролетая мимо всего, что блестело, Таня крепко зажмуривала глаза. Только на солнце она не боялась смотреть.

«Ведь солнце все равно невозможно украсть, — думала она, — даже если бы очень захотелось».

И она вспомнила историю о том, как одна молодая сорока решила украсть — конечно, не солнце, а маленькую хорошенькую звездочку, на которую она с детства не могла насмотреться. Родители убеждали ее отказаться от этой неразумной затеи.

— Известно, что черт пытался украсть луну, — поучительно говорили они, — и то у него ничего не вышло. Подумай только! Самый настоящий черт, с хвостом и рогами.

— У меня тоже есть хвост, — беззаботно отвечала Сорока.

Но хвост не помог ей, когда она отправилась в путь. Она летела день и ночь, а до звездочки было все так же далеко. Она решила вернуться, но по дороге ей встретился кречет, который, по-видимому, съел ее, потому что она не вернулась.

Да, это была грустная история, доказавшая, кстати сказать, что воровать опасно. Но, к сожалению, она ничему не научила сорок, хотя о девушке, которая решила похитить звезду, было написано прекрасное стихотворение.

И вдруг распространился слух, что немухинские сороки решили вернуть украденные вещи.

— Никогда не поверю, — сказала Белая Ворона. — Скорее пчелы перестанут жалить. Воровство и жеманство у сорок в крови. Другое дело, если бы это были попугаи или райские птицы.

Но слух повторился — и тогда Танина подруга, та самая, которая, высиживая птенцов, чуть не

9—931

умерла от скуки, а теперь умирала от любопытства, решила слетать в Немухин. Вернувшись, она рассказала... Это было поразительно, то, что она рассказала. Своими глазами она видела Сороку, которая своими ушами слышала, как другая Сорока рассказывала, что она своими глазами видела серебряное колечко, которое ее дальняя родственница вернула какой-то девочке Маше. Почему? Это был вопрос, перед которым в этот день в глубоком раздумье остановились все лихоборские сороки. Ответ был неожиданный: просто потому, что девочка плакала, и Сорока ее пожалела.

Конечно, этот ответ придумала Таня. Более того, именно она шепнула первой попавшейся сплетнице, что немухинские сороки решили вернуть украденные вещи.

— Как, вы еще не вернули зубному врачу Кукольного Театра его золотые зубы? — спросила она. — Дорогая, вы отстали от моды.

Мода — вот словечко, которое мигом облетело все сорочьи гнезда. Кому же охота отставать от моды? Сразу же появилось множество сплетен — сороки не могли жить без сплетен.

— Говорят, что сама Черная Лофорина вернула супруге бывшего тайного советника Дубоносова бриллиантовую брошь, которую она стащила в тысяча девятьсот девятом году.

— А вы слышали, что в заброшенном гнезде дикой сороки нашли изумруд из короны японской императрицы Хихадзухима?

Сережки, браслеты, цветные стеклышки, медные пуговицы от старинных солдатских мундиров, копейки, запонки, кукольные глазки вернулись на свои места или иногда — на чужие. Это, впрочем, не имеет значения. Если без них столько лет обходились люди, без них могли — не правда ли? — обойтись и сороки.

Вот как произошло событие, о котором заговорил весь город. Вот откуда взялось золотое колечко, которое машинистка Треста Зеленых Насаждений потеряла (или думала, что потеряла) двадцать лет тому назад, в день своей свадьбы. Вот каким образом директор Магазина Купальных Халатов нашел на столе золотые очки, которые были украдены у него в те времена, когда он еще не был директором Магазина Купальных Халатов.

ВЕЛИКИЙ ЗАВИСТНИК НАДЕВАЕТ САПОГИ-СКОРОХОДЫ И ВСЕ-ТАКИ СТАНОВИТСЯ ПОХОЖ НА ВОЗДУШНЫЙ ШАР, ИЗ КОТОРОГО ВЫПУСТИЛИ ВОЗДУХ

Итак, все было бы хорошо, если бы в последних известиях не сообщили о том, что Аптека открыта.

— В Мухине, — сказал диктор, — неожиданно открылась Аптека.

— Что же здесь плохого? — скажете вы. — И почему так расстроился Лекарь-Аптекарь?

Он расстроился потому, что последние известия слушают решительно все, а диктор сказал, что Апте-

ка оборудована всем необходимым, и в том числе голубыми шарами. А если — шарами, стало быть, Великий Завистник догадается (или уже догадался), где искать Лекаря-Аптекаря, Петьку и Старую Лошадь. А если он догадается...

Самолеты в Мухин не ходят, а нужно было спешить, и Великий Завистник вытащил из чулана Сапоги-Скороходы. Они валялись среди старого хлама много лет, но механизм еще действовал, если его основательно смазать. Плохо было только, что за ним увязалась Лора.

— Я знаю, я все знаю! — кричала она. — Ты думаешь, я не слышала, что тебе сказал Гусь?

— Он сказал «га-га»! — кричал в ответ Великий Завистник. — Клянусь тебе, больше ни слова!

— Нет, не «га-га»! Он сказал, что видел на Пете твой ремешок.

— Ну и что же? Подумаешь! Ну и видел!

— Нет, не подумаешь! А-а-а! Теперь ты съешь его. Я знаю, превратишь в какую-нибудь гадость и съешь!

— Ничего подобного, и не подумаю! Действительно, охота была! Успокойся, я тебя умоляю.

— Не успокоюсь!

И она действительно не успокоилась, так что пришлось, к сожалению, взять ее с собой. Это было неразумно — прежде всего потому, что для Лоры нашлись только Тапочки-Скороходы, которые все время сваливались с ее косолапеньких ножек.

В первый раз они свалились на лестнице — левая на седьмом этажё, правая на третьем, так что Великому Завистнику пришлось дать своим сапогам задний ход.

Потом слетела только правая тапочка. Это случилось, когда Лора шагала через Москву-реку и левая нога была уже на том берегу, а правая еще на этом.

— Мы опоздаем, они опять убегут! — кричал в отчаянии Великий Завистник. — Я не съем его, даю честное благородное слово! Останься, я тебя умоляю!

— Ни за что!

— Хочешь, условимся? Я вежливо попрошу у него ремешок, и только, если он не отдаст...

— А-а-а!

Лора заплакала так горько, что пришлось вернуться за тапочкой и уже заодно подвязать ее старым шнурком от ботинок.

Между тем они могли не торопиться, потому что ни Лекарь-Аптекарь, ни Петька, ни тем более Старая Лошадь не собирались бежать. Правда, когда диктор сказал «оборудована голубыми шарами», Лекарь-Аптекарь, схватившись за голову, крикнул Петьке: «Запрягай!» — и принялся укладывать банки и склянки. Но, выйдя во двор в своем длинном зеленом пальто, с сумкой на боку, в шляпе, из-под которой озабоченно торчал его озабоченный нос, он увидел, что Петька, сняв с себя ремешок, подвязывает его к упряжи вместо лопнувшей уздечки.

— Откуда у тебя этот ремешок? — визгливо закричал Лекарь-Аптекарь.

— Тпру-у-у!.. А что?

— Я тебя спрашиваю, откуда...

— Видите ли, в чем дело, дядя Аптекарь, — смущенно начал Петька. — Я его взял... Ну там, знаете... на Козихинской, три.

Дрожащей рукой Лекарь-Аптекарь взял ремешок и засмеялся.

— И ты молчал, глупый мальчишка? Ты носил этот ремешок и молчал?

— Видите ли, дяденька, он валялся... то есть он висел на спинке кровати. Ну, я и подумал...

— Молчи! Теперь он в наших руках!

«Теперь они в моих руках!» — думал, вытягивая губы в страшную длинную трубочку, Великий Завистник.

До Мухина осталось всего полкилометра, и он снял сапоги, чтобы не перешагнуть маленький город.

Мрачный, втянув маленькую черную голову в плечи, он появился перед аптекой «Голубые Шары», и хотя был немного смешон — босой, с Сапогами-Скороходами, связанными за ушки и висящими за спиной, — но и страшен. Так что все одно временно и улыбнулись и задрожали.

Он появился неожиданно. Но Лекарь-Аптекарь все-таки успел придумать интересный план: закрыть все окна и молчать, а когда он подойдет поближе, выставить плакат: «У нас все прекрасно». А когда подойдет еще поближе — второй плакат: «Мы превосходно спим». Еще поближе — третий: «У За-

боткина — успех», еще поближе — кричать по очереди, что у всех все хорошо, а у него — плохо.

В общем, план удался, но не сразу, потому что Великий Завистник сперва притворился добреньким, как всегда, когда ему угрожала опасность.

— Мало ли у меня аптекарей, — сказал он как будто самому себе, но достаточно громко, чтобы его услышали в доме. — Один убежал — и бог с ним! Пускай отдохнет, тем более, он прекрасно знает, что до первого июля чудеса в моем распоряжении.

Петька выставил в окно первый плакат.

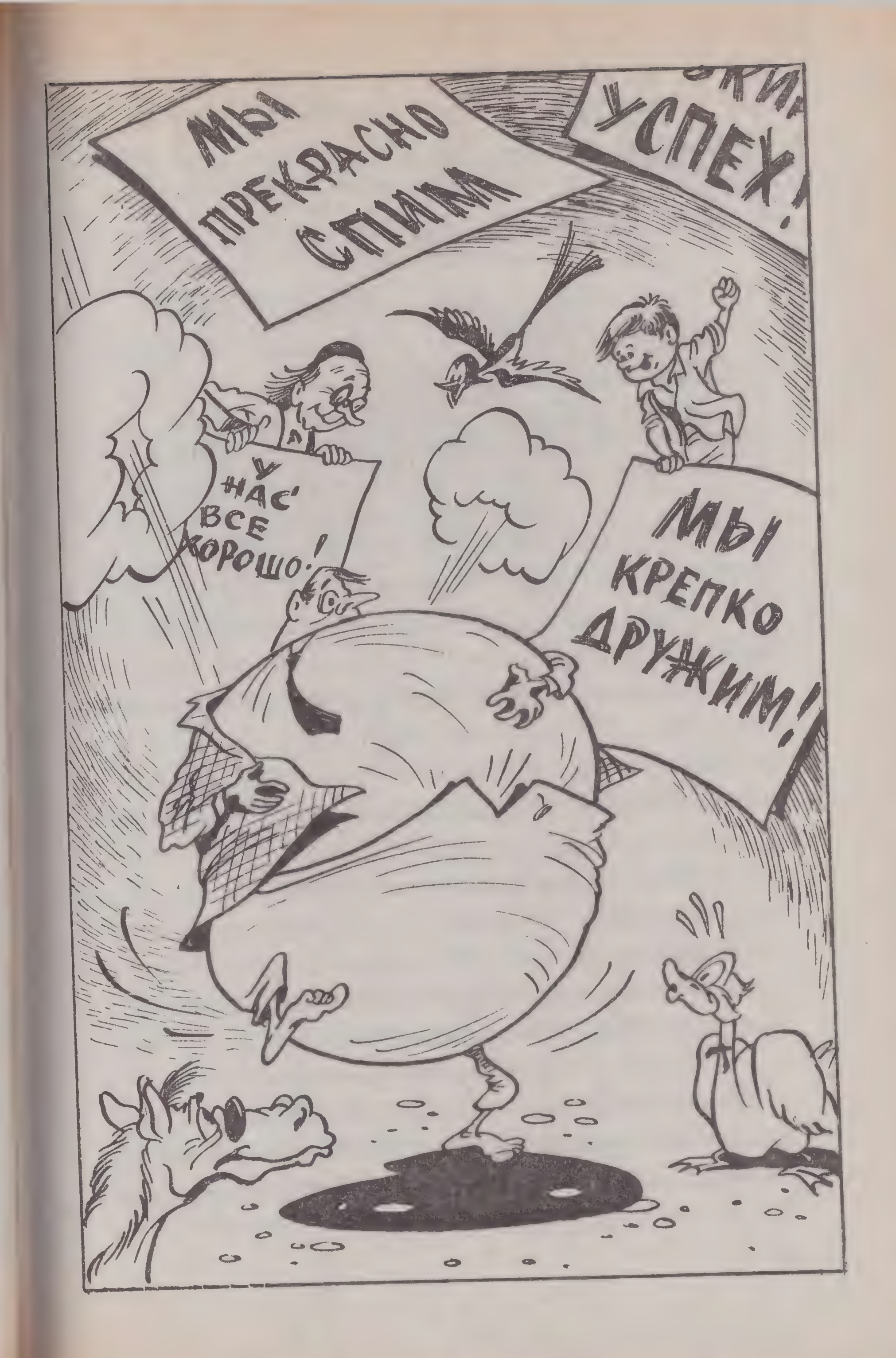
— Ну и что же? Очень рад, — сказал Великий Завистник. — И у меня все прекрасно.

Петька выставил второй плакат — «Мы превосходно спим», и Великий Завистник слегка побледнел. Как известно, превосходно спят те, у кого чистая совесть, а уж чистой-то совести во всяком случае позавидовать стоит.

Он закрыл глаза, чтобы не прочитать третий плакат, но из любопытства все-таки приоткрыл их — и схватился за сердце.

— Вот как? У Заботкина — успех? — спросил он, весело улыбаясь. — А мне что за дело? Кстати, хотелось бы поговорить с тобой, Лекарь-Аптекарь. Как ты вообще? Как делишки?

— Да-с, успех! — собравшись с духом, закричал Лекарь-Аптекарь. — Надо читать газеты! За «Портрет жены» он получил Большую Золотую Медаль. Пройдет тысяча лет, а люди все еще будут смотреть на его картину. Кстати, он и не думал умирать.

— Вот как?

— Да-с. Вчера купался. Ныряет как рыба! Что, завидно?

Великий Завистник неловко усмехнулся:

— Ничуть!

— Счастливых много! — крикнул Портной. — Я, например, влюблен и на днях собираюсь жениться! Что, завидно?

И они наперебой стали кричать ему о том, что все хорошо и будет, без сомнения, лучше и лучше. А так как он был Великий Нежелатель Добра Никому и завидовал всем, кто был доволен своей судьбой, зависть, которой было полно его сердце, выплеснулась с такой силой, что он даже почувствовал ее горечь во рту.

— Папочка, пойдем домой, — испуганно взглянув на него, прошептала Лора.

Теперь кричали все, даже Гусь, который перекинулся к Лекарю-Аптекарю — просто на всякий случай.

— Твои чудеса никому не нужны! У нас есть свои, почище!

— Все к лучшему!

— О спутниках слышал? На днях запускаем четвертый, на Марс! Что, завидно? Потолстел, негодяй!

— Подожди, еще не такое услышишь!

И он действительно потолстел. Пиджак уже трещал по всем швам, от жилета отлетели пуговицы. Посреди двора стоял толстяк на тонких ногах, с маленькой, втянутой в плечи головкой.

— Ох! — простонал он. — Пояс! Верните мне пояс!

— Обойдешься подтяжками! — крикнул Гусь. — Странно, дался ему этот пояс!

Лекарь-Аптекарь засмеялся.

— Я разрезал твой пояс, — сказал он, — большими портняжными ножницами на мелкие кусочки.

— Не верю!

Он хотел уничтожить их взглядом, но сил уже не было, и только дверь, на которую он мельком взглянул, с грохотом сорвалась с петель.

— Не может быть, — прошептал он. — Не может быть, что все это правда! Счастливых нет! Все плохо и будет хуже и хуже! Портной женится и будет несчастен! До Марса не долететь! Лошадь останется Лошадью! Из мальчишки вырастет негодяй! Заботкин умрет! Я не лопну. Ах!

Не следует думать, что по нему пошли трещины, как по холодному стакану, когда в него нальют горячую воду. Скорее, он стал похож на воздушный шар, из которого выпустили воздух. Лицо его сморщилось, потемнело. Губы вытянулись, но уже не страшной, а беспомощной, жалкой трубочкой.

И Лора увела его, потому что она была хорошая дочка, а папа, даже и лопнувший от зависти, все-таки остается папой.

Ну, а дальше все пошло именно так, как предсказал Лекарь-Аптекарь. Старая Добрая Лошадь сразу же превратилась в симпатичную добрую девочку, правда, с конским хвостом на голове. Но это

было даже кстати, потому что вскоре выяснилось, что многие ее подруги по классу носят точно такой же лошадиный хвостик. Таня... Но о том, что случилось с Таней, нужно рассказать немного подробнее.

Вот уже несколько дней, как лихоборские сороки готовились к событию, о котором, чуть дыша от волнения, трещали с утра до вечера не только лихоборские сороки: впервые за все время существования птиц на земле открывалась сорочья школа. Причем, занятия решено было начать с поговорки: «Не все то золото, что блестит». На ее изучение отводилось почти полгода. Естественно, что во всех гнездах чистились перышки, шились наряды — ведь теперь, когда сороки перестали воровать, украсить себя было довольно трудно.

— Нет, нет, вы ошибаетесь. Спину и плечи теперь носят бледно-голубые, а головку — золотисто-черную.

— Милая моя, это вы ошибаетесь. Спинку — розовую, плечи — белые с голубыми чешуйками, а ножки — красненькие.

— Ну уж, только не красненькие! На открытие школы нужно прийти в чем-нибудь строгом.

Да, это был большой день для всех лихоборских сорок. Но в особенности для Тани, потому что не кто иной, как именно она, была назначена директором школы.

Серьезная, застенчивая, держась скромно, но с достоинством, она прилетела на поляну, и ребята, трещавшие наперебой, почтительно замолчали.

— Итак, дети... — начала Таня.

Но больше она ничего не успела сказать, потому что в эту минуту в далеком Мухине Великий Завистник лопнул от зависти и все его чудеса потеряли силу. Перед детьми (и родителями, облепившими вокруг все кусты) появилась девочка, Таня Заботкина, одетая и причесанная точно так же, как в ту ночь, когда она отправилась в аптеку «Голубые Шары».

Через час она уже садилась в поезд, а сороки провожали ее. Их было так много, что один местный Любитель Природы даже написал об этом в газету. Его особенно поразило, что, улетая, они покачивали крыльями, как самолеты, — он не знал, что они прощались с Таней.

— Шакерак! — высунувшись в окно, крикнула им Таня.

Это значило: «Будьте счастливы!»

— Шакерак маргольф! — отвечали сороки.

Это значило: «До свидания, мы тебя не забудем!»

Прошел месяц, за ним другой. Наступила осень. А осенью, как известно, ребята начинают понемногу забывать о том, что случилось летом. Забыла и Таня. Петька, которого она пригласила на день своего рождения, тоже забыл, тем более, что для него важнее всего были книги, стоявшие в нарядных переплетах у бывшего Великого Завистника, а он с тех пор прочел много других, поинтересней.

Он опять потолстел, но был уже не трусишка, как прежде, а толстый храбрый мальчик, успевший —

это было видно по его толстому носу — испытать в жизни немало.

Конечно, Таня пригласила не только его, но и Ниночку, и Лекаря-Аптекаря, и косолапенькую Лору, которая научилась теперь ходить легко, как снегурочка, или, во всяком случае, не так тяжело, как медведь.

Дети говорили о своих делах, а взрослые — о своих. И все было так, как будто на свете нет и никогда не бывало сказок.

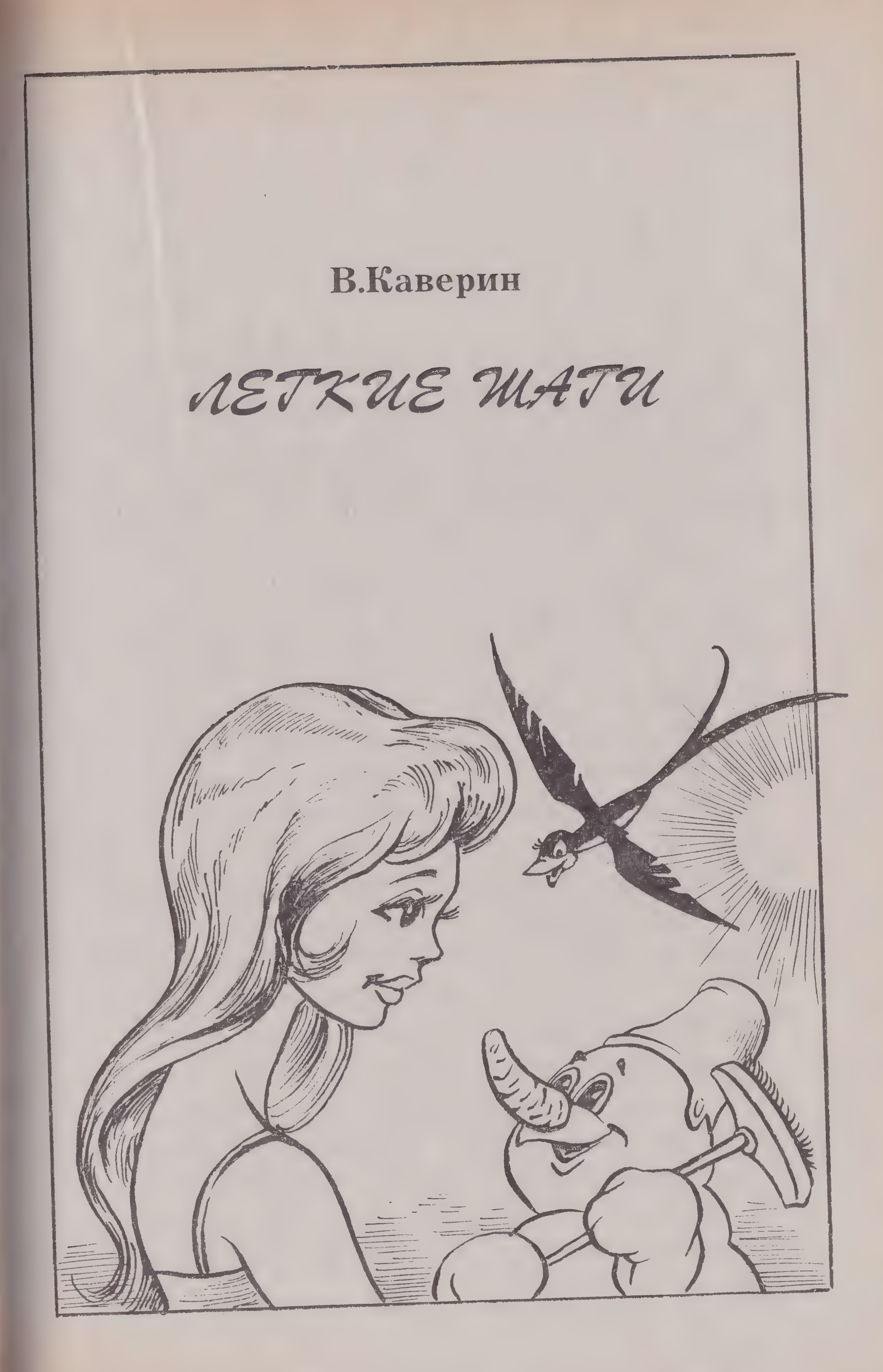
И вдруг Солнечные Зайчики побежали по комнате — веселые, разноцветные, с коротенькими розовыми хвостами.

Одни спрятались среди стаканов на столе, другие, кувыркаясь и прыгая, побежали вдоль стен. А один, самый маленький, уселся на носу Лекаря-Аптекаря, отогнув разноцветные ушки.

Это Петька откупорил бутылку с Солнечными Зайчиками — разумеется, просто из озорства, потому что у всех и так было превосходное настроение.

Но, может быть, Солнечные Зайчики выскочили не из бутылки? Может быть, по улице пронесли зеркало? Или в доме напротив распахнули все окна?

Так или иначе, все кончается хорошо. А ведь это самое главное — не правда ли? — особенно если все начинается плохо.

Шум приближавшегося поезда послышался издалека, круглый столб расширяющегося света несся перед ним, и вдруг стали видны станция, с которой свисал снег, лениво заглядывая в освещенные окна, ларек «Пиво — воды», знакомый извозчик из Дома Отдыха Престарелых Грачей, который стоял у ларька, держа кружку с пивом, и даже вылезающая из кружки, лопающаяся пена. Поезд налетел, пролетел, оставив всех в темноте, в тишине. Но прежде чем он пролетел, Петька ясно увидел какую-то девочку, перемахнувшую по воздуху через рельсы перед самым фонарем электрички. Он ахнул. И возчик тоже сказал: «Ух ты!» Но когда улеглись поднятые поездом снежные вихри, на той стороне не оказалось никого, кроме двух баб, закутанных так, что их можно было принять за двигающиеся мешки с картошкой.

Теперь до Немухина было недалеко, и Петька прибавил шагу. О девочке он подумал научно: «Обман чувств». Он любил обо всем думать научно. Но это не было обманом чувств, потому что через несколько минут он увидел ее на углу Нескорой и Малинового переулка. Она стояла, поглядывая по сторонам, точно размышляя, куда бы ей еще сле-

тать, — такой у нее был воздушный вид. На ней было короткое ситцевое платье с большим бантом на спине, а за плечами что-то вроде накидочки. Она была без пальто, и это показалось Петьке интересным, но тоже не вообще, а с научной точки зрения.

— Хрю-хрю, — сказал он.

Девочка обернулась. Пожалуй, надо было поздороваться, но он поздоровался в уме, а вслух сказал:

— А пальто где? В школе забыла?

— Извините, — сказала девочка и присела. — Я еще не знаю, что такое «пальто».

Она, конечно, шутила. Любила же Петькина тетка говорить: «Я не знаю, что такое насморк».

— А где ты живешь?

— Нигде.

— А конкретно?

— Извините, — сказала девочка. — Я еще не знаю, что такое «конкретно».

— Vежду тем пора бы и знать, — рассудительно заметил Петька. — Тебе сколько лет?

— Второй день.

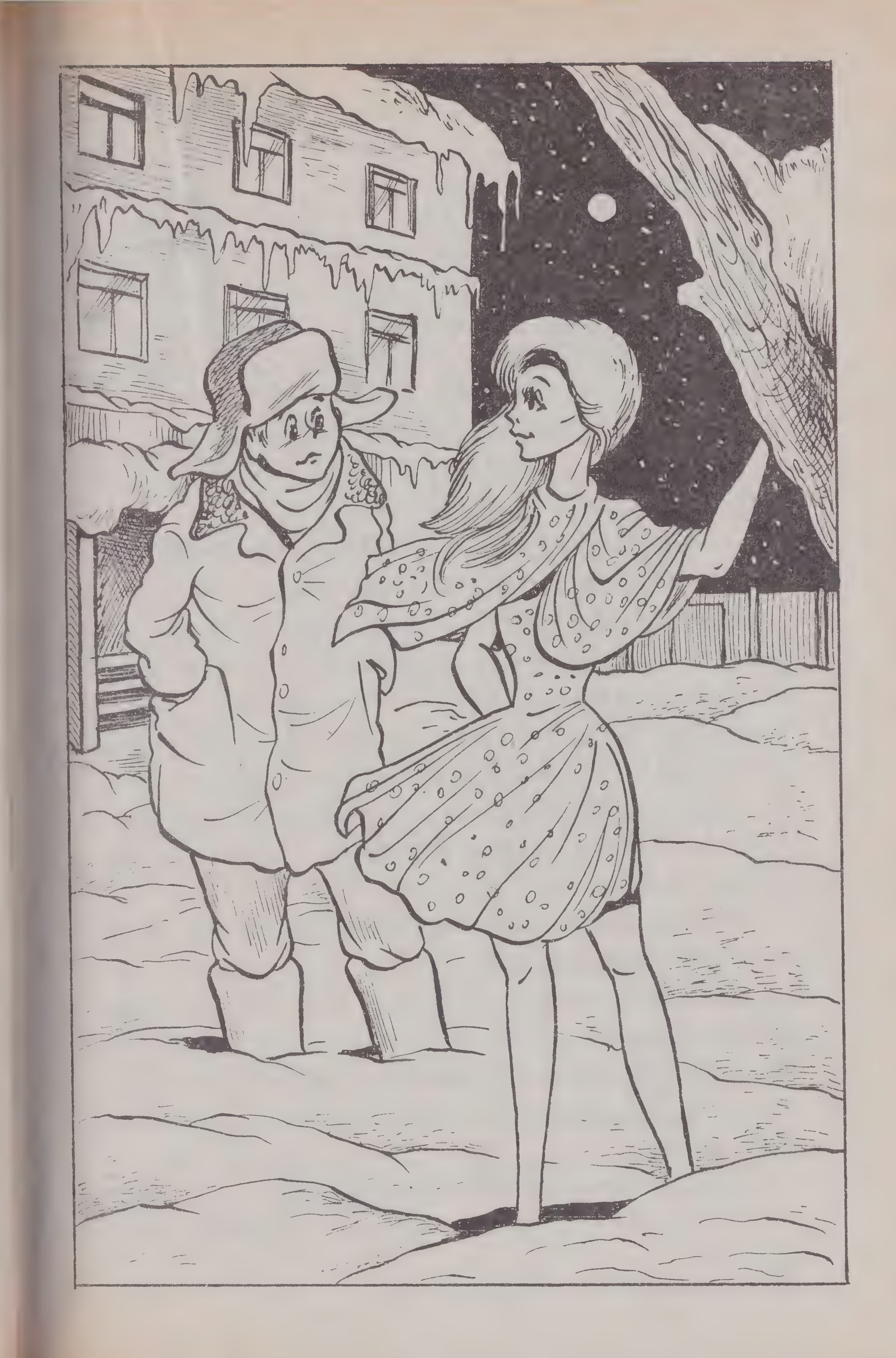
Петька засмеялся. Девочка была беленькая, а ресницы — черные, и каждый раз, когда она взмахивала ими, у Петьки — ух! — куда-то с размаху ухало сердце.

— Теперь я вас хочу спросить, — сказала девочка. — Скажите, пожалуйста, что это за штука?

Она показала на луну.

— Тоже не знаешь?

— Нет.

— Эта штука называется «луна», — сказал Петька. — Ты, случайно, с нее не свалилась?

Девочка покачала головой.

— Нет, я из снега, — серьезно объяснила она. — Вчера ребята слепили снежную бабу. Мимо проходил какой-то старик с бородой. Он посмотрел на меня... то есть не на меня, а на снежную бабу, и сказал сердито: «Ну нет, и без тебя на дворе довольно бабья».

Она рассказывала спокойно, неторопливо, и Петька заметил, что, когда он говорит, изо рта идет пар, а у девочки не идет.

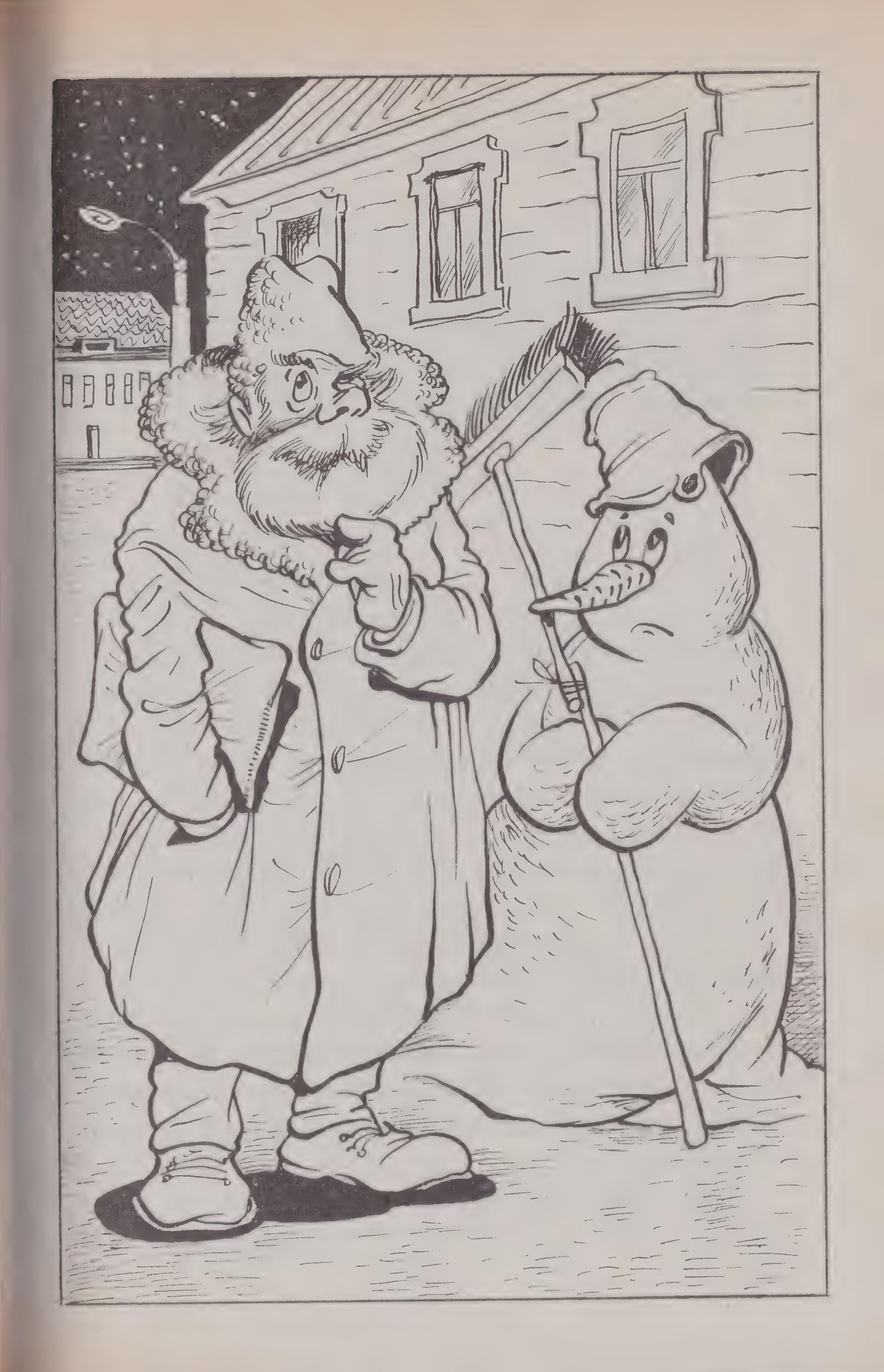
— Мальчишки ушли, а он меня переделал. На голове у меня было дырявое ведро — он его сбросил, в руках швабра — он ее вынул. Он пробормотал: «В этом деле я не специалист», — когда делал прическу. «А теперь устроим ей ножки», — когда устраивал ножки. Я не слышала, потому что меня еще не было, но, наверно, я уже отчасти была, потому что я все-таки слышала. С глазами не получалось! — сказала она с огорчением. — А потом получилось. Вот.

Она взмахнула ресницами, и у Петьки — ух! — куда-то ухнуло сердце.

— Потом он сказал: «А ходить ты будешь легко, потому что я не люблю девочек, которые ходят, как утки». В общем, я получилась у него так хорошо, что открыть глаза и заговорить — это было не так уж и трудно.

— И ты заговорила?

— Не сразу. Сперва вздохнула.

— Что же ты сказала?

— Не помню. Кажется, «Добрый вечер!».

— А он?

— Он? «Ах ты, моя душенька!» — и ушел.

— Странная история, — сказал Петька.

Они были теперь недалеко от Немухина. Впрочем, Петька — то далеко, то близко. У него были длинные ноги, и он, задумавшись, уходил от девочки, а потом спохватывался и возвращался.

2

По Нескорой всегда плелись нехотя, вразвалку. Такая уж была улица, располагавшая к лени. Немухинский горсовет переименовал ее было в Какпулясовсехногпроносященскую, но из этого ничего не вышло — все сразу начинали плестись, едва сворачивали в нее с Малинового переулка. Но Петька, устроив девочку в дровяном сарае, где было так холодно, что даже дрова покряхтывали, и, чтобы согреться, толкали друг друга боками, действительно пролетел эту улицу как пуля. Дело в том, что на этой улице жил старый Трубочный Мастер. Самыми ценными считаются обкуренные трубки, поэтому в его маленьком домике всегда стоял дым — тот самый, о котором почему-то говорят «дым коромыслом». В этом дыму с трудом можно было различить хозяина, который сидел в кресле, скрестив короткие ножки.

Он очень боялся, что врачи запретят ему курить. На дощечке у ворот вместо «Внимание! Злая собака» было написано: «Внимание! Врачам и даже членам Академии медицинских наук вход запрещен». Всех он спрашивал: «Простите, а вы, случайно, не врач?» Когда Петька влетел к нему, запыхавшись, он тоже начал было: «Простите, а вы, случайно...»

— Дяденька, необыкновенный случай! — закричал Петька. — Морозоустойчивая девчонка!

И он рассказал Трубочному Мастеру о девочке, которая не знает, что такое «пальто», что такое «луна» и что такое «конкретно».

— Любопытно. Возможно, что это просто Снегурочка. Подождем до весны.

— Почему до весны?

— Потому что весной Снегурочки тают.

— Дяденька, — помолчав, сказал Петька, — а нельзя ли, чтобы она все-таки как-нибудь...

— Ну, знаешь, — сказал Трубочный Мастер, — это уж слишком. Ты же сам говоришь, что она из снега.

— Да, дяденька, но все-таки как-нибудь... Ведь есть же на свете, например, вечный лед. Он ведь не тает?

— Лед — нет. А Снегурочки — да.

Старый Мастер, набив в трубку табаку, умял его коротким желтым пальцем, закурил и стал думать. Пуф-пуф! Большие важные кольца дыма стали медленно подниматься в воздух, а за ними — пуф-пуф — покатились мохнатые голубые клубочки. Это значило, что вопрос сложный. Когда Старый Мастер обдумывал несложный вопрос, он просто пускал дым из ноздрей.

— Не знаю, не знаю, — наконец сказал он. — Разве что послать ее в Институт Вечного Льда? Я немного знаком с директором. Он, кстати, сам из бывших Дедов-Морозов.

И он написал: «Уважаемый Павел Георгиевич! Поручаю Вашему вниманию прилагаемую к сему девочку без пальто. По-видимому, морозоустойчива. Есть опасение, что растает к весне. Не хотелось бы». Он отдал записку Петьке.

— Спасибо, дяденька.

Но Мастер уже забыл о нем. Он открыл окно, дым повалил наружу, и соседи, как всегда, испугались, что в поселке пожар, а потом, как всегда, успокоились, вспомнив о Старом Мастере Трубок.

3

Директор Института Вечного Льда был плотный румяный человек с седеющей бородой и бесформенным носом между розовых щек. О нем говорили: «Хорош, но со странностями». И действительно, странности были. Летом он чувствовал себя не в своей тарелке, а зимой — в своей. Летом был зол и нетерпелив, а зимой — свеж и болтлив. В отпуск он уходил в январе и всегда удивлялся, что его сотрудники предпочитают отдыхать летом. Фамилия его была Тулупов.

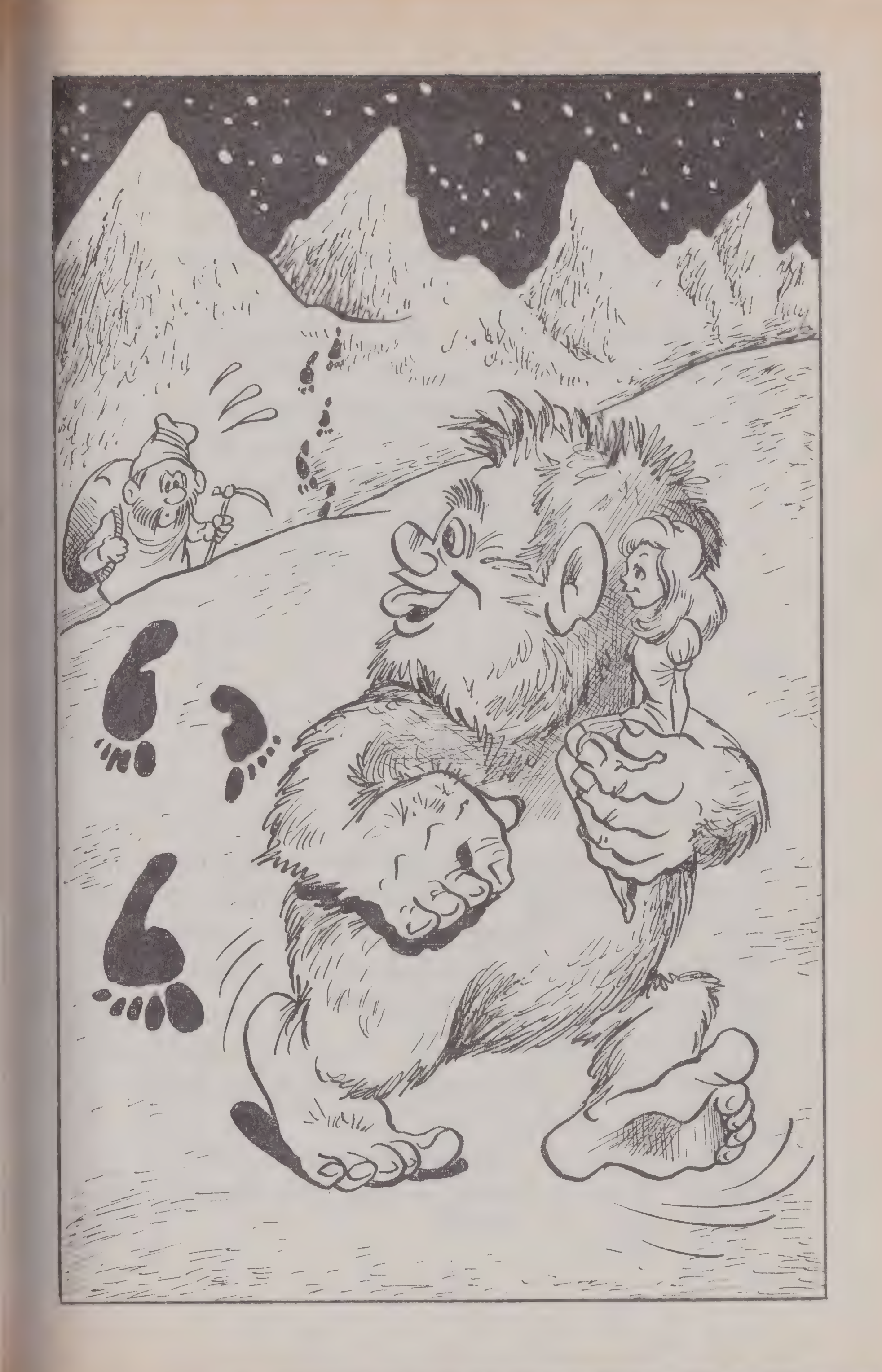
— Как-никак это все-таки чудо, — прочитав записочку, сказал он Петьке. — А чудеса надо изучать, потому что это — воздух науки.

И он приказал поместить девочку в холодильник номер один.

Это был самый обыкновенный холодильник — только очень большой. Там, где было написано «Мясо», лежало много мяса, а где «Фрукты» — очень много фруктов и овощей. Над дверью, когда она открывалась, зажигался большой голубой шар, а на стенках внутреннего шкафа был такой толстый иней, что Снегурочка могла бы писать на нем, если бы она умела писать. Для удобства кто-то предложил называть ее И.О. (исполняющая обязанности) Снегурочки, но директор сказал, что это вздор, и девочку стали называть просто Настей.

Но была ли она Снегурочка? — вот вопрос, который интересовал решительно всех, но больше всех, разумеется, ученых. Это было время, когда много писали о Снежном человеке, который будто бы живет в Гималаях, и один из ученых предположил, что Настенька — дальняя родственница этого дикаря, который только и делает, что ходит, оставляя огромные следы на снегу. Другой, много лет изучавший сказку о Золотом Ключике, пытался доказать, что неизвестный старик, вылепивший девочку из снега, не кто иной, как папа Карло, который вырезал Буратино из полена.

Почти каждый день ученые, надев шубы и валенки, отправлялись в холодильник, и Настенька терпеливо рассказывала им свою историю. Ох, как они ей надоели! Особенно один, с синим носом, который то и дело дышал на пальцы и хлопал в ладоши, чтобы согреться. Глаза у него почему-то бе-

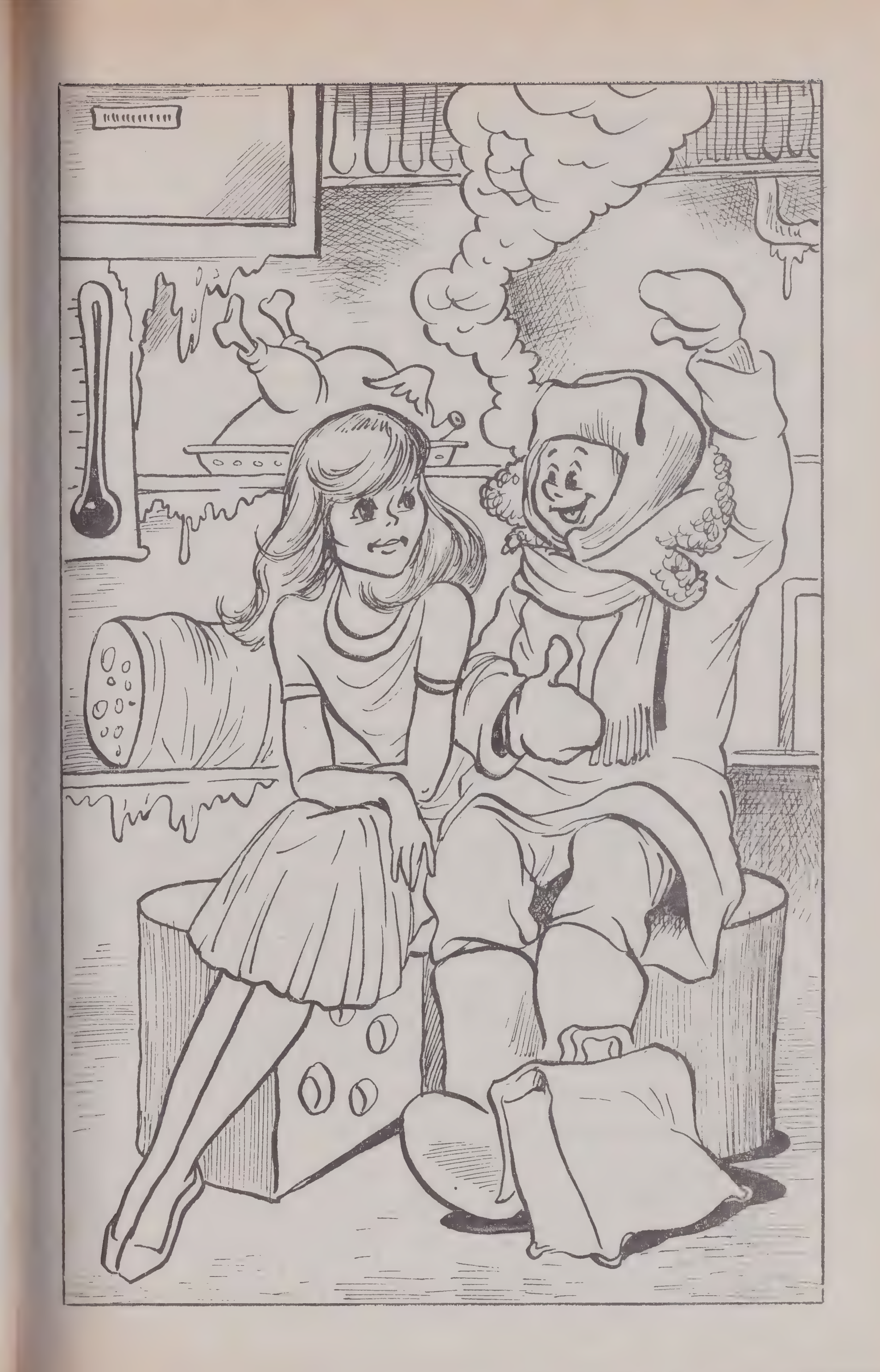
гали, но, когда ему говорили об этом, он отвечал, что иногда они бегают даже у великих людей.

Теперь Настенька знала, что такое «пальто», что такое «луна» и что такое «конкретно». В холодильнике у нее был порядок. Все хорошело, едва попадало к ней в руки. Соленое мясо начинало выглядеть свежим, рыба — живой, а на сыре выступали аппетитные слезы. Что касается холода — нечего и говорить. В холодильнике было холодно, как на Северном полюсе или даже как на Южном, потому что на Южном, говорят, еще холоднее.

Плохо было только одно: она очень скучала. Правда, Петька бывал у нее почти каждый день, хотя по арифметике у него была двойка. Но двойка, в конце концов, та же тройка, а до конца четверти было еще далеко!

Они разговаривали. Петя рассказывал Настенькt о своих делах, а она ему — о своих. Он — о том, что у них злющая завуч и что, когда Настенька научится читать, он принесет ей «Таинственный остров», а она — что ей очень скучно. Холодильник зашумит, а ей кажется, что это ветер шумит. Ученые надоели, особенно один с синим носом, который все старается ковырнуть ее пальцем. Луны в холодильнике нет, а ведь говорят, что, кроме луны, есть еще и какое-то солнце? Правда, ученые говорят, что она должна бояться солнца, но ей все-таки хочется на него посмотреть.

Петьке было страшно дотронуться до Настеньки, но он легонько хлопал ее по плечу и говорил:

— Ничего, Настенька, держись!

Потом она говорила ласково:

— Идите, Петенька. Вы замерзли.

Но он сидел, пока ноги у него не становились, как деревяшки.

И вот однажды, нарочно вскочив пораньше, чтобы приготовить уроки (ему хотелось поехать к Настеньке прямо из школы). Петя включил радио и услышал: «Внимание, внимание! Пропала девочка, по имени Настенька, из породы Снегурочек, очень хорошенькая, в ситцевом платье, вежливая, ходит легко. О местонахождении просьба сообщить в Институт Вечного Льда».

4

Широко известно, что, как только происходит что-нибудь не совсем обыкновенное, сразу же появляются слухи. В тот же день весь город заговорил о том, что некий Персональный Пенсионер, почтеннейший человек со множеством медалей, своими глазами видел девочку в легком платье, которая катилась по улице, как на коньках, а потом — раз! — и взлетела. Не высоко и не из шалости, полагал Персональный Пенсионер, а просто потому, что не могла не взлететь. Его спрашивали: «Почему же все-таки не могла?» Он отвечал, подумав: «Видите ли, она так плавно шла, что положительно не могла не взлететь».

Второй слух касался ласточки, которой надоело каждый год улетать в жаркие страны. Она осталась

на зиму в Москве, а в этот день стоял сильный мороз, и нет ничего удивительного в том, что она стала замерзать на лету.

— Падаю, — сказала она и без сомнения упала бы, если бы ее не подхватила девочка в легком платье, хорошенькая и очень вежливая: даже с ласточкой она заговорила на «вы».

— Что с вами?

— Я умираю.

— Я бы положила вас за пазуху, — задумчиво сказала девочка, — но боюсь, что там вам будет еще холоднее.

И с ласточкой в руках она побежала дальше.

Третий слух касался Пекаря, который любил говорить о себе: «Я, как одинокий мужчина...» Он любил похвастаться, а похвастаться было не перед кем — ни жены, ни детей. Так вот этот Пекарь только что вытащил из печки минский хлеб и только что сказал другому пекарю: «Я, как одинокий мужчина...» — когда какая-то девочка легко вбежала в пекарню и сунула ему за пазуху ласточку. А у Пекаря за пазухой, как известно, тепло, как на Юге.

Но самый интересный слух касался Петькиного дяди. Его звали Костя Лапшин, и он как раз в этот день приехал в Москву.

5

Дядя Костя был хорош тем, что ему до всего было дело. Он только и смотрел, куда бы сунуть свой

нос, — это называлось у него поразмяться. Нос, кстати сказать, у него был здоровенный.

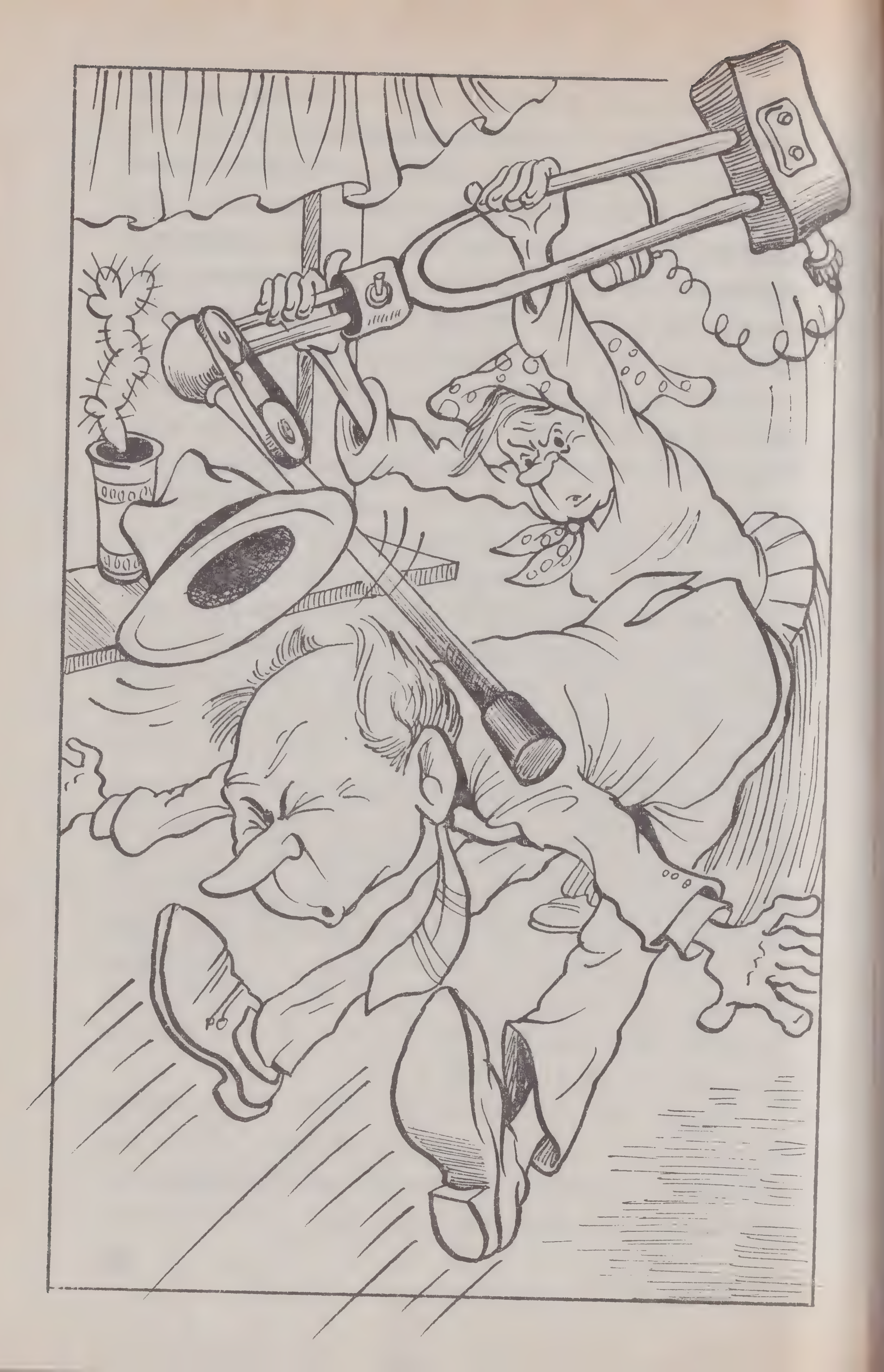
Неизвестно, как он узнавал, что кому-нибудь нужно помочь, но узнавал, и почти всегда без ошибки. Только однажды он пришел к старушке, сломавшей ногу, с хитроумным, собственного изобретения костылем и получил этим костылем по шее, потому что ногу сломала другая старушка.

Все у дяди Кости было на своем месте, как вообще у людей, но почему-то казалось, что не на своем. Глаза у него, например, не смотрели в разные стороны, а казалось как раз,что смотрели. Ногами он, кажется, не загребал или не очень, а казалось, что очень. Волосы он причесывал как все люди, а казалось, что они у него стоят дыбом. Он был ученый не хуже того, с синим носом, который дышал на пальцы и прыгал, а на вид он был вроде Снежного человека — во всяком случае, на снегу от него оставались такие же большие следы.

Еще по дороге в Москву он узнал, что пропала девочка из породы Снегурочек, и, конечно, сразу же решил сунуть нос в это дело. Но когда он приехал в Немухин и узнал, что Петька, родной племянник, схватил уже не одну, а четыре двойки, потому что только и думает, как бы ему найти эту девочку, дядя Костя не просто сунул нос в это дело, а нырнул в него с головой.

Когда он узнавал, что нужно кому-нибудь помочь, он прежде всего составлял план: как помочь, чем помочь и что делать, чтобы помочь не на словах, а на деле.

10—931

Петьке он тоже предложил план: 1. Поговорить с ласточкой, которую спасла Настенька. У ласточки должны быть знакомства среди птиц, а птицы летают повсюду. 2. Опросить всех московских мороженщиц, потому что Настенька, без сомнения, любит все холодное, в частности эскимо и пломбир. Деньги у нее есть. Пока она жила в холодильнике, считалось, что она как бы в командировке, и Институт Вечного Льда выплачивал ей суточные — два шестьдесят в день.

6

К сожалению, ласточку найти не удалось, хотя дядя Костя дал объявление в «вечерку»: «Разыскивается единственная ласточка, оставшаяся на зиму в Москве».

Что касается мороженщиц — не было ничего легче, как опросить их, если бы их не было так много. Они стояли на каждом углу и сердились, что мороженое зимой раскупается хуже, чем летом. Все, как одна, они были сердитые, и это до крайности затрудняло задачу. Их, конечно, тоже можно было понять: мало радости стоять в замерзшем, твердом фартуке на улице в лютый мороз и кричать как на смех: «А вот кому мороженого?» — когда и без мороженого ни у кого зуб не попадает на зуб.

Когда Петька и дядя Костя спрашивали у них: «Простите, пожалуйста, не покупала ли у вас эскимо или пломбир девочка, по имени Настенька, сбежавшая из Института Вечного Льда?» — они

обычно отвечали: «Пломбира нет», а когда Петька или дядя Костя объясняли, что Настенька не простая девочка, а из породы Снегурочек и что мороженщицы должны принять в ней участие хотя бы по этой причине, они отвечали: «Девочек много».

День за днем так и прошла зима. Дядя Костя хотя и продолжал искать Настеньку, но понемногу начал заниматься своими делами. А Петька начал вздыхать. Сперва он вздыхал два-три раза в день, но чем ближе к весне, тем чаще. Двоек у него больше не было, но он все-таки вздыхал и вздыхал. По вечерам, возвращаясь из школы, он долго стоял у переезда, нарочно дожидаясь, пока стрелочник спустит шлагбаум, — все надеялся, что Настенька мелькнет перед ярким фонарем электрички. Но поезд проходил, наступала тишина, темнота. Вздыхая, Петька, возвращался домой и, вздыхая, садился за книжку.

Нельзя сказать, что он не старался с научной точки зрения объяснить себе, почему он так часто вздыхает. Но наука наукой, а скука скукой.

Ближе к весне начались снегопады. Мягкий, медленный снег падал с утра до вечера, а по ночам снова падал и падал. В поселке он свисал с крыш, на поле не торопясь трудился над сугробами, все старался, чтобы они были помягче, повыше. Петька выходил во двор, и в медленном, плавном кружении снежинок ему все чудилась Настенька, тоненькая, вежливая, в легком платье. Вот она катится, как на коньках, и вдруг взлетает, скрестив стройные

ножки. Вот она говорит: «Извините, мальчик» — и приседает, касаясь краешков платья руками.

Снегопады прошли, началась оттепель, а потом — снова метели, теперь уже весенние, мокрые. Тяжелый снег гнался за кем-то, переваливаясь, подгоняемый ветром, и нехотя, мягко валился на землю.

Еще неделя, другая, и больше нельзя ходить в школу на лыжах. Весна! «А весной, — сказал Старый Трубочный Мастер, — Снегурочки тают».

7

Куда же все-таки девалась Настенька? Ученый с синим носом предположил, что она улетела в холодные страны. Видел же Персональный Пенсионер, как она шла, шла и взлетела!

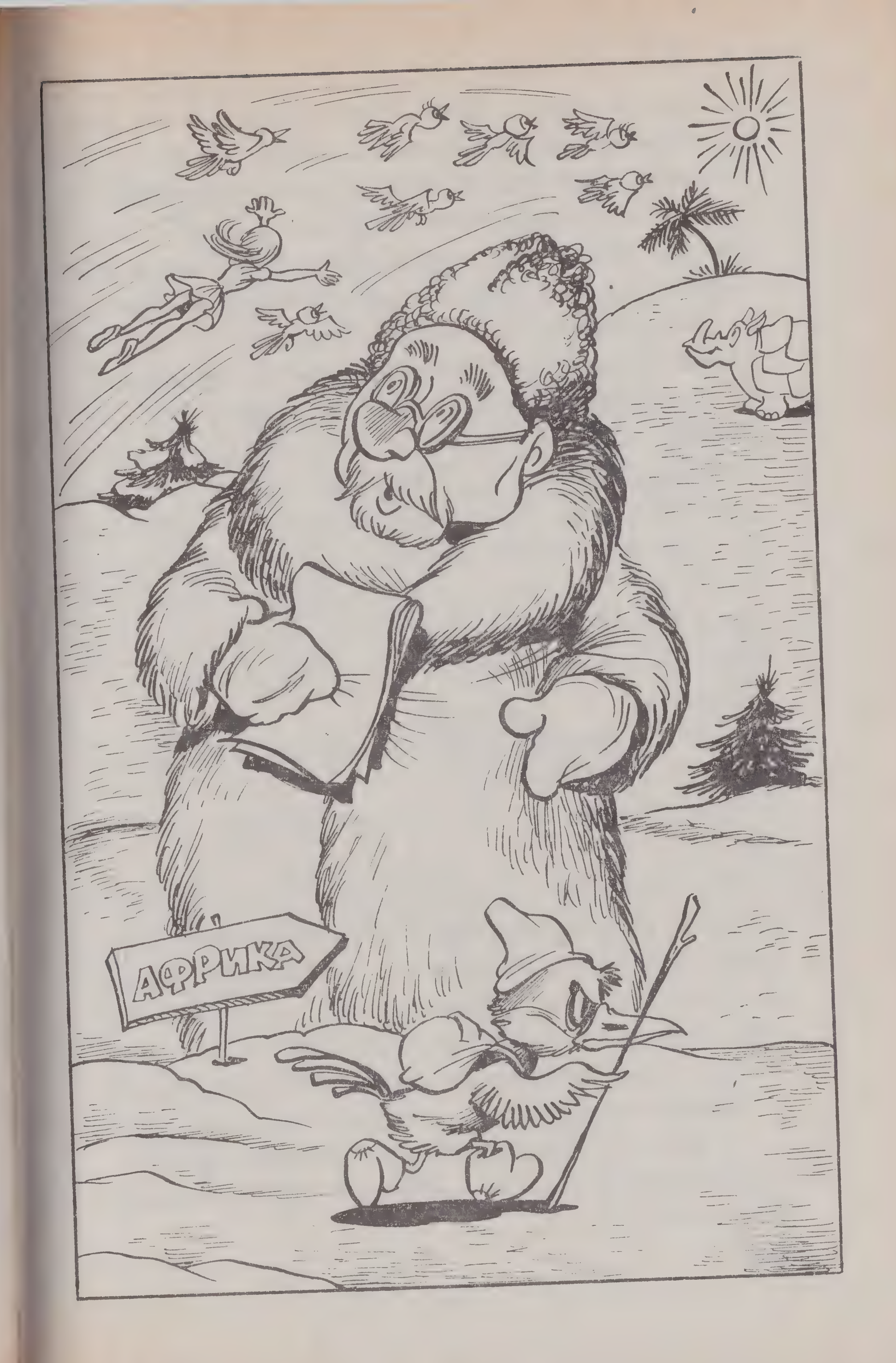
— Но взлететь — одно, — сказали другие ученые, — а улететь — другое.

Он возразил, что в таком случае она просто ушла, — не ленится же птица коростель каждый год ходить пешком в Африку и обратно.

Спор не затянулся бы надолго, если бы ученые знали, что Настенька всю зиму прожила у Пекаря, того самого, который любил говорить: «Я, как одинокий мужчина...»

Он не очень удивился, когда Настенька сунула ему за пазуху ласточку.

— Позвольте представиться — и Пекарь и печка, — сказал он и пригласил Настеньку к себе выпить чаю с теплым минским хлебом.

Пекарь считал, что на свете много важных дел, но хлеб, если его хорошо испечь, поважнее. В пекарне у него был порядок, а дома — кавардак, о котором он говорил, что по-своему это — тоже порядок. Все же он в душе обрадовался, когда Настенька, недолго думая, взялась за тряпку и швабру.

— Ах ты, моя душенька! — сказал он.

Всем почему-то хотелось называть ее душенькой.

Конечно, ему и в голову не пришло, что Настенька — из Снегурочек, а когда она стала убеждать его, смеялся и долго не верил. Потом поверил, ужаснулся и уж тут оказался на высоте: он поселил ее в такой холодной комнате, что каждый, входя, непременно говорил «бр-р»; на обед он приносил ей что-нибудь холодное — окрошку со льдом или холодец, на третье снежки — есть на свете такое вкусное блюдо.

Когда девочки успевают научиться шить, мыть и прибирать, неизвестно. Но научилась и Настенька, да так, что Пекарь, приходя домой, просто не верил глазам.

Натирая полы, она кружилась и пела, а застилая кровати, учила слова. Некоторые слова казались ей очень странными, и она много раз произносила их, чтобы привыкнуть. «Ненаглядный» — это, оказывается, был не тот, на которого не надо глядеть, а наоборот, очень надо. «Бессонница» — это, оказывается, не значило спать без снов, а наоборот, не спать.

— Вы не можете устроить, чтобы я увидела сон? — попросила она Пекаря. — Со мной этого еще никогда не случалось.

— Ладно, сделаем, — сказал Пекарь.

Конечно, он пошутил, но в ту же ночь она действительно увидела сон, и это было прекрасно. Она не верила, что снег может растаять совсем, до последней снежинки, хотя Петька клялся, что может. Теперь она поверила, потому что увидела лето. Да, очевидно, это было лето. Солнце, которого она ничуть не боялась, стояло низко над полем, и Настенька изо всех сил бежала к нему среди высокой травы. Петька говорил, что солнце закатывается, а ей не хотелось, чтобы оно закатилось. Она бежала, а потом взлетела и подхватила солнце как раз, когда оно уже легло на тонкую линию, разделявшую небо и землю.

Она проснулась и написала Петьке: «Мой ненаглядный». Это значило, что ей очень хотелось на него поглядеть. «Я видела сон». Это значило, что ей снилось лето. «Пекарь любит хлебнуть». Это значило, что Пекарь иногда выпивал. «Я тебя люблю». Это значило, что она его любит. «Приходи. Твоя Настя».

Ей хотелось попросить ласточку слетать к Петьке с этим письмом, но она не решилась: стояли морозы.

Так она и жила у Пекаря день за днем, неделя за неделей.

Молодая зима стала пожилой, а потом и старой — не то что в декабре, когда она была еще совсем девчонкой. Уже апрель был на носу, когда однажды, прибирая квартиру, Настенька услышала, как в

переулке кричит точильщик. А у Пекаря как раз затупились ножи.

8

На этот раз чужое дело, которым занялся дядя Костя, касалось Старого Мастера — у него сломался станок для вытачивания трубок из виноградного корня.

С утра дядя Костя таскал по мастерским этот станок, расспрашивал мимоходом, не видел ли кто-нибудь вежливую девочку в ситцевом платье, сбежавшую из Института Вечного Льда.

День был весенний, конец марта. Кое-где лежал еще снег, но уже почерневший, хрупкий. Дядю Костю принимали за точильщика, и это ему так нравилось, что он с трудом удерживался, чтобы не закричать: «А вот, кому точить ножи, ножницы?» В конце концов он не удержался, закричал. И тут произошло то, что иногда происходит в сказках: девочка лет двенадцати выглянула из окна и закричала: «Точильщик!»

Почему-то он сразу подумал, что это Настенька, хотя невозможно было вообразить, что Настенька, как обыкновенная девочка, живет в обыкновенном доме. Но все-таки это была она! Кто же еще мог выйти из дома с большим китайским зонтиком, который, как известно, защищает не от дождя, а от солнца! Кто же еще мог так вежливо спросить:

— Извините, но вы, кажется, совсем не точильщик?

— Конечно, нет! — весело сказал дядя Костя. — Это я просто в шутку кричал. А ведь правда здорово получилось? Извините, а вы случайно не Настенька?

Настенька кивнула.

— Не может быть! — закричал дядя Костя. — Какое счастье! Боже мой милостивый, да ведь мы с Петькой ищем вас целую зиму.

Она засмеялась.

— Так вы дядя Костя? — спросила она, и между ними начался длинный вежливый разговор — длинный, потому что вежливый, а вежливый, потому что длинный.

Почти каждая фраза начиналась: «Простите, а не думаете ли вы?» Или: «Извините, а не кажется ли вам?» Но вот они договорились до Петьки, и дело пошло веселее.

— Извините, а как сейчас Петя?

— Помилуйте, да он просто места себе не находит. Он очень боится, чтобы вы... как бы сказать... Мне это кажется странным... Он боится, как бы вы...

— А почему вам это кажется странным?

— Ну как же! Нельзя же все-таки! — волнуясь, сказал дядя Костя. — Существуют холодильники, очень хорошие. Еще вчера я читал, что выпущен новый, кажется, «Юность».

Настенька покачала головой.

— Вы даже не можете себе представить, что это за скука! Мертвая рыба лежит, а мне ее жалко; ученые приходят в шубах и валенках, а я их боюсь. Нет, нет! Лучше растаять. Если бы не Пекарь — это мой

хозяин, — я бы давно растаяла. Я у него всю зиму провела. А теперь он меня отхлопотал до апреля.

— Отхлопотал?

— Да. В Министерство ходил. Но, знаете, как это было трудно! Только потому и удалось, что он очень влиятельный Пекарь. Он сейчас уехал в Минск. Там живет гроссмейстер по выпечке хлеба, и будет состязание. Но все равно мой хозяин его победит, потому что минский хлеб он печет лучше всех в Советском Союзе.

— Позвольте, как же так? — спросил дядя Костя. — Вы сказали — до апреля? Но до апреля осталось только несколько дней.

Настенька вздохнула.

— Разве? Ах, да. Простите, не можете ли вы передать Петеньке письмо? Я ему написала, что видела сон, что Пекарь любит хлебнуть и что он мой ненаглядный. Не Пекарь, конечно, а Петя.

9

Снегурочками, снежными бабами, снежными вершинами занималось Министерство Вьюг и Метелей. Это дядя Костя выяснил точно. Петька едва ли мог ему пригодиться. В лучшем случае, он рассказал бы, как скучает без Настеньки и как ему хочется почитать ей «Таинственный остров». Для Министерства Вьюг и Метелей подобные доводы не имели значения. Поэтому дядя Костя послал Петьку к Настеньке, а сам отправился на прием. Он надел свой лучший костюм и добрых полчаса простоял перед

зеркалом, стараясь, чтобы все у него было как у людей: глаза не смотрели в разные стороны, а волосы не торчали дыбом.

Насчет ног он тоже постарался, чтобы они не очень загребали и чтобы от них, по меньшей мере, не оставались такие большие следы.

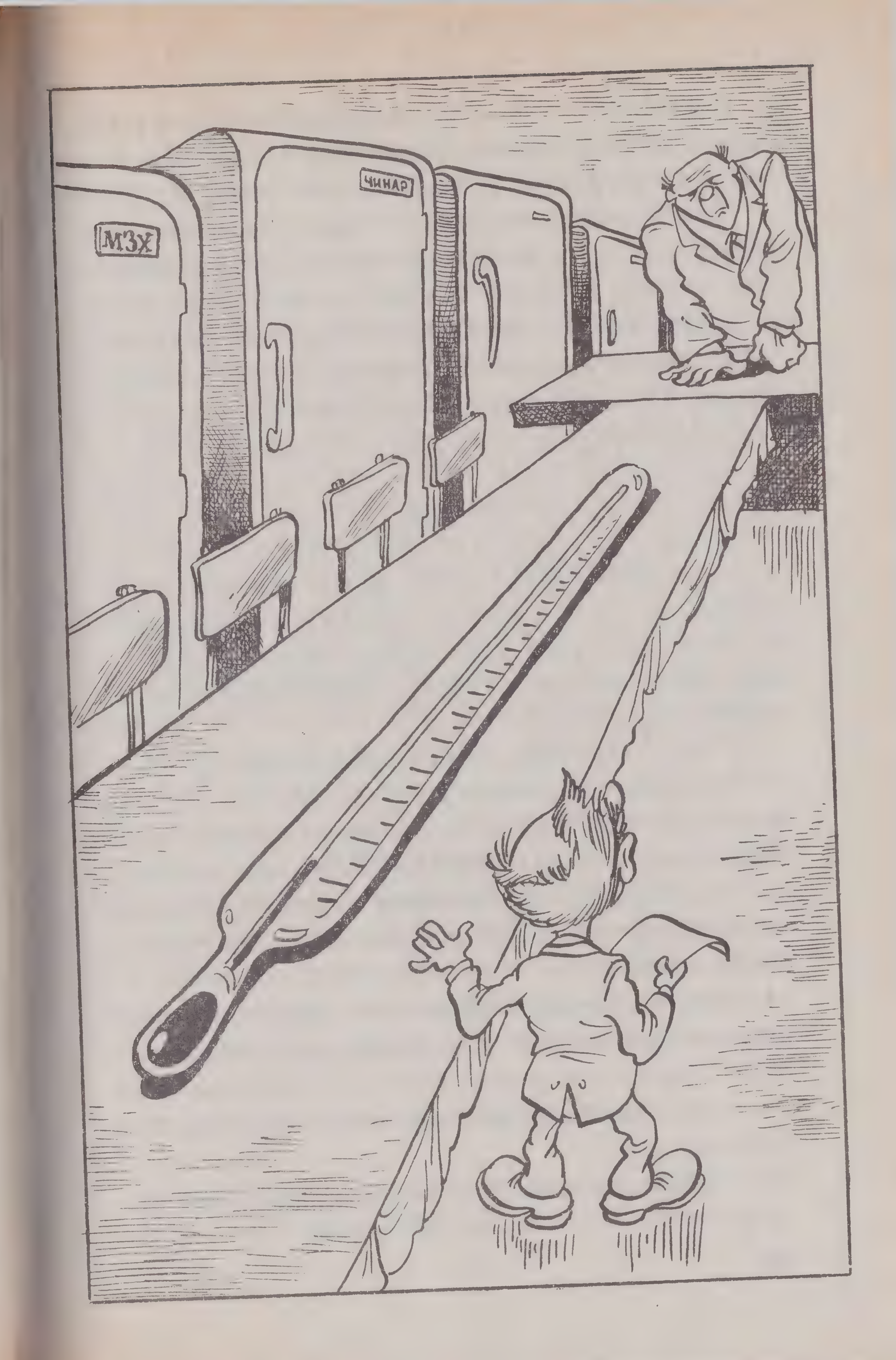
Ну и холодно же было в Министерстве Вьюг и Метелей! Сотрудники безучастно смотрели на посетителей. Те, у которых был искренний, симпатичный взгляд, носили темные снеговые очки, чтобы никто не заметил, что они, в сущности, сердечные люди. От них, что называется, веяло холодом. И хотя это был не тот холод, от которого кутаются и надевают шубы, дядя Костя, войдя в Министерство, почувствовал, что у него зуб не попадает на зуб.

— Да... Снегурочка... очень любопытно! Желаю успеха, — выслушав его, нетерпеливо сказал Старший Советник. — Но мы, к сожалению, ничем не можем помочь.

— Извините, но ведь речь идет только о продлении срока. Ну, скажем, до осени.

— Знаем мы эти продления! Сперва до осени, потом до зимы, а зимой... Нет, нет, не могу. И потом, хотите выслушать совет опытного человека? Не связывайтесь. У нее нет ни паспорта, ни свидетельства о рождении. Она числится давно растаявшей, и то, что она сидит где-то под зонтиком, вообще бессмыслица, противоречащая всем законам природы.

— Природу следует исправлять, если это возможно.

— В данном случае это невозможно. Обратитесь в Министерство Арктических Вьюг и Метелей, может быть, там заинтересуются этим вопросом.

Целый час дядя Костя упрямо доказывал, что Настенька вовсе не бессмыслица, а как раз наоборот — чудо природы. Все было напрасно. Он ушел расстроенный, не заботясь больше ни о глазах, которые смотрели в разные стороны, ни о ногах, которыми он нарочно загребал изо всей силы.

10

Дядя Костя был умный, даром что всю жизнь занимался чужими делами. «Если уж в Министерстве Вьюг и Метелей дело вышло табак, — подумал он, — чего же ждать от Министерства Арктических Вьюг и Метелей?»

И он поехал в Институт Вечного Льда.

Это была уже не зима, когда Тулупов чувствовал себя в своей тарелке, но еще и не лето, когда он чувствовал себя не в своей. Приближалась весна, и хотя он погрустнел, помрачнел, но крепкий бесформенный нос еще бодро торчал картошкой между розовых щек.

— Не может быть! Нашлась! — так же, как дядя Костя, закричал он. — Какое счастье! Где она?

— Дома.

— Как дома? Надо немедленно отправить ее в холодильник.

— Вы понимаете, — волнуясь, сказал дядя Костя, — она говорит, что в холодильнике скука.

Тулупов обиделся.

— Что значит — скука? — холодно спросил он. — У нас лучшие холодильники в мире. Свежая курица сохраняет свежесть в течение пятнадцати лет.

Дядя Костя хотел сказать: «То курица», но вовремя удержался.

— В таком случае извините, — сказал Тулупов (он становился все холоднее), — ничем не могу помочь.

Дядя Костя замолчал. Все у него разъехалось от огорчения. Глаза уже смотрели в разные стороны, а ноги, даром что он сидел, стали заходить одна за другую. Тулупов посмотрел на него и смягчился.

— Ладно, куда ни шло, — вдруг сказал он. — Поехали.

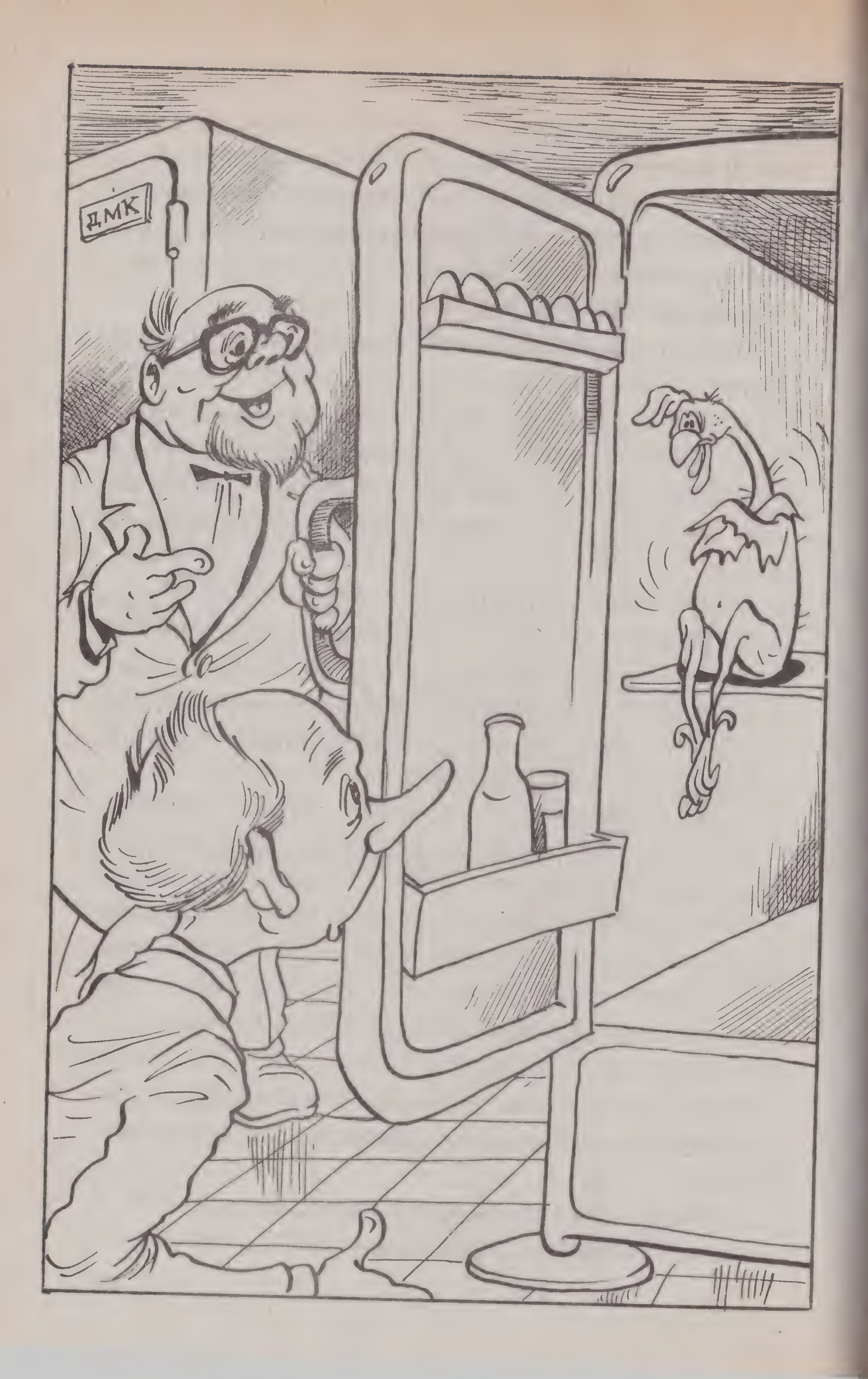
— Куда?

— В Министерство. Не думайте, что из-за вашей Настеньки. Они там такое напутали с мартовскими метелями, что сам черт голову сломит.

Что случилось с мартовскими метелями, этого дядя Костя так и не понял, хотя Тулупов дорогой старался объяснить ему, что к ним нужен умелый подход, а в Министерстве считают, что они должны начинаться только с ведома и согласия начальства.

Очевидно, именно об этом шел громкий разговор, доносившийся из-за двери кабинета министра, — дядя Костя ждал Тулупова в приемной. Потом послышался смех, и еще через несколько минут Тулупов вышел в приемную с подписанным приказом. Вот он:

«Пункт 1. Разрешаю с 1-го апреля 1970 года считать Снегурочку, сбежавшую из Института Веч-

ного Льда, самой обыкновенной девочкой без особых примет.

Пункт 2. Имя, отчество, фамилия: Снежкова Анастасия Павловна. Время и место рождения: поселок Немухин, 1970 год.

Социальное положение: служащая.

Отношение к воинской повинности: не подлежит».

— А почему Снежкова? — спросил дядя Костя.

— Их всех выписывают Снежковыми. Ну, а как еще? Снегурочкина? Если ей не понравится, переделаем. Но ведь она же все равно со временем замуж выйдет.

— А почему служащая?

— Поправим, если хотите. Домашняя хозяйка?

— Нет уж, пускай служащая. А почему Павловна?

— Это я виноват, — немного смутившись, ответил Тулупов. — Но ведь, в сущности, они все мои дети. Другое нехорошо.

— А именно?

— Долго объяснять. Пошли к секретарю, может быть, он не заметит.

11

Но секретарь заметил, даром что он был в снеговых очках. Внимательно прочитав приказ, он вернул его Тулупову.

— Не выйдет, — холодно сказал он.

— Почему? Ведь министр подписал.

— Да. Очевидно, забыл, что Снежные Красавицы еще не цветут.

— Ничего не понимаю. Объясните, пожалуйста, — попросил дядя Костя.

— Да что там, чиновники проклятые, — отводя его в сторону, проворчал Тулупов. — Вы понимаете, к таким приказам вместо печати прикалывается веточка Снежной Красавицы. А сейчас середина марта, и она еще не цветет. Послушайте, а может быть, веточку можно нарисовать? — повернувшись к секретарю, попросил он. — У меня в институте один парень рисует что твой Репин. Как живая будет.

— Вы же на основании этого приказа будете метрику хлопотать?

— Да.

— Ну вот. Милиция не позволит.

Секретарь снял очки, зажмурился от света и поманил Тулупова поближе. У него был симпатичный взгляд, и сразу стало ясно, что снеговые очки он носит просто для приличия.

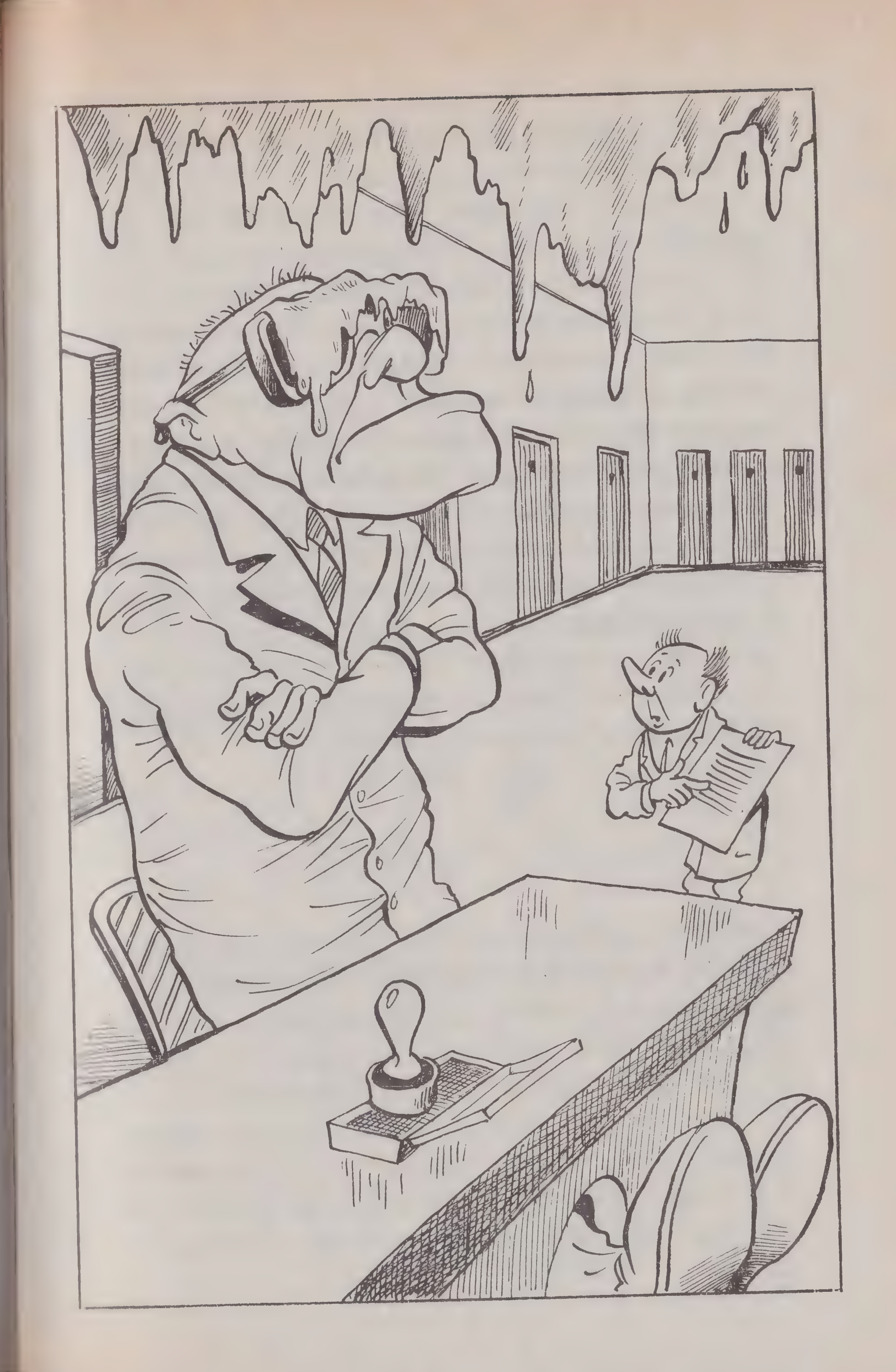
— Попробуйте наведаться к Башлыкову, — оглянувшись по сторонам, тихо сказал он. — Он всю жизнь возится со снежными деревьями. Может быть, он вам поможет.

— Какой Башлыков?

— Из Отдела Узоров на Оконном Стекле.

— Он же на пенсии.

— Вот об этом с ним как раз не стоит разговаривать, — улыбнувшись, сказал секретарь. — О чем угодно, кроме пенсии. А то вы получите не

снежное дерево, а фиговое. Вообще к нему стоит заглянуть, у него сад прекрасный.

Он надел снеговые очки и, чтобы все его пугались, свирепо выдвинул нижнюю челюсть.

— Понятно, — сказал Тулупов. — Пошли.

Тут произошли два события одинаково важных. Во-первых, выходя из Министерства, дядя Костя оступился и сильно подвернул левую ногу. Во-вторых, случилось то, чего никто не ожидал, кроме Тулупова, утверждавшего, что в Министерстве напутали с мартовскими метелями: по радио сообщили, что завтра начнется сильный шквал. О шквалах обычно не сообщают, а тут не только сообщили, но и посоветовали: птицам сидеть по гнездам, а милиционерам привязать к ногам что-нибудь тяжелое, потому что они, как известно, не могут уйти с поста даже в самую плохую погоду.

12

Пока дядя Костя хлопотал о Настеньке, Петька читал ей «Таинственный остров». Слушая, она штопала что-нибудь или шила. В интересных местах она поднимала глаза, взмахивала ресницами, и у Петьки — ух! — с размаху куда-то ухало сердце.

Они ходили в магазины, и на солнечной стороне Петька держал над Настенькой китайский зонтик. Она говорила: «Петенька, я сама», но держал все-таки он — просто потому, что это было приятно.

Они разговаривали. Настенька рассказала ему свой сон, и Петька сказал,что ей еще повезло: он лично никогда не видит снов.

— Но, с научной точки зрения, — объяснил он, — люди, которые видят сны, почти ничем не отличаются от людей, которые их не видят.

Потом Настенька рассказала о Пекаре, как он заботится о ней, не топит в ее комнате, а по вечерам заставляет принимать ледяную ванну.

— Главное, чтобы душа была горячая, — говорил он, — а прочее — кино. Вот ты вроде прохладная, а от тебя в доме тепло. В чем же дело?

Когда он хотел похвалить что-нибудь, он говорил: «Рояль». «Ух, я сегодня кренделя выдал! Рояль!»

Так они сидели и разговаривали, когда дядя Костя вошел, сильно хромая, и плюхнулся в кресло.

— Беда, братцы, подвернул ногу.

Пока Настенька бегала за полотенцем и холодной водой, он разулся и долго горестно рассматривал распухшую ногу.

— Раз, два, три, — сказал он и сунул ногу в ведро с холодной водой. — Вот что, Петя, есть на свете такой — ох! — Башлыков из Отдела Узоров на Оконном Стекле. Ты немедленно — ох! — поедешь к нему и передашь это письмо. Но ни слова о пенсии. Ни слова! Если уж очень захочется сказать «пенси-я», говори что-нибудь другое на «пе»... «пекарня» или «пе-нал». Понятно?

13

Петя жил в Немухине, а Башлыков — в Мухине по той же Киевской железной дороге.

Можно было ожидать, что в его саду Снежные Красавицы стоят рядами, поднимая свои крупные белые чашечки среди зубчатых листьев. Ничуть не бывало! В самом обыкновенном полисаднике его встретил старичок с сиреневой сливой-носом. Уже по этому носу было видно, что с ним лучше не говорить о пенсии.

— Здравствуйте, дяденька, — сказал Петька, чувствуя, что ему до смерти хочется спросить, какая у старика пенсия — по нетрудоспособности или за выслугу лет. — Меня просили передать это письмо.

Башлыков прочитал письмо.

— Так-с, — задумчиво сказал он. — Хорошая девочка?

— Очень.

— Из Снегурочек?

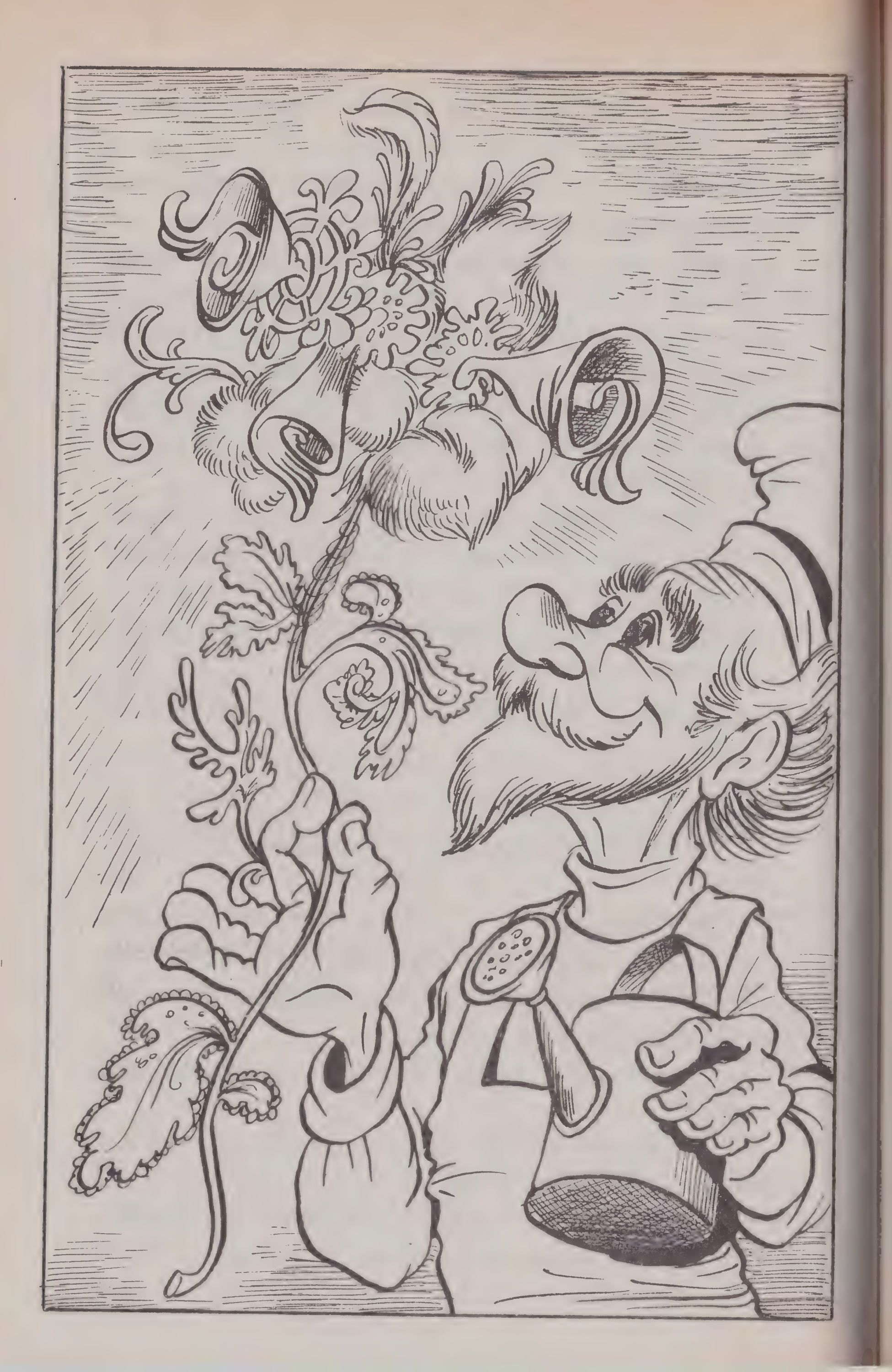
— Да. Но все равно жалко. Она говорит — интересно.

— Что именно?

— Вообще жить. Она говорит, что даже просто дышать и то интересно. Другие не думают, верно? Дышат и дышат. А ей интересно.

— Еще бы, — сказал Башлыков. — Даже мне интересно.

— А в Министерстве, между прочим, без вас совершенно запутались среди узоров на оконном стекле, — сказал Петька. — Даже странно, говорят, без Башлыковани на шаг. Вот уж не думали.

Старичок засмеялся, усадил Петьку, разлил пиво, достал телятину и стал рассказывать, как он превосходно живет. Времени сколько угодно, и он даже стал учиться на виолончели, потому что это инструмент, на котором можно, почти не умея играть, тем не менее играть очень прилично. Языки его тоже интересуют, особенно испанский, который по упрощенному методу можно, говорят, изучить в две недели. Петьке опять захотелось спросить его насчет пенсии, но он, понятно, не стал, а чтобы расхотелось, сказал в уме несколько раз: «Пе-ре-кладина, пер-пендикуляр, перемена».

— Дяденька, так как же? — спросил он.

Башлыков подумал.

— Для Снежной Красавицы, конечно, рановато, — сказал он, — но, как говорится, будем посмотреть! — Он поднял вверх сухонький палец и повторил хвастливо: — Да-с, будем посмотреть!

И, выйдя в соседнюю комнату, он вернулся через несколько минут с веткой Снежной Красавицы.

Это была самая обыкновенная Снежная Красавица, но ведь, когда смотришь на нее, всегда кажется, что это дерево может расти только в сказках. Академик Глазенап, например, давно доказал, что оно как две капли воды похоже на невесту в подвенечном уборе. Но еще больше оно похоже на невесту, которая наклонилась, чтобы поправить свой подвенечный убор, и выпрямилась, блестя глазами и раскрасневшись.

Раскрывающиеся трубочки цветка осторожно откидываются назад, а розовые пестики покрыты

одним из самых изящных узоров, вышитым Дедом-Морозом в незапамятные времена.

— Вот-с, — сказал Башлыков с гордостью. — Какова?

Петя сказал, что красивее этой веточки он ничего в жизни не видел.

— Да-с, и притом — единственная. И не только единственная. Первая в Советском Союзе.

14

Осторожно держа перед собой приказ с приколотой к нему веточкой, Петя вышел от Башлыкова. С вокзала он пошел пешком — боялся, что приказ изомнут в метро. Он шел неторопливо, но, подойдя к пекарне, не выдержал, ринулся через улицу наискосок и еще поддал, увидев Настеньку, сидевшую во дворе под китайским зонтиком, с книгой на коленях.

Она была в светло-желтом платье, лежавшем ровным кругом на земле, точно она сперва покружилась, а потом села, как это сделала бы девочка, впервые надевшая длинное платье. Если бы кому-нибудь пришла в голову мысль посмотреть на нее сверху, он увидел бы только два светлых круга — зонтика и платья.

Теперь все было уже так хорошо, что лучше, кажется, некуда. С приказом в руке Петька подошел к Настеньке. И вот тут случилось то, о чем накануне сообщили по радио: налетел шквал.

Без сомнения, это был шквал, не предусмотренный Министерством Вьюг и Метелей, которое считало, что шквалы должны держаться в пределах. В пригородах он сорвал восемнадцать крыш, хотя на четырнадцати из них были предусмотрительно навалены кирпичи, старые железные кровати и прочая рухлядь. В Немухине он забросил на колокольню двух козочек, которые очень удивились, увидев свой поселок с высоты — им всегда казалось, что они живут в одном из самых красивых мест на земле. Он сорвал вывеску с пивного зала на Кадашевской набережной и перенес ее на сберкассу, так что всем идущим в пивной зал захотелось положить свои сбережения на книжку, а всем идущим в сберкассу захотелось выпить.

Но, конечно, самое недопустимое заключалось в том, что он вырвал из Петькиных рук приказ, а у Настеньки — китайский зонтик. Приказ он отправил в небо над Колокольней Ивана Великого, а зонтик — тоже в небо, но над шпилем многоэтажного дома на Смоленской.

Трудно сказать, что было страшней для Настеньки. Правда, веточка была теперь приколота к приказу, но ведь он еще не был ей вручен!

Очевидно, не было другого выхода, как сломя голову ринуться за приказом, не спуская с него глаз и надеясь, что, согласно законам природы, он где-нибудь да опустится на землю.

И Петька побежал, натыкаясь на москвичей, которые тоже бежали в метро, на работу, в магазины.

Приказ плыл, как журавль, в нежном мартовском небе. Оглянувшись, Петька заметил с беспокойством, что Настенька бежит за ним, да еще по солнечной стороне, без зонтика. Она тоже оглянулась в эту минуту и тоже с беспокойством, потому что за ней, ковыляя, охая и странно закидывая больную ногу, бежал дядя Костя.

— Прилетит! — кричал он. — Никуда не денется! Приказ, он свое место знает! Ага, что я говорил! — еще громче закричал он, увидев, что приказ плавно опускается на крышу многоэтажки. — Давай, милый, давай! Планируй!

Но, взлетая то вверх, то вниз, качаясь и кувыркаясь, приказ вдруг, здорово живешь, угодил прямо в дымовую трубу! Это видела вся Москва и, уж конечно, Настенька и Петя. Добежав до Арбатской площади, они остановились и в отчаянии посмотрели друг на друга.

Вот тут произошло еще одно событие, если не самое удивительное из всех, так уж во всяком случае самое приятное: пробежав добрых три километра под теплым весенним солнцем, Настенька не растаяла. Она запыхалась, разгорячилась, раскраснелась — все, кажется, одно к одному! Но вот не растаяла же!

И дядя Костя, доковыляв до них, догадался, в чем дело. Он поцеловал Настеньку, закричал, как Пекарь: «Рояль!» — и заплакал. И Настенька заплакала.

— Обними же ее, дубина! — сказал дядя Костя Петьке. От волнения он забыл о вежливости.

Стесняясь, Петька обнял Настеньку и на губах почувствовал вкус ее слез. Как известно, у людей слезы соленые, а у Снегурочек — пресные, вкуса талой воды. Настенька плакала, и слезы становились все солонее. Это значило, конечно, что она постепенно превращается в самую обыкновенную девочку без особых примет.

15

В чем же все-таки было дело? Ученый с синим носом предположил, что Настенька все-таки растаяла, а когда ему сказали: «Вот же, перед вами девочка!» — он ответил, как мороженщицы:

— Девочек много.

Другой ученый, тоже талантливый, объявил, что уж кто-кто, а он прекрасно понимает сущность вопроса.

— Она просто привыкла, — объявил он, подразумевая под этим словом, что Настенька привыкла быть человеком, а ведь всем известно, как трудно освободиться от привычки, даже очень хорошей.

Но дядя Костя думал иначе: «Нужна она была нам всем, вот и не растаяла, — решил он. — Каково было бы без нее, скажем, Пекарю? Или ласточке? Или мне, не говоря уж о Петьке? Кто говорил бы ему: мой ненаглядный! А приказ, что ж приказ! Возьмем копию, теперь, слава богу, торопиться некуда. Подождем, пока Снежная Красавица расцветет, и приколем не одну, а сразу две веточки».

Трудно сказать, кто из них прав. Как-никак был первый подобный случай в природе.

16

Дяде Косте давно пора было уезжать; ведь он все-таки в командировке занимался чужими делами. Но прежде надо было получить для Настеньки свидетельство о рождении и устроить ее в школу для взрослых, чтобы она могла работать у Пекаря и учиться. К Башлыкову просто необходимо было заглянуть хоть на полчаса — проститься и оставить что-нибудь на память. А ведь это очень трудно — купить подарок мужчине, изучающему испанский язык и прилично играющему на виолончели.

Наконец надо было дождаться Пекаря хотя бы просто для того, чтобы познакомиться с известным мастером спорта, любившим говорить о себе: «Я, как одинокий мужчина...»

Все это было сделано, и с блеском. Свидетельство о рождении, например, было написано красивыми буквами, напоминавшими ледяные кристаллы. Башлыков принял всех троих — дядю Костю, Настеньку и Петьку, сыграл им на виолончели и сказал по-испански: «Salud». Разумеется, о пенсии не было сказано ни слова.

Втроем же они встретили Пекаря, который победил минского гроссмейстера и вернулся в отличном настроении. Он привез Настеньке в подарок огромный складной полотняный зонтик, под которым художники рисуют в любую погоду, и от

души обрадовался, узнав, что зонтик больше не нужен.

Все, кому помогал дядя Костя, пришли провожать его — на перроне положительно нельзя было протолкаться. Здесь были Тулупов, Башлыков, Трубочный Мастер, Пекарь, Настенька, Петя — и среди людей, кстати сказать, прыгал Грач, которого дядя Костя устроил в Доме Отдыха Престарелых Грачей.

Старый Трубочный Мастер притащил ему трубку, которую он обкуривал три года, а Пекарь — такой душистый минский хлеб, что все спрашивали друг друга: «Чем это так прекрасно пахнет?»

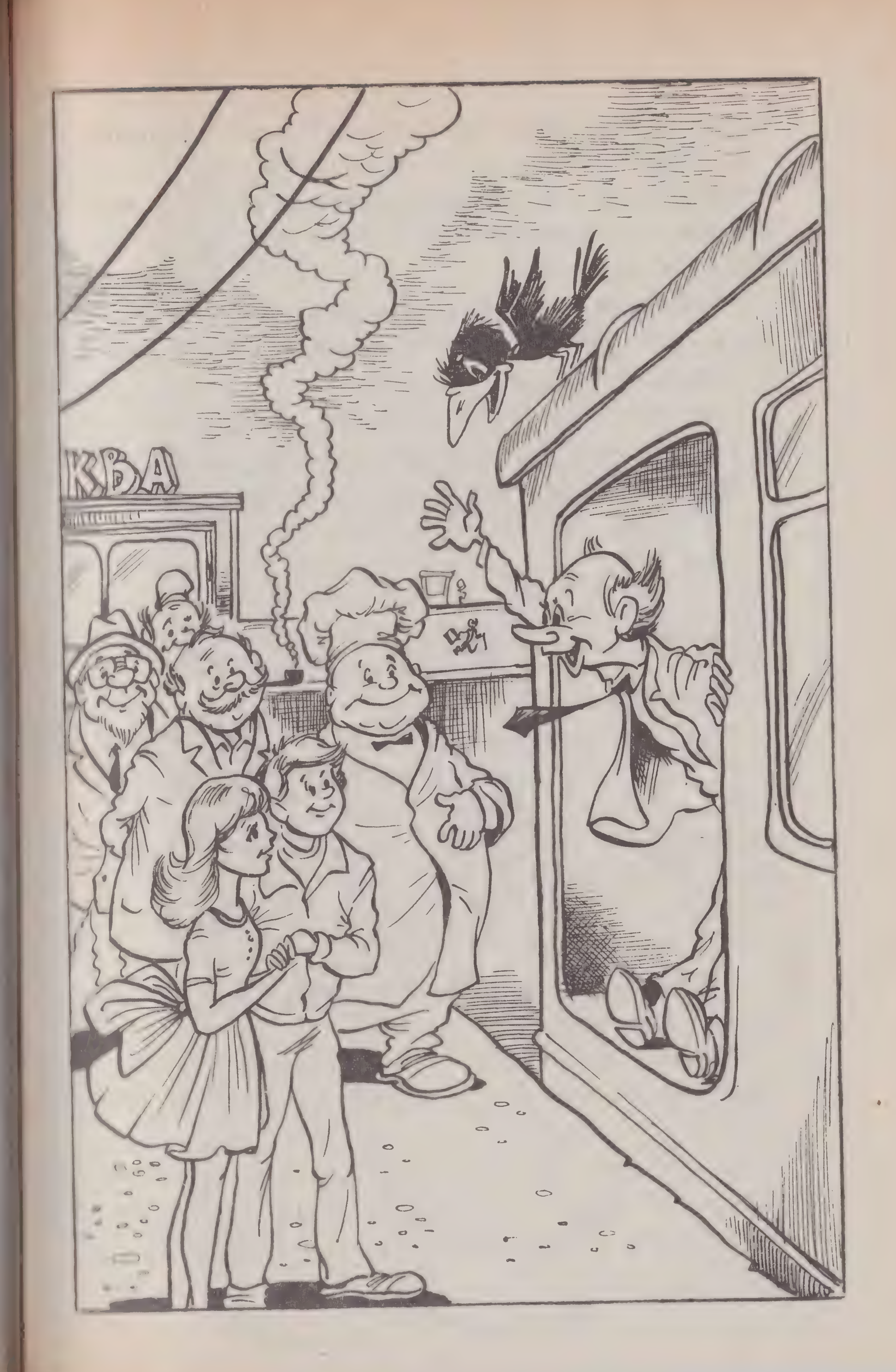
Дядю Костю хлопали по спине и целовали. Еле живой, он влез в вагон и, утвердившись у окна, стал снова прощаться с друзьями.

— Приезжайте! — кричал он. — Приезжайте все! И Грач приезжай. И ты, старушка, которой я сделал костыль. Ничего, что ты меня побила!

Поезд пошел, сперва медленно, потом все быстрее, и, высунувшись из окна, дядя Костя увидел две тоненькие фигурки, которые отделились от толпы провожающих и побежали за поездом, размахивая платочками и крича: «Дя-дя Ко-стя!» Это были, конечно, Настенька и Петя.

Стараясь не задевать соседей ногами, дядя Костя полез на верхнюю полку, разделся, улегся и стал думать.

Он вспомнил, что старушка побила его не в Москве, а в Новосибирске, и не теперь, а давно, два года тому назад, — и долго смеялся, натянув на себя

одеяло. О Настеньке он все еще беспокоился. «Надо бы, собственно, взять ее с собой, — подумал он. — Ездили бы мы с ней в город Снежное, Снежнянского района, снегирей купили бы. Хотя снегири тут, кажется, ни при чем».

Колеса стучали успокоительно, весело и тоже все про снегирей, снегопады, снежных коз, живущих на снежных вершинах.

А Петька, проводив Настеньку, вернулся в Немухин и стал ее рисовать. Сперва на бумаге появились два светлых круга. Это были зонтик, платье и тоненькие руки с книгой, опустившиеся на колени. В легком летнем платье, она сидела одна в открытом поле зимой. Везде были сугробы — молодые, мягкие, отбрасывающие пепельные тени, и старые, сердитые, с колючими кромками, над которыми кружились дымки.

Потом он нарисовал ее спящей. Она лежала на лугу летом, подложив ладонь под щеку, опустив нежные овалы ресниц, и солнце, которого она больше не боялась, золотило волосы, разделенные полоской пробора.

А.Шаров

КУКУШОНОК, ПРИНЦ С НАШЕГО ДВОРА

КУКУШОНОК ЗНАКОМИТСЯ С ГНОМОМ

В маленьком городе на окраинной улице, в доме № 10, жили-были одиннадцать принцев и одна принцесса.

Принцы были самые обыкновенные — гоняли в футбол, иногда дрались, а иногда мирились, а вот принцесса... Словом, принцесса была такая, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Звали ее Таня.

Старший принц, по имени Кешка, был лучшим форвардом дворовой футбольной команды и умел шевелить ушами. А младший принц, Сашка, которому только исполнилось одиннадцать лет, был вратарем, и ребята чаще звали его не по имени, а Кукушонком, оттого что лицо у него было все в веснушках.

Раз вечером принцесса вышла во двор. Принцы бросили мяч и подбежали к ней. Кешка пошевелил ушами и сказал:

— Вот чего, принцесса Танька, скажи правду: кого ты из нас полюбишь, когда мы вырастем?

Принцы ждали ответа спокойно, только маленький Сашка, который ужасно любил Таню, открыл рот от волнения, шагнул к ней и смотрел не отрываясь.

— Вот еще! — фыркнула Таня, закинула русую косу за спину, посмотрела своими огромными синими глазами на ребят и сказала: — Никого я не полюблю — очень надо. А уж тебя, Кукушонок, и подавно. Закрой рот, а то воробей влетит. И айда в кино на семичасовой!

Она выбежала на улицу, и принцы за ней.

Только Сашка остался стоять посреди опустевшего двора. Постоял немного и тоже побрел за ребятами. По улице мчались машины, автобусы и троллейбусы. Электрические часы на столбе, пошевелив черным усом, показали без четверти семь. Шло множество пешеходов, торопясь со службы домой. Принцессы не было видно, и принцев тоже. Совсем грустно стало Сашке. Он уже решил идти домой, когда рядом остановился маленький старичок в высокой остроконечной синей шапке с красной кисточкой и тихим голосом попросил:

— Не можете ли вы... кхе... кхе... молодой человек, перевести меня на другую сторону?

Сашка взял старичка за руку и перевел через улицу.

— Спасибо! — сказал старичок и вежливо приподнял высокую синюю шапку с красной кисточкой.

Он приподнял шапку только на одну секунду, но Сашка успел заметить, что на голове у старичка растут не волосы, а цветы — одуванчики и ромашки. И хотя Сашка знал не очень много древних старичков, все-таки он подумал, что это странно. Да и зима ведь — какие зимой одуванчики и ромашки?!

Сашка не подал вида, что разглядел цветы, но старичок сам догадался, поднялся на носки, чтобы дотянуться до уха мальчика, и зашептал:

— Тут нечего удивляться, потому что я ведь не обыкновенный гном, а Гном Цветочный. Сам посуди, чему же расти на голове Цветочного Гнома? В молодые годы росли пионы и розы, а теперь... кхе, кхе... одуванчики и ромашки. Это ведь тоже не так уж плохо.

— Нет, я ужасно люблю одуванчики и ромашки, — сказал Сашка и по лицу гнома угадал, что его ответ понравился.

— Да, — сказал гном, — одуванчики и ромашки — хорошие цветы. И я очень рад, что встретился с тобой, потому что ты воспитанный мальчик и у тебя на лице столько прекрасных веснушек, таких ярких, что они даже светятся; а веснушки — цветы весны. И я рад, что встретился с тобой сейчас, потому что сегодня у меня особенный день. Десять тысяч лет я был Цветочным Гномом, а теперь перехожу на пенсию и становлюсь гномом-пенсионером! Пойдем ко мне и посидим вместе: в такой вечер не очень приятно быть одному. А я сделаю для тебя свое самое последнее волшебство.

У ЦВЕТОЧНОГО ГНОМА

Гном жил на четвертом этаже обыкновенного шестиэтажного дома. В комнате его около двери стоял кактус, согнувшийся от старости, с длинными

колючками. На полу и на подоконнике выстроились горшки с цветами: розами, гвоздиками, фиалками, астрами и всякими другими, названий которых Сашка не знал.

Между цветами, громко жужжа, летало множество пчел и шмелей. Посреди комнаты стоял стол — лист водяной лилии на зеленом стебле.

— Милости просим! — сказал гном и повесил на одну из колючек кактуса пальто и шапку.

Сашка тоже повесил на кактус куртку и кепку.

— Тжи-тжи, — сказал гном. — Тжи-тжи!..

Пчелы и шмели еще быстрее стали летать от цветка к цветку. Они роняли в чашки — ландышевые колокольчики — капли цветочного нектара.

— Скоро мы расстанемся, мой мальчик, — сказал гном. — Запомни, если я тебе когда-нибудь понадоблюсь, скажи такие слова: «Тамбарато клуторео римбеоно» , и я появлюсь. Но я могу прийти к тебе, только если ты будешь один. И только два раза в жизни я откликнусь на твой зов.

Гном и Сашка выпили цветочный нектар за счастье всех хороших людей и всех хороших гномов.

— А теперь, — торжественно сказал гном, — подумай хорошенько, какое волшебство ты хочешь, чтобы я сделал для тебя.

Сашке и думать было нечего: больше всего на свете он хотел, чтобы веснушки у него на лице стали невидимыми...

Ах, наверно, Сашка слишком тихо высказал свое желание. Да еще пчелы и шмели громко жуж-

жали, заглушая голос мальчика. Поэтому-то и произошло ужасное несчастье, о котором будет рассказано в этой правдивой истории.

— Быть по-твоему! — воскликнул гном и высыпал на середину стола — листа водяной лилии — зеленый порошок из зеленой коробочки.

Зеленый туман, пахнущий цветами и травами, поднялся над столом и окутал все, что было в комнате. Из дымки парами стали появляться цветы: пион с бледно-желтой розой, тюльпан с астрой, важный львиный зев с маргариткой. И почему-то Сашка совсем не удивился: как это цветы ходят словно человечки, мягко ступая крошечными ногами.

Лица у цветов были печальные, цветы выходили из зеленого тумана и, коснувшись руками мальчика, повторяли одно и то же:

— Что же теперь с тобой будет?!

И, сказав это, снова скрывались.

А потом зеленый туман рассеялся, и Сашка увидел, что он снова стоит у ворот своего дома под ярким уличным фонарем, там, где гном попросил перевести его через улицу. Только автобусов, автомобилей и пешеходов к вечеру стало гораздо меньше.

Сашка подумал, что, может быть, вся история с Цветочным Гномом приснилась ему да и сейчас он спит, и быстро проговорил стишок, по которому Таня узнавала, снится ли это или происходит на самом деле:

Кит по улице бежит,
Прямо к солнцу слон летит.
Я гляжу и удивляюсь
И, конечно, просыпаюсь.

Сашка проговорил Танин стишок, как можно шире открыл глаза и понял — нет, он не спит.

Часы показывали без двадцати девять, значит, подумал он, Кешка и другие принцы и принцесса вот-вот вернутся с семичасового сеанса.

Он обрадовался и решил, что расскажет обо всем ребятам — вот удивятся-то.

САШКА ПОНИМАЕТ, ЧТО ПРОИЗОШЛО

Только он успел это решить, в конце улицы показались принцесса и принцы. На ходу они переговаривались веселыми голосами — значит картина была хорошая.

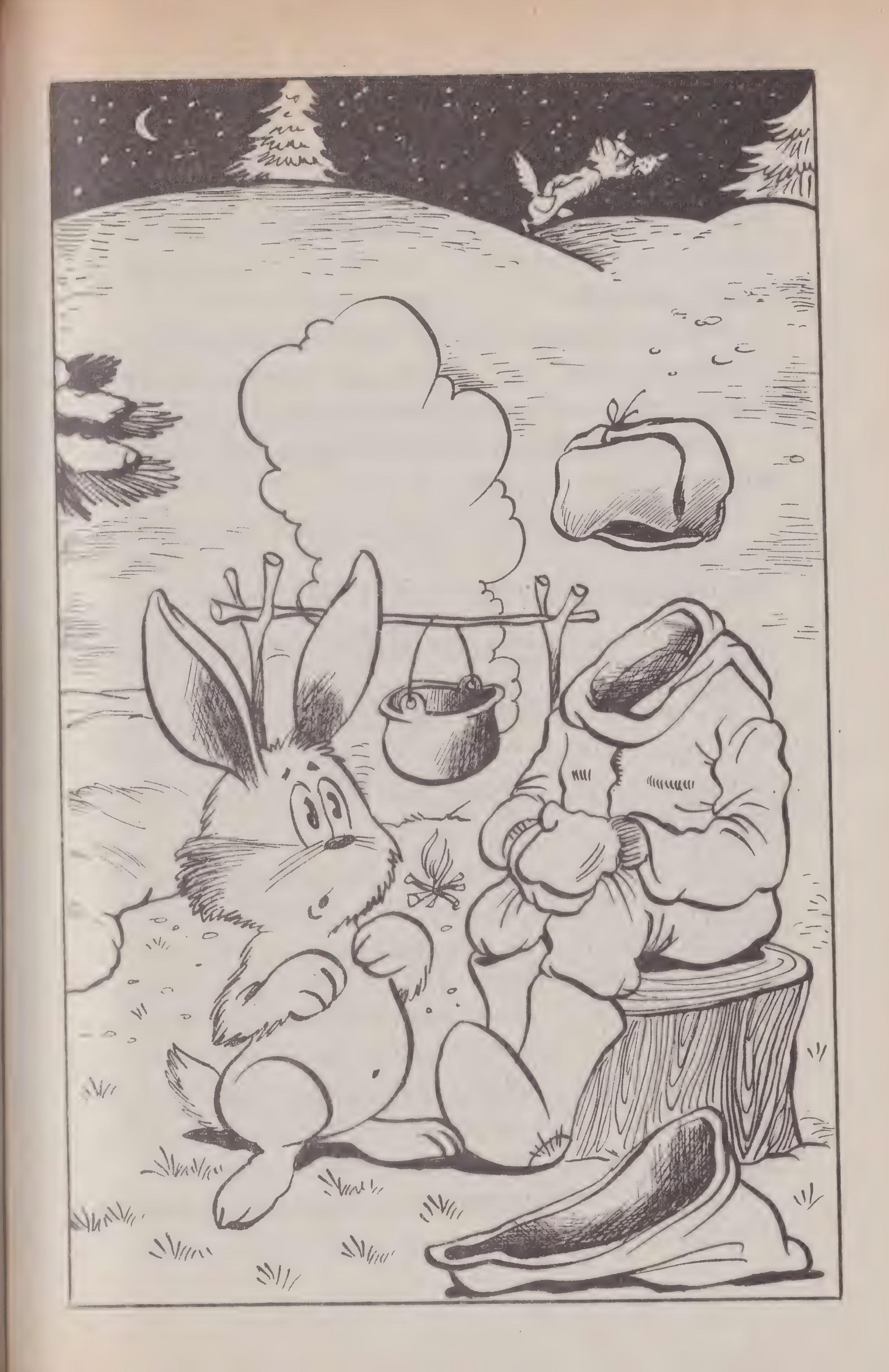
Принцы подбежали и остановились на своем любимом месте у часов. Принцесса стояла так близко от Сашки, что могла бы погладить его по голове, как она иногда делала.

— И куда это Кукушонок подевался? — невесело проговорила принцесса.

Она смотрела огромными синими глазами вперед, но почему-то не видела Сашки.

— Ой, ребята! — воскликнула она. — Смотрите, какие красивые желтые искорки. Вот, рядом со мной!

Принцесса сказала это и вместе с принцами побежала к воротам.

Только Сашка не двинулся с места. Он зажмурился, протянул вперед руку, а потом стал медленно открывать глаза. И когда он совсем открыл их, то увидел... В том-то и дело, что он ничего не видел. Он снял варежку, но и без варежки рука не стала видимой.

Теперь Сашка понял, что с ним произошло. Старичок гном не расслышал и превратил в невидимку его, а веснушки оставил видимыми.

Кукушонок бежал домой и думал: «Но мама-то меня увидит!»

На звонок мама открыла сразу: время было позднее.

— Опять ребята балуются, — тихо сказала она и закрыла дверь; Сашка под ее рукой проскользнул в квартиру.

Мама позвонила по телефону Тане, спросила:

— Ты Сашку моего не встречала? — и медленно опустила трубку. — Боже мой! Боже мой! Где же он пропадает? — прошептала она.

— Я здесь! — сказал Сашка.

— Не смей играть со мной в прятки! Я и так переволновалась.

Но Сашка и не думал играть в прятки.

— Где же ты? — уже сердито окликнула мама.

Тогда Сашка рассказал, что с ним произошло.

— Глупый, скверный гном! — воскликнула мама и заплакала. — Сколько раз я предупреждала, — не смей говорить с незнакомыми! Какой злой гном!

— Нет, — сказал Сашка, — гном добрый, просто он не расслышал.

— Веснушки видны... — сквозь слезы сказала мама. — Они даже светятся. Одни только веснушки...

Мама пошарила в воздухе и посадила сына к себе на колени.

— Я выпью бутылку чернил, — сказал Сашка.

— Выдумал! Так и отравиться недолго. Я тебе никогда не позволю.

— Тогда я вымажусь черной... нет, лучше желтой ваксой. И ты меня натрешь щеткой.

— Нет, нет! — сказала мама.

Она выбежала на кухню и скоро вернулась с чашкой гоголя-моголя и бутылкой с рыбьим жиром:

— Это обязательно поможет. Доктор говорит, что это всегда помогает.

Сашка терпеть не мог гоголь-моголь, но съел все, что было в чашке, и, взглянув на маму, умоляюще спросил:

— Немножко видно? Чуточку?

— Иди спать, — сказала мама, даже забыв о рыбьем жире. — Иди спать. У меня предчувствие, что завтра мы проснемся, и все будет... ну, как всегда!..

Она подождала, пока Сашка разденется, подоткнула одеяло, наугад поцеловала сына и вышла из Сашкиной комнаты.

ГНОМ ГАДАЕТ ПО РОМАШКЕ

— Тамбарато клуторео римбеоно! — прошептал Сашка, как только остался один.

Гном сразу появился.

Он снял шапку, аккуратно расчесал гребенкой ромашки и одуванчики и подошел к Сашиной постели.

Лицо у гнома было очень довольное.

— Здорово получилось, — сказал он, наклонив голову, маленькой сморщенной ладонью погладил Сашку по лицу и удивленно воскликнул: — Да ты плачешь? Почему?.. Ах, вот в чем дело! Я, старый дурак, ослышался. Но это же так прекрасно — быть невидимкой! Кино? Кхе, кхе... на любой сеанс, все равно, можно до шестнадцати лет или нельзя. Футбол? На любую трибуну! В трамвай? Милости просим без билета. Хоть в космический корабль...

Сашка всхлипывал:

— Пусть, пусть хоть мама меня видит. И Таня. И Мария Петровна, если я приготовил уроки...

— Да, да... — печально сказал гном, в глубокой задумчивости шагая из угла в угол. — В сущности, у гномов все, как у людей. Думаешь сделать самым прекрасным образом, а получается хуже некуда. Конечно, неделю назад или даже вчера я бы тебя в два счета расколдовал. Но теперь я на пенсии. А гномам-пенсионерам нечего и думать о волшебстве.

Гном поднял голову и огляделся. На стене висел солдатский вещмешок.

— Хм... — пробормотал гном. — А если попробовать все-таки?.. Чей это мешок?

— Дедушкин... — сквозь слезы выговорил Сашка. — Он с ним уходил на фронт и с ним вернулся в сорок пятом.

— Прекрасно, — сказал гном. — Солдатский мешок счастливый, раз солдат вернулся с войны... А

если не выйдет?.. Так ведь другого не придумаешь! Погадать? Хотя я не очень люблю всякие суеверия. Ну, а вдруг?..

Гном сорвал с головы самую большую ромашку и стал отрывать лепесток за лепестком, приговаривая:

— Получится... заблудится... с дороги собьется... домой вернется...

Лепестки падали на пол.

— Страшной смертью умрет... — бормотал гном, — счастье найдет... получится... заблудится... с дороги собьется... домой вернется... страшной смертью умрет...

Последний лепесток оставался на ромашке. Только странный какой-то. Вроде бы и лепесток, но очень маленький и кривой, и чуть синеватый. Гном протянул руку к этому лепестку, но не тронул его и тихонько проговорил:

— Принц Звездочка! Теперь я буду звать тебя так. Есть одно-единственное средство расколдовать тебя. Но средство это трудное и опасное.

— Я ничего не боюсь! — сказал Сашка, хотя он многого боялся — темноты, диктантов, Марии Петровны, когда она сердитая, Кешки, когда тот с мячом несся к Сашкиным воротам. — Я ничего не боюсь! — твердо повторил Сашка.

— Это великолепно, что ты ничего не боишься! — воскликнул гном и от радости захлопал в ладоши. — Мое средство по плечу только самому храброму. Вставай! Одевайся потеплее — шубу, валенки, шап-

ку-ушанку. Вещмешок за спину! Вот так... Ну, посидим перед дорогой. На всякий случай запомни: последнюю неделю перед Новым годом и в первый новогодний день все звери понимают людей, а люди — зверей. Может быть, тебе это пригодится... А теперь самое главное. Когда встретишь веснушчатого человека, скажи про себя: «Веснушка, веснушка! С носа слезай, в мешок полезай!» Наберется полный мешок веснушек, возвращайся домой, позови меня, и я тебя в два счета расколдую.

Не очень приятно в декабрьский мороз — а всего-то одна неделя оставалась до Нового года, — да еще глухой ночью, уходить из теплой комнаты в неведомый путь. Но что поделаешь, если иначе нельзя?

— Согласен? — еще раз спросил гном.

— Согласен, — ответил Сашка.

Как только гном услышал это, он ухватился за кривенький синеватый лепесток — последний у ромашки, сказал:

— Маленький-то маленький, но маленькие чаще всего и говорят правду, — и оторвал лепесток.

Едва только он оторвал его, лепесток превратился в белую птицу с синими крыльями, как у зимородка. Птица стрелой взвилась в воздух и звонким голосом пропела: «Счастье найдет!»

Сразу исчез потолок, тонкая стенка, за которой спала, горько всхлипывая во сне, Сашина мама. Исчезли гном, весь дом № 10...

Кругом шумел дремучий бор. Ярко освещенные луной стояли высокие ели. Кутаясь в снежные шубы и потрескивая от мороза, они пели:

Не бойтесь, ели, холода,
Не бойтесь, зайцы, голода,
И люди — колдунов.
Не бойтесь странных снов!
Не бойтесь страшных слов!
Дорожка вьется, вьется,
Бежит, бежит, несется
С бедой вперегонки.
Спеши и ты, не мешкая,
Как белка за орешками,
Как птица за весной,
Ты — за своей судьбой!

Сашка прислушался к песне и побежал в глубь леса.

САШКА ЗНАКОМИТСЯ С ЗАЙЦЕМ, ВАРИТ С НИМ СУП И ГОВОРИТ О ЖИЗНИ

Невесело было на душе у Сашки. А тут еще мимо пробежал Заяц и изо всех сил крикнул:

— Спасите!

Сашка посмотрел и увидел два зеленых огня. Он вначале подумал: «Машина с зелеными фарами». Вгляделся, а это волк. Сашка едва успел юркнуть за сосну. Волк прыгнул и опустился совсем рядом. Потом снова сжался для прыжка, взвился в воздух, и еще б секунда — конец косому.

Сашке так страшно стало за Зайца, что он, забыв об опасности, закричал:

— Стрелять буду!

От человеческого голоса волк шарахнулся в чащу. Глядит из-за стволов зелеными глазами, думает: «Голос — человеческий, но тоненький. Да и какой охотник станет предупреждать волка?! Взял да и пристрелил. Нет, это не охотник, а мальчишка заблудился. Заяц убежал, не догонишь. Хорошо бы хоть человечинкой закусить. В мороз ложиться натощак — самое вредное дело». Подумал все это волк, вышел на дорожку и сказал сладим голосом:

— Ты чего испугался? Я с косым в прятки играл. Теперь, если хочешь, с тобой поиграем, погреемся. Я ведь хорошо вижу — вон ты где, во-о-он!

Очень хотелось Сашке сказать волку: «Старый, а врешь! Ничего ты не видишь, потому что я невидимка». Но он удержался и тихонько, на носках, пошел прочь.

А потом побежал что есть духу.

И все ему казалось, кто-то дышит близко, за спиной — догоняет.

Бежал Сашка, бежал — чувствует, нет больше сил, и остановился. Будь что будет...

— А я думал, ты волк! — сказал Сашка, обернувшись и увидев косого.

— Какой я волк, если я Заяц. Волк давно спит. А мне не захотелось тебя одного в лесу оставлять. Мало ли чего...

— Как ты меня нашел? — спросил Сашка.

— По следам, — ответил Заяц. — Следы, а над ними искры золотые.

— Есть хочется и холодно, — пожаловался Сашка.

— Беда не велика.

Заяц убежал и скоро вернулся. Идет на задних лапах, а в передних у него морковка, три картошки и петрушка. Заяц бросил все это на снег и говорит:

— Давай супчику горячего сварим! Посмотри, что у тебя там, в мешке. В солдатских мешках много чего бывает.

Сашка вытряхнул мешок, и на снег вывалились соль в тряпочке, коробок спичек, завернутый в клеенку, закопченный котелок и две ложки.

Натаскали Заяц с Сашкой хворосту, сидят у огня, варят суп в котелке и разговаривают.

— Дедушка у тебя живой? — спрашивает Заяц.

— Его с войны раненого привезли... Он через год умер... А у тебя дедушка живой?

— Охотники убили.

Понравился Сашке Заяц, он и рассказал, что с ним приключилось.

— Не знаю, что и посоветовать, — ответил Заяц. — Если бы тебе шишки были нужны или желуди, а то — веснушки. Где их найдешь в лесу — веснушки?! Веснушчатых волков я не встречал. И лисиц, и медведей веснушчатых тоже не встречал. Дедушка, когда живой был, рассказывал, будто есть такие звери с длинной шеей — выше сосны, так у них по всей шкуре вроде веснушек. И кошки есть больше человека, тоже вся шкура в веснушках.

«Это он о жирафах и леопардах, — догадался Сашка. — Есть-то они есть, но за морем — в Африке» .

— И еще дедушка рассказывал, что где-то недалеко тут есть царство-государство, называется Золотое. Может, там... Только очень оно страшное!

— Чем же страшное? — спросил Сашка.

— Дедушка рассказывал: окружено Золотое царство золотой оградой. А за оградой золотой дворец. И там на золотом троне царь Колдун. Приведут тебя к царю Колдуну, и он задаст один-единственный вопрос, а какой — никому не известно. Ответишь как нужно, скажи три каких хочешь желания, Колдун выполнит. А не ответишь — отрубят голову.

Сказал это Заяц, положил соль в суп и заплакал.

— Чего плачешь? — спросил Сашка.

— Жалко мне тебя, — ответил Заяц.

— Не жалей прежде времени. Я иногда очень хорошо отвечаю на вопросы. Раз на контрольной по арифметике четыре с плюсом у Марии Петровны отхватил, а она знаешь какая строгая!

— Строгая-то строгая, да ведь голов не рубит?!

— Нет, голов она не рубит, — ответил Сашка и спросил: — Плохо зайцам живется?

— Вроде бы ничего, только все дразнятся.

— Как? — спросил Сашка.

— И «косой» , и « что это такое — кругом шуба, внутри жаркое» ?

— Ну это и меня дразнят: и «конопатый», и «кукушонок», по-всякому.

— И обижают очень волки, лисы... — вздохнул Заяц. — От волка надо так бежать — «вздвойкой» называется: в одну сторону бежишь, а после по своему следу — обратно. Или «петлей»; или «скидку» делаешь: бежишь, бежишь, а потом ка-а-ак прыгнешь в сторону сколько сил хватит — волк и собьется со следу. От лисы — по-другому, от охотника тоже надо уметь улизнуть... Пока научишься...

— И людям не очень легко учиться, — сказал Сашка. — А тебя б на человека можно выучить. Ну, на отличника — не знаю, а на троечника, как я... Хочешь?

— Да нет, я заячью капусту люблю.

— И человеческая капуста есть!

— Есть-то есть, да я у мамы один. Она меня «мой зайчушка» зовет. Как бы она меня стала называть, если бы я человеком стал?

— Не знаю, — подумав, сказал Сашка.

— То-то и оно. Нет, я как был зайцем — «комочек пуха, длинное ухо, прыгает ловко, любит морковку», — так и останусь.

За разговором незаметно суп поспел. Поели Сашка с Зайцем, подложили хворосту в огонь, прижались друг к другу, чтобы было теплее, и уснули.

Проснувшись, Сашка решил, что обязательно пойдет в Золотое царство: веснушки ведь тоже золотые, там их должно быть видимо-невидимо.

Поднялись они с Зайцем, как только рассвело, позавтракали — и в путь.

САШКА И ЗАЯЦ ЗНАКОМЯТСЯ С РЫЦАРЕМ

Вышли друзья из лесу, видят — в поле две дороги. Одна дорога торная и на краю столб со стрелкой: «В Золотое царство». А вторая дорога, рядом,

вся в белом, чистом снегу. Ни одного следа — ни лошадиного, ни волчьего, ни заячьего. Стрелка на столбе в обратную сторону указывает: «Дорога из Золотого царства».

Заяц посмотрел и пригорюнился.

— Чего приуныл? — спрашивает Сашка.

— Как же не горевать? — отвечает Заяц. — Сколько рыцарей, и конных и пеших, проехало и прошло в Золотое царство, а на той дороге, которая ведет обратно, — ни следочка.

Сашка пожал плечами, улыбнулся:

— Значит, хорошо в этом царстве, недаром оно Золотым называется, — рыцари и остаются там, которые любят золото. А мы нагребем мешок веснушек — и домой.

— Здорово бы, — вздохнул Заяц. — А если голову потеряем?

Только он это сказал, на дороге показался Рыцарь: огромный, в железной кольчуге и в железных латах, на саврасом коне.

Заяц выбежал навстречу, поклонился и вежливо спросил:

— Удостойте ответом, высокородный господин Рыцарь, не знаю, как вас звать-величать: куда путь держите и по какой надобности?

— Зови нас просто: Герцог Непобедимый, Граф Неустрашимый, Барон Всезнайский, — ответил Рыцарь таким громким голосом, что деревья близ дороги согнулись до земли. — А едем мы в Золотое царство по той причине, что в собственном нашем

герцогстве даже мыши с голоду подохли, не считая подданных; так что пришла пора золотишком раздобыться. Вот и надумали мы податься в это самое Золотое царство и либо к тамошней царевне посвататься, будь она неладна, либо на службу поступить к царю Колдуну, мечом позабавиться. Понял заячьим своим умишком?

— Понять-то понял, но только слух идет — в Золотом царстве, прежде чем не то чтобы золото добыть, а самую обыкновенную морковку, надо на неизвестно какой вопрос неизвестно как ответить. Кто ответит, царь Колдун три его желания выполнит. А кто не сумеет — голову в плеч. И еще слух идет, будто уже тысячу лет сколько рыцарей ни приезжало в это царство, ни один не сумел на неизвестный вопрос правильно ответить.

— Ха-ха-ха! — захохотал Рыцарь. — Это все были не высокородные рыцари, а рыцаришки. И сообрази ты заячьим умишком: какой вопрос надо выдумать, чтобы в моей башке, где можно сварить сорок бочек самого крепкого меда, да еще быка, не сварился бы наилучший ответ.

Сказав это, Рыцарь пришпорил костлявого коня ржавыми шпорами и затрусил в Золотое царство.

А Сашка взял Зайца за лапу и побежал следом.

Дорога поднималась в гору. Как только Рыцарь, Сашка и Заяц добрались до вершины, перед ними открылась такая чудесная картина, что Сашка тихонько ахнул.

Внизу, в ложбине, под ясным синим небом высились золотые ворота. От них, сколько хватало глаз, тянулась золотая ограда, а за оградой сверкал золотой дворец.

— А ты, глупый, боялся! — сказал Сашка Зайцу и побежал вслед за Рыцарем, который при виде Золотого царства стегнул плеткой коня.

Сашка с Зайцем бежали за Рыцарем не отставая, так что видели впереди только длинный седой хвост саврасого коня. А у самых ворот конь испугался чего-то, шарахнулся в сторону, и Сашка во второй раз увидел Золотое царство, издали так ему приглянувшееся.

Да, было чего испугаться, и не только коню, но и самому бесстрашному человеку.

Ограда состояла из тесного ряда высоких золотых пик, переплетенных золотыми змеями. На острие каждой пики торчала отрубленная голова. Во дворе, вымощенном золотыми плитками, понурившись, стояло бессчетное множество коней, на которых неподвижно сидели рыцари в богатом боевом убранстве, в кольчугах и латах, но без голов. Между безголовыми всадниками бродили воины богатырского роста с золотыми топорами, заткнутыми за красные кушаки.

— Бежим скорее! — не своим голосом крикнул Заяц.

— Поедем-ка и мы подобру-поздорову в свое Великое Герцогство. Авось мышки оставили что-

12—931

нибудь нам с саврасым на обед, — сказал Рыцарь и дернул повод.

Но поздно. С грохотом распахнулись ворота. Два воина стащили Рыцаря с коня, схватили за руки и повели ко дворцу.

— А ты, косой, тоже на золотишко позарился?! — закричал третий воин и сгреб Зайца за уши. — Чего хотел, то и получишь. Зажарит тебя повар на сковородке и подаст их Колдунскому Величеству на золотом блюде; кстати, и время обеденное.

Видит Сашка — конец Зайцу. Подбежал к воину и крикнул:

— Отпусти сейчас же верного моего друга!

Воин оторопел и разжал руки.

— Беги в лес! — шепнул Сашка.

— Ты меня не выдал в беде, и я тебя не оставлю! — ответил Заяц.

Воин опомнился, поглядел на то место, откуда слышался человеческий голос, и заорал:

— Кто ты такой, чтобы приказывать, да еще тут, во владениях их Колдунского Величества?

— Я — принц Звездочка по имени Сашка и по прозвищу Кукушонок! — смело ответил Сашка.

— Сколько имен, а не видно, — сказал воин. — Ты что, маленький такой, что тебя не видать?

— Я не маленький, я уже в школе учусь. А не видно меня потому, что я невидимка.

Подумал воин, почесал голову и сказал:

— Ну, ладно, пусть их Колдунское Величество сами разбираются, что с тобой делать.

Дверь захлопнулась и сразу снова распахнулась, теперь уже для Сашки.

ЦАРЬ КОЛДУН И КОЛДУНСКАЯ ДОЧКА

Сквозь широкие окна дворца лил яркий свет, и Сашка сразу увидел царя Колдуна. Тот сидел на золотом троне, стоящем на помосте, покрытом коврами. Туловище и шея у него были такие длинные, что голова находилась где-то под самым куполом.

От подножия трона к голове царя Колдуна поднимались две узенькие лестницы с перильцами. У одной сидел худой карлик в белом халате и белом колпаке, а у другой лестницы — толстый карлик в парчовом халате.

В левом окне тучей кружила стая черных птиц с голыми шеями, похожих на коршунов и все время каркающих противными вороньими голосами: «Карр, карр, карр!»

А в правом окне светило солнце, и в синем небе бесшумно летали белые птицы — лебеди-трубачи и чайки. Выше всех парила маленькая птица с синими крыльями, похожая на зимородка. Она широко открывала клюв, и, хотя Сашка ничего не мог расслышать, ему казалось, будто птица повторяет знакомые слова: «Счастье найдет!»

Рядом с правым окном стоял еще один помост, закрытый голубым занавесом, по которому были вышиты одуванчики и ромашки.

— Эй, ты! — зычным грубым голосом крикнул царь Колдун. — Эй, лейб-медик, тощий дармоед, живо поднимайся к нашему Колдунскому Величеству, а то пыль насела на царственные очи и мы не видим нового рыцаря!

Карлик в белом халате ловко, как обезьяна, вскарабкался по лестнице, и из-под купола послышался его тоненький голос:

— Разрешите доложить вашему Колдунскому Величеству, что сиятельнейшие ваши глаза не видят нового рыцаря, именующего себя принцем Звездочкой, не из-за пыли, а оттого, что он невидимка.

— Эй ты, Первый Министр, начинай, если не хочешь, чтобы я отрубил и твою глупую башку! — снова раздался голос царя Колдуна.

Карлик в парчовом халате подбежал к краю помоста и, развернув свиток пергамента, ровным голосом, каким на уроке диктуют условия задачи, прочитал:

— «Слушай и внимай, Невидимка, именующий себя принцем Звездочкой! Сейчас тебе будет задан их Колдунским Величеством вопрос, и ты должен будешь ответить на него одним-единственным словом, потому что молчание — золото, а если ты выговоришь два или три слова, то тем самым ограбишь их Колдунское Величество, а такое преступление карается казнью.

И если слово, которое ты скажешь, будет ложью, ты будешь казнен, потому что ложь перед лицом их Колдунского Величества карается смертью.

И если твое слово будет правдой, ты будешь казнен, потому что правдой, как и золотом, во всем Золотом царстве может владеть и распоряжаться один только царь Колдун.

Но если ты ответишь словом, которое не будет ни ложью, ни правдой или, родившись ложью, само собой станет правдой, то есть исполнишь то, что тысячу лет не удавалось ни одному рыцарю, то твое слово будет помещено в комнате царских драгоценностей рядом с алмазом в тысячу каратов и Драконом с двадцатью головами, побежденным царем Колдуном и хранящимся в банке со спиртом. А ты будешь отпущен подобру-поздорову, и царь Колдун выполнит любые твои три желания!»

Карлик свернул пергамент. Едва он замолк, снова раздался грозный голос царя Колдуна:

— Слушай вопрос и отвечай: какая она, нашего Колдунского Величества колдунская дочка, которую — так и быть, открою тебе великую тайну — во всем нашем Золотом царстве зовут Уродина? Отвечай, рыцарь Невидимка, раз уж тебе надоела собственная голова.

Едва царь Колдун вымолвил это, сам собой раздернулся голубой занавес, и Сашка увидел трон, поменьше царского, и на нем колдунскую дочку!

НЕ ПРАВДА И НЕ ЛОЖЬ, ТАК ЧТО Ж?

Ах, Сашка был веснушчатым и зимой и летом, очень веснушчатым — недаром принцесса Таня

прозвала его Кукушонком, — но у колдунской дочки веснушек было в сто раз больше, всяких: светлых и почти черных, крошечных, как крупинки пшена, и больших, как медные монеты.

Она была ужасно веснушчатая. И едва Сашка увидел ее, он пожалел девочку так сильно, что забыл о грозном царе Колдуне и вообще обо всем, и сказал тихо, только ей, первое слово, пришедшее на ум:

— Милая!..

Черные птицы ворвались во дворец и закаркали:

— Карр! Карр! Карр! Уродина! Уродина! Уродина! Карр! Карр! Карр! Ложь! Ложь! Ложь!

Но девочка будто не слышала страшного карканья.

— «Милая», — повторила она слово, которого никогда в жизни никто ей не говорил. Ведь как только она родилась и царь Колдун увидел дочку, он сказал: «Уродина!» — и повелел изгнать царицу за то, что она родила ему безобразную дочь.

С тех пор вслед за царем Колдуном ее называли Уродиной и Первый Министр, и Лейб-медик, и царские воины, и царские слуги; даже Кормилица, жалевшая девочку, называла ее так, боясь прогневать царя.

Теперь первый раз в жизни она услышала: «Милая!»

— Карр! Карр! Карр! Ложь! Ложь! Ложь! — пронзительно кричали вороньими голосами черные коршуны, но ни Сашка, ни царевна не слышали их.

Царевна тихо, словно про себя, еще раз повторила это слово. И просияла, как солнце. Как только она улыбнулась, черные коршуны перестали каркать и один за другим вылетели в окно.

— Веснушка, веснушка, с носа слезай, в мешок полезай! — не теряя времени, прошептал Сашка.

Веснушки, одна за другой, стали исчезать не только с носа, но и со щек, со лба, с подбородка царевны и золотой дорожкой полетели туда, где стоял Сашка с солдатским мешком за плечами.

А сияющее лицо царевны становилось все прекраснее.

В окно дворца влетели белые птицы: самой первой та, с синими крыльями, как у зимородка, за ней белые чайки и белые лебеди. И лебеди-трубачи протрубили:

— Правда! Правда! Правда!

— Да! — проговорил царь Колдун. — Ты сказал слово, которое, родившись, стало правдой. Выходит, ты победил меня, самого мудрого на свете царя Колдуна. Ну, говори скорее свои желания, дерзкий невидимый мальчишка! Хотя я и так знаю, чего ты потребуешь: половину моего Золотого царства, красавицу-царевну и еще бриллиант в тысячу каратов, который хранится в комнате драгоценностей.

— Нет! — сказал Сашка, сам удивляясь своей смелости. — Половины Золотого царства мне не нужно, потому что я живу с мамой очень далеко, в своем микрорайоне. И на красавице-царице я не

хочу жениться, потому что я еще учусь в пятом классе и есть у нас в доме принцесса Таня. И алмаза в тысячу каратов мне не нужно. Мое первое желание: чтобы всем рыцарям и всем твоим подданным, которых казнили палачи, сейчас же пришили головы и отпустили их с подарками по домам.

— Ты слышал, что приказал Невидимка? — грозным голосом крикнул Колдун Лейб-медику.

Лейб-медик, подхватив два ведерка — одно с живой, а другое с мертвой водой, — сломя голову бросился из дворца.

Скоро начали доноситься приветственные возгласы:

— Да здравствует Невидимка!

Тем временем Сашка, которого никто уже не охранял, подошел к открытым дверям дворца. Никогда еще дворцовая площадь не была такой прекрасной. Над ней кружили лебеди, на золотой мостовой гарцевали сотни рыцарей, тысячи принарядившихся обитателей Золотого царства размахивали флажками, плясали и прыгали от радости. Ведь так мало праздников выпадало им на долю; и у очень многих только что воскресли отцы и матери, деды и бабушки, которых они никогда уже не надеялись увидеть живыми.

Солнце светило совсем по-весеннему, и на лицах прохожих появились веснушки.

— Веснушка, веснушка, с носа слезай, в мешок полезай! — прошептал Сашка.

Его шепота никто не слышал из-за громовых криков: «Да здравствует Невидимка!» — но веснушки одна за другой стали подниматься в воздух, собираться в стаи и облачками полетели к Сашке, опускаясь в солдатский мешок.

Когда мешок раздулся, как футбольный мяч, Сашка тихонько вернулся во дворец и сказал, обращаясь к царю Колдуну:

— Второе мое желание: чтобы во все части света отправились кареты и гонцы за царицей. Мама-то уж никому не позволит обижать дочку.

— Ты слышал, что приказал Невидимка? — грозным голосом крикнул царь Колдун толстому Первому Министру, и тот выбежал из дворца, чтобы отдать необходимые распоряжения.

— А третье мое желание, чтобы сейчас же мы оба, мой верный друг Заяц и я, очутились у меня дома.

— Закрой глаза! — сказал царь Колдун.

ЗАЯЦ ИГРАЕТ ЗАЙЦА

Когда Сашка открыл глаза, то увидел, что стоит на своей лестничной площадке.

Он позвонил, и мама сразу открыла, будто ждала звонка:

— Мамочка, это я! — сказал Сашка.

— Сашок? — переспросила мама и сначала счастливо улыбнулась, а потом сказала: — Ты пре-

вратился в зайца?! Какой ужас! Оставался бы уж лучше невидимкой!

— Мамочка, мамочка! Это мой друг Заяц, — сказал Сашка. — А я как был невидимкой, так пока и остался.

— Очень рада познакомиться с другом моего сына, — сказала Сашина мама, немного покраснев. — И пожалуйста, простите меня. Меня зовут Анна Максимовна, но лучше называйте меня просто — тетя Аня.

— А меня зовут Заяц Зайцевич, но лучше называйте меня просто Заяц.

— Чего это мы стоим на площадке? — сказала Сашина мама и пропустила Сашку и Зайца впереди себя.

Заяц с мамой прошли в мамину комнату, а Сашка юркнул в свою, и сквозь тонкую стенку он услышал их голоса. Заяц хорошо и интересно рассказывал, как надо зимой хранить морковку в норе, а мама — как шинковать капусту.

Сашка понял, что Заяц и мама понравились друг другу, и больше не прислушивался к их беседе, тем более что пора было приниматься за свои дела.

Он сбросил тяжелый дедушкин мешок на пол и прошептал три слова:

— Тамбарато клуторео римбеоно!

Гном появился в тот же миг; он потрогал мешок и сказал Сашке:

— Молодец! Скорее в ванную...

Гном высыпал все, что было в мешке, в ванну, и она наполнилась золотой пеной. Всплывшие наверх темные веснушки гном собрал черпаком, как снимают пенку, когда варят варенье, и слил их в раковину.

Несколько секунд он думал, озабоченно наморщив лоб, потом улыбнулся, повесил на крючок для полотенец свою синюю с красной кисточкой шапку, сорвал с головы одуванчик и из стебля выжал пять капель густого молочно-белого сока. Пена посветлела и стала похожа на взбитый белок.

— Раздевайся! — скомандовал гном.

С головой нырнув в теплую пену, Сашка снова услышал тонкий голос гнома:

— Пусть все станет, как прежде! Все! Все! Все!

Вынырнув, Сашка увидел свои руки, а скосив глаза, увидел нос и понял, что стал видимым.

Ему захотелось закричать во весь голос «ура», но он удержался и подбежал к зеркалу.

— Все, как было, — довольным голосом проговорил гном. — И веснушки светятся...

Сашка понял, что гном снова немного напутал, но, взглянув на свое отражение, не огорчился, а, может быть, даже обрадовался тому, что все осталось по-прежнему.

Надо было поскорей поблагодарить гнома, но, когда Сашка обернулся, в ванной никого не оказалось.

«Жалко» , — грустно подумал Сашка.

Из коридора он услышал голос Зайца:

— Я вас обязательно научу бегать «вздвойкой» и делать «скидку» . Вот увидите, это совсем легко!

— Спасибо! — ответила мама. — Но бегать «вздвойкой» по городу не разрешит милиция и...

Она не закончила, потому что в этот миг Сашка переступил порог.

— Кукушонок! — воскликнула мама и бросилась обнимать его.

Зазвонил телефон. Мама сняла трубку, и Сашка услышал недовольный голос Марии Петровны:

— Мы начинаем наш новогодний спектакль, дорогая Анна Максимовна. Все уже в костюмах, загримированы, а вашего сына нет и нет...

— Он сейчас придет, — через силу сказала мама. — Сейчас, сию минуту, — и опустив трубку, почти упала на стул.

— Что с тобой? — испуганно спросил Сашка.

— Костюм... — еле слышно ответила мама. — Я подумала: раз ты невидимый, зачем же шить заячий костюмчик.

Она открыла шкаф и вынула распоротые муфту и горжетку:

— Боже мой, как нам быть?!

Сашка молчал.

— А если мне сыграть эту роль? — вдруг предложил Заяц. — Я всегда мечтал сыграть в настоящем спектакле.

Сашка и Заяц вперегонки побежали в школу на новогодний утренник. А мама осталась дома.

Спектакль прошел хорошо, но лучше всех сыграл Заяц. Когда опустился занавес, его вызывали без конца. После утренника Мария Петровна позвонила Сашиной маме:

— Это просто удивительно, как играл ваш сын! Я человек сдержанный, но не удержалась и аплодировала. Как он вошел в роль, какая собранность... От всей души поздравляю!

Анна Максимовна хотела сказать всю правду, но подумала, что Заяц и Сашка обидятся на нее, если она выдаст их тайну, а Мария Петровна все равно не поверит, скажет: бабушкины сказки...

ЕЛИ КАЧАЮТСЯ, И СКАЗКА КОНЧАЕТСЯ

Вечером принцесса Таня вышла во двор. Десять принцев бросили играть в футбол и подбежали к ней. Кешка пошевелил ушами и сказал:

— Вот и Новый год. Все мы стали старше, и ты должна наконец решить, кого из нас полюбишь, когда мы кончим учиться!

— Да ну вас! — фыркнула Таня и пошла прочь.

У ворот она увидела Сашку и Зайца.

Зайцу было пора в лес, и Сашка его провожал; он нес авоську, в которую мама положила морковку и капусту.

— Кукушонок! — радостно воскликнула Таня. — Я так соскучилась... Где ты пропадал?

— Проводим моего друга. На обратном пути я все объясню.

И они пошли втроем, взявшись за руки, по улице, потом по полянке до опушки леса, потом по лесу.

Около высокой ели Заяц закопал подарки в снег.

— Завтра перетащу в нору. — И, протянув лапку сперва Тане, а потом Сашке, грустно добавил: — Дальше нельзя. Во-первых, следы, А во-вторых, поздно.

— Встретимся завтра вечером, — предложил Сашка.

— Нет, — ответил Заяц. — Завтра я уже не смогу говорить по-человечьи. Давайте встретимся через год!

— Непременно! — воскликнул Сашка.

И Таня тоже сказала:

— Мы непременно придем! Через год, в новогодний вечер.

Заяц помахал лапкой и побежал.

— Смотри берегись! — крикнул Сашка вслед.

Заяц разбежался и, прыгнув в сторону, сделал «скидку». Он пролетел над маленькими елочками, далеко и высоко, и скрылся в чащобе.

Таня и Сашка постояли немного и пошли домой. На опушке они остановились, и Сашка рассказал Тане всю эту историю, с той самой минуты, когда он познакомился с гномом.

Я тоже был на полянке, сидел на пне и все слышал. Нет, я не был невидимкой, но они не замечали меня.

Когда Сашка закончил рассказ, Таня посмотрела вверх и сказала:

— Красиво... Звезды горят — правда, как веснушки, и ели качаются...

«Ели качаются, и сказка кончается», — подумал я.

Г.Пакулов

СКАЗКА ПРО ДЕВОЧКУ ЛЕЮ, КОРОЛЯ ГРАБА И ВЕЛИКАНА ДОБРУШУ

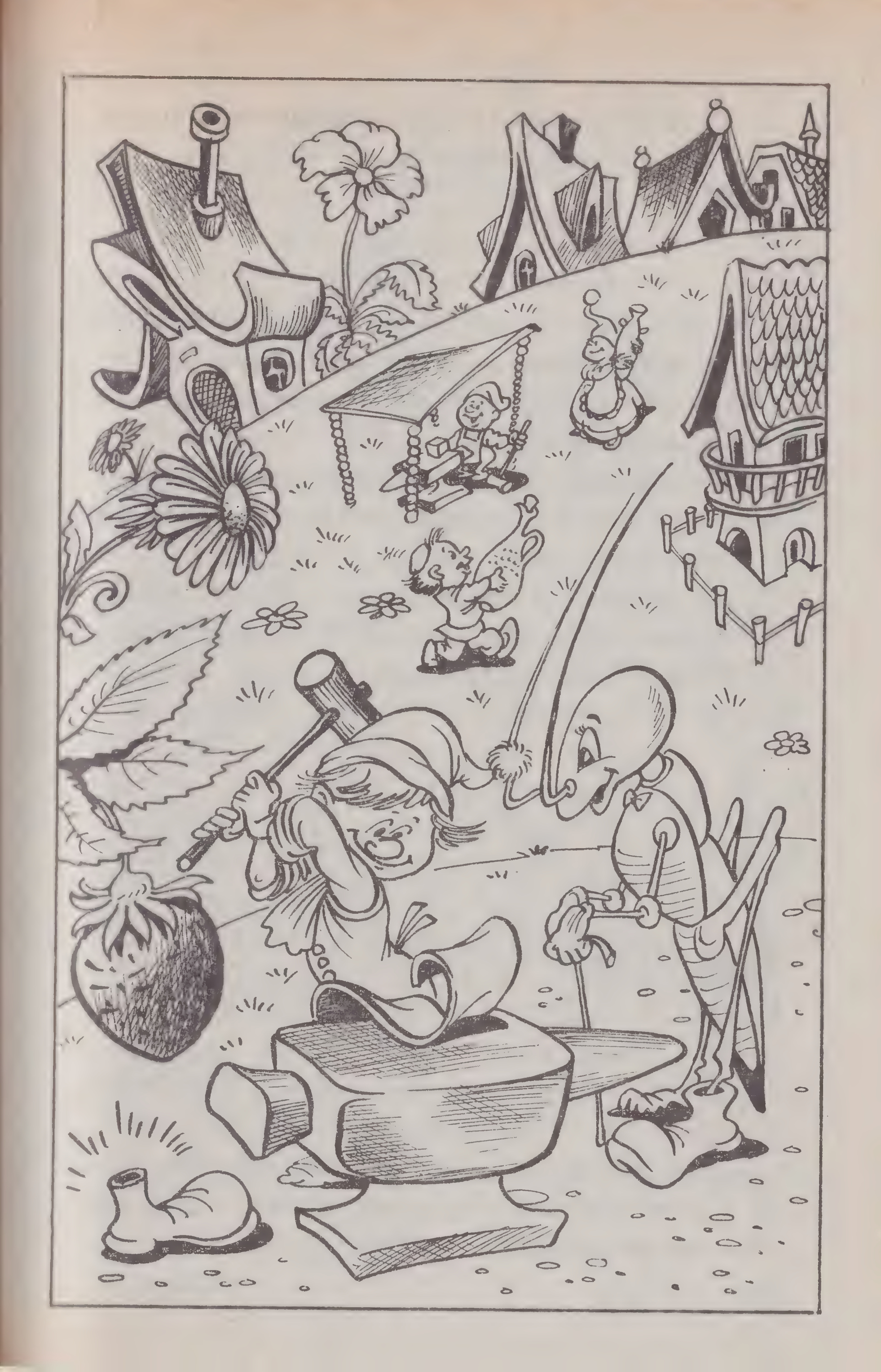
Государство, о котором пойдет рассказ, занимало на земле места столько же, сколько занимает песочная площадка. Но в нем стояли настоящие, только совсем маленькие дома, размером с картонку из-под башмаков, и в них жил похожий на обыкновенных людей, правда, очень уж крошечный народ. Назывался он моликами, а их город-государство — Малявкинбургом.

Молики были золотых дел мастера. Это ремесло передавалось из поколения в поколение, и оттого, что мастера каждый день подолгу глядели на желтый и яркий металл, глаза их обрели цвет такой же золотистый и веселый.

Продавать свои поделки мастерам было некому, и они просто дарили их друг другу. Поэтому каждый молик каждый день получал красивый подарок. Материала им для ремесла хватало. Это обыкновенным людям, чтобы добыть несколько золотых крупинок, надо в специальную машину насыпать гору песка, промыть ее водой... В общем, долгое и трудное дело, а молики просто подбирали золотинки у себя под ногами, потому что каждая золотинка для мастеров была размером в их кулачок, и они очень легко замечали их в песке, даже не надевая для этого очков.

С самого утра и до позднего вечера над городом стоял мелодичный звон. Каждый мастер сидел над маленькой наковальней и, названивая на ней серебряным молоточком, что-нибудь пел. Молики никогда не плакали, потому что их никто и ничто не огорчало. Они не знали, что такое слезы, и были всегда веселы и беззаботны, а их глаза испускали светлые лучики, отчего по земле и стенам домов прыгали рыжие зайчики. Ласково и тепло грело мастеров солнце, а вокруг цветочных клумб катались на самобегающих золотых жуках их дети, такие же озорные и шумливые, как и всякие ребятишки.

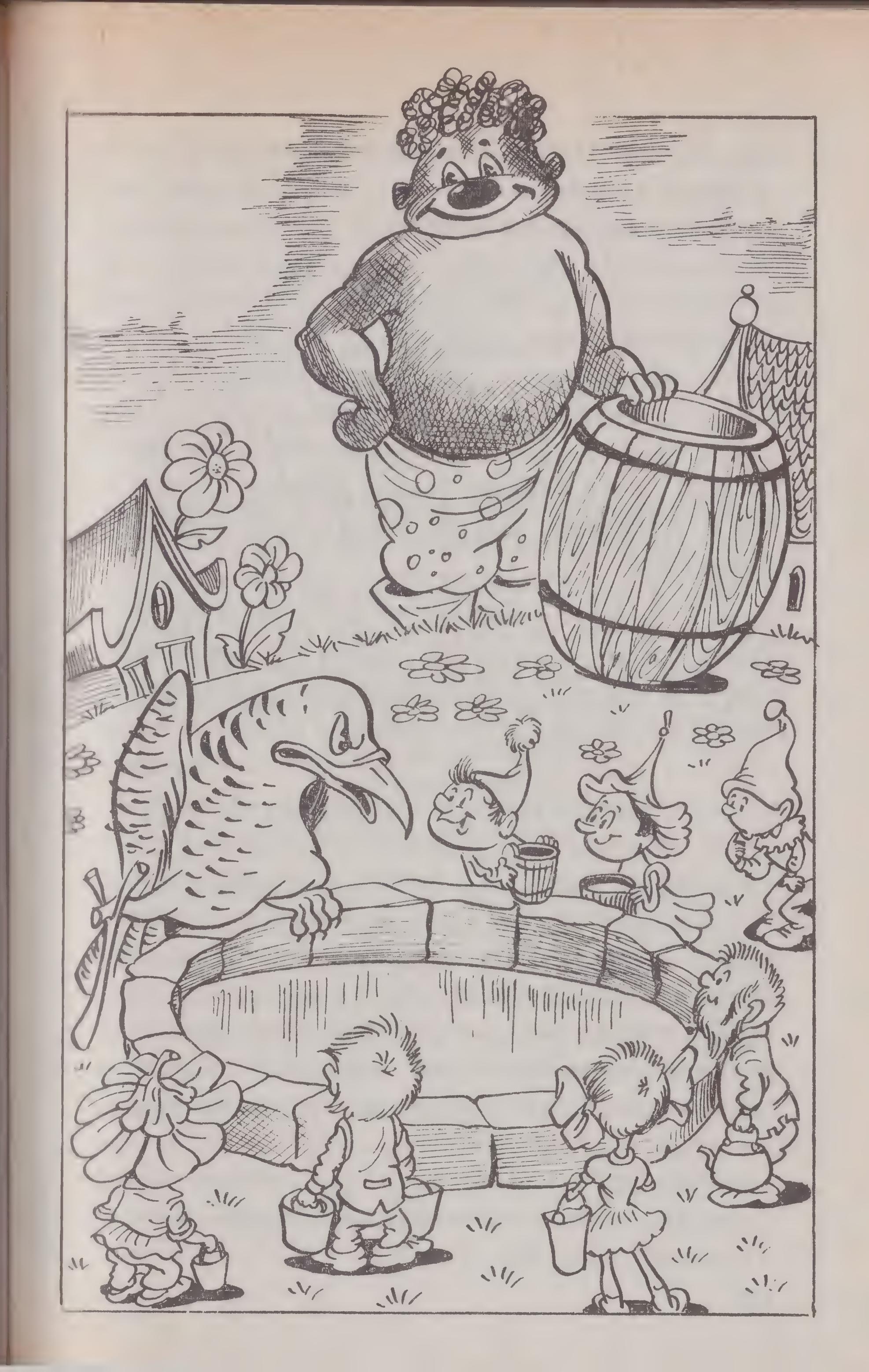
Вот и теперь мастера были заняты тем, что из тонко расплющенных золотых пластинок делали крохотные башмаки. А занимались они этим вот почему: к самому искусному мастеру Лату наведался кузнечик. Надо заметить, что кузнечики были особенно дружны с моликами, так как в душе тоже считали себя мастерами-кузнецами. Так вот, зеленый кузнечик не припрыгал, как обычно, а пришел, опираясь на костыли, связанные из тонких сухих былинок. Старый Лат вытащил из его ног занозы, тут же сел за наковальню и быстро выковал пару золотых башмаков. Кузнечик примерил их и, радостно треща крылышками, ускакал в густую траву, росшую вокруг города. Старый Лат созвал мастеров, посоветовался с ними, и было решено обуть всех своих друзей в красивую и удобную обувь. Старательно трудились молики и пели:

Молоточком — динь-динь-динь!
Наковальня — дзинь-дзинь-дзинь!
Чтобы прыгалось друзьям
Без опаски по полям,
Мы готовим башмаки
Дзинь-блям!

К полудню в городе появлялся великан Добруша с огромной бочкой на широких плечах. Завидев его, мастера знали, что наступило время обедать, и спешили по своим домам.

В государстве моликов Добруша появился много лет назад. Откуда он пришел, никто не знал. Сам он тоже ничего не мог вспомнить. Когда его нашли лежащим на окраине города, голова его была разбита, а рядом валялись железные пружинки, шестеренки и всякие винтики, заменявшие великану мозг. Да, он оказался механическим этот великан, и тогда еще не назывался Добрушей. Моликам стало жалко его, и они принялись за ремонт. Но если на пробитые места, а надо сказать, что сделан был этот великан из плотной и черной резины, они сумели наложить заплаты, то с пружинками и шестеренками, выпавшими из головы, разобраться не смогли. Тогда мастера во главе с Латом сделали мозг великану по-своему — из золота, а заодно заменили и его резиновое сердце. Теперь все винтики и пружинки в голове резинового человека были чисто золотыми, и поэтому мысли у него стали тоже золотыми и чистыми, а в груди гудело благородное сердце, выкованное из благородного металла. Чтобы голова проветривалась, мастера оставили в ней

небольшое отверстие. Оживший великан не ушел от моликов. Но так как ни в один дом уместиться не смог, он стал жить за городом, а по утрам собирал с листьев росу в огромную бочку. Этой водой — самой прозрачной и самой вкусной — он снабжал все государство, кроме этого, помогал моликам пахать землю, выращивать хлеб и всякие вкусные овощи. Скоро он построил новую мельницу, на которой молол муку, вырыл в центре города большую яму и устроил в ней бассейн. Много доброго делал для моликов великан, и за это они стали называть его Добрушей.

Вот и теперь Добруша появился на главной улице с бочкой на плече, и широкая улыбка растягивала его резиновое лицо. Он остановился у бассейна, опустил на землю свою ношу и громко запел:

Обещание свое
В жизни не нарушу,
Что мое, теперь — твое!—
Говорит Добруша.

Он пел, притопывая огромным сапогом, и его круглые щеки так и раздавались от удовольствия. А вокруг хлопали двери, распахивались окошки. Из них выглядывали смеющиеся молики, все как один одетые в белые куртки и такие же шаровары.

— Здравствуй, Добруша, — кричали они, кивая головами в желтых тюбетейках. — Добрый день, Добруша!

Великан открыл кран, и вода из бочки стала выливаться в бассейн, откуда по желобам разбегалась во все дома города.

Пока молики запасались водой, Добруша пошел по улицам и стал до блеска начищать щеткой серебряные крыши. При этом он не переставая напевал:

Чтобы солнышко смотрелось
В них, как в зеркала-а!
В них, как в зеркала-а!
Я их драю щеткой с мелом,
Трала ла-ла-ла!
Трала ла-ла-ла!

Покончив с крышами, Добруша принялся за улицы, и, когда вернулся к опустевшей бочке, город блестел чистотой. Великан поклонился моликам, которые махали ему из окошек и дверей белыми платочками, взял бочку под мышку и, напевая себе под нос, пошел за город к лесу. Его голая и черная спина еще долго маячила, пока не скрылась в густых зарослях.

И тут молики обратили внимание на то, что на краю бассейна сидит большая, ростом с них самих птица и пьет воду. Птица была растрепанная, без хвоста и опиралась на приделанную вместо одной ноги деревяшку. Молики никогда раньше не видели таких птиц, и эта замухрышка и растрепа не испугала их. Они окружили гостью и с любопытством разглядывали. Между тем птица напилась, соскочила со стенки бассейна и, нахально расталкивая золотоглазых моликов, пошла по улицам. Шла она припадая на свою деревяшку и вела себя очень странно: чуть ли не в каждое окошко совала свой нос, говорила: «Ку-ку!» — и шла дальше. За ней толпой двигались

радостноглазые мастера и весело обсуждали это непонятное явление.

Ну, как тут не догадаться, что птица, прилетевшая в город моликов, была не кто иной, как кукушонок. А прилетел он из страны угрюмых... Но лучше все по порядку.

Мать-кукушка подбросила его в чужое гнездо, и едва он вылупился из яйца, стал выталкивать своих названых братьев вон из их родного дома на землю. Так поступают все кукушата. Но то ли сам кукушонок перестарался и вавалился первым, то ли братья-птенчики не захотели падать, пока не научились летать, но кукушонок брякнулся вниз с высокого куста и сломал ногу. Он лежал, глядя в небо, и уже злился на весь мир. Тут-то его и накрыли какой-то липкой сетью многоногие, с вытаращенными глазами пауки и с трудом сволокли в подземелье, в котором жили их повелители — грубы. Были грубы ростом со спичечный коробок, с большими, отвисшими носами. Они не переносили яркого света, а чтобы нечаянно не взглянуть на солнце, носили на горбушках котомочки, наполненные песком, которые их пригибали к земле, но которые они никогда не снимали, и казались горбатыми. Хмуро смотрели в землю грубы своими водянистыми глазами с черными, очень похожими на лягушачьи икринки зрачками.

Ко всему этому они никогда не улыбались, никогда в их подземелье не звучал смех, и грубы считали, что так и должно быть на свете. Друзей у

них тоже не было, ни с кем они не ладили, кроме больших и черных пауков с белыми крестами на горбатых спинках. Пауки считали грубов тоже горбатыми и даже были уверены, что состоят с ними в родстве. Однако грубы так не считали, наоборот — обращались с пауками, как со слугами. По их приказу пауки-крестовики оплели своей паутиной все выходы и входы в подземное государство и зорко охраняли.

Грубы часто воевали. Перед каждым новым походом они посылали разведчиков. Для этого к ветке привязывали паутинку, а за другой ее свободный конец прицеплялся маленький паучок. Дождавшись попутного ветра, грубы развязывали узел, и паутинка с разведчиком-паучком улетала. Назад возвращались не все, но кто возвращался — докладывал главному пауку Мохнобрюху о результатах разведки. Мохнобрюх спешил к королю грубов Грабу и сообщал ему новую весть. Если вести были хорошие, Граб всегда пририсовывал на туловище Мохнобрюху по белому кресту, и пришло время, когда Мохнобрюх из черного стал совсем белым. Главный паук очень гордился этим и хвастался перед другими пауками, уверяя их, что поседел от наград.

Но не только свои паучки-разведчики приносили Грабу нужные вести. Их невольно приносили и те, кто попадал в крепкие сети сторожевых пауков-крестовиков. А попадали в них и стрекозы, и бабочки, и кузнечики. Все они потом становились

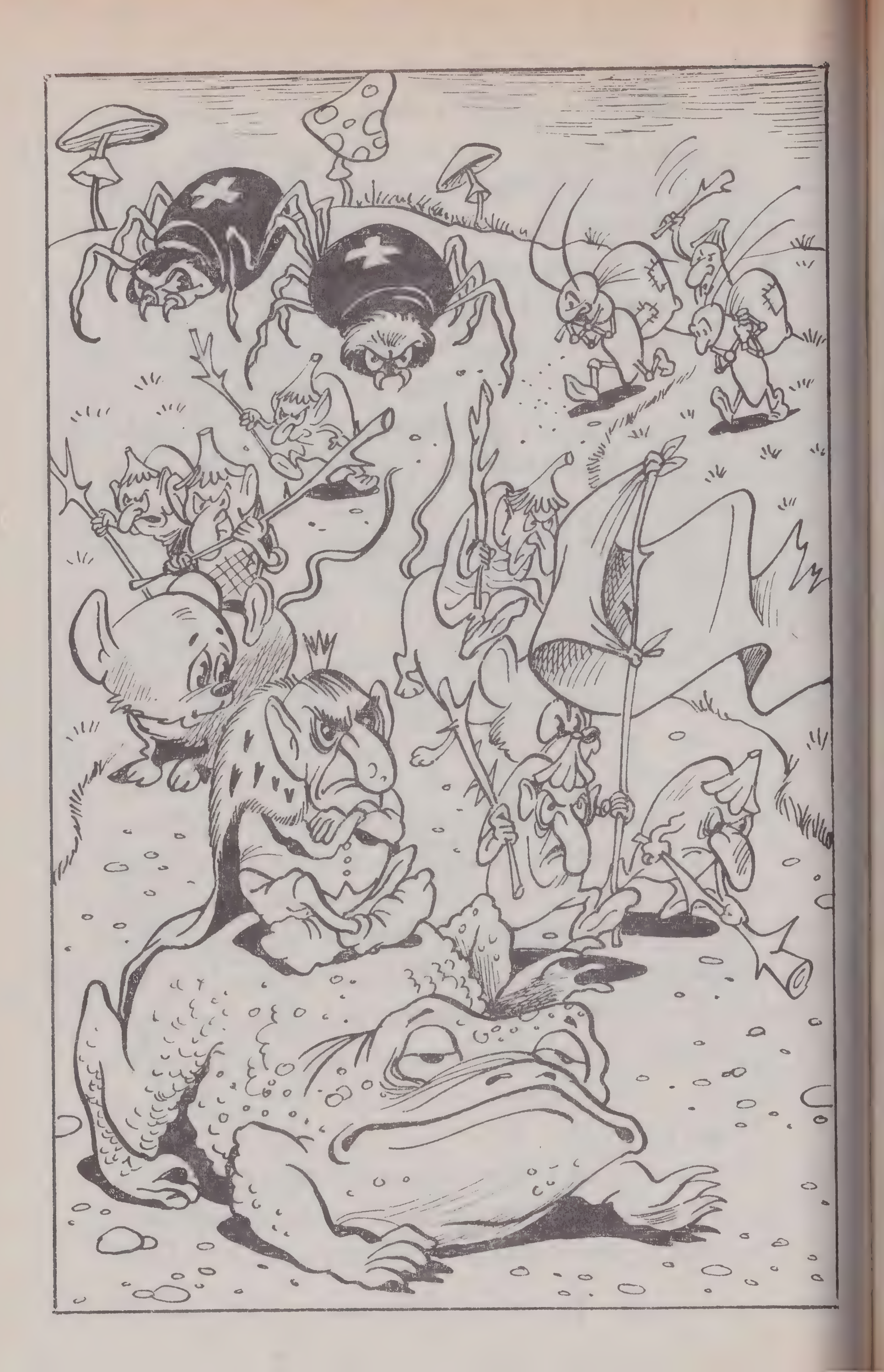

собственностью охраны и обыкновенно шли им в пищу.

Взглянув на необыкновенного пленника-кукушонка, Граб смекнул, что этот птенец ему пригодится, и приказал распутать его, накормить, а взамен сломанной ноги приделать новую.

Распутать и накормить кукушонка было делом недолгим, но сделать ногу... Угрюмые грубы не были мастерами, так как никогда и ничего не делали сами. Пищу им доставляли пленные муравьи, за которыми приглядывали специально приставленные для этого надсмотрщики-пауки, а воду из недалекого ручья днем и ночью таскали мягкотелые улитки. Они вылазили из своих круглых домиков наружу, в домики наливали воду и волокли их по земле. Даже сладкий мед для грубов собирали пленницы-пчелы. Одевались грубы в одежды, склеенные из листьев, ноги обертывали тоненькой берестой и наподобие лапоточков туго перевязывали травинками. На головах носили шляпы из цветков колокольчиков. Но эти колокольчики уже не вызванивали, как бывало прежде, когда росли на своих гибких стеблях. Прежде чем их превратить в шляпы, грубы вырывали молоточки-тычинки. И не потому, что они мешали колокольчикам держаться на головах, а за то, что уж очень весело названивали они. А этого грубы не любили.

Все же после долгого спора они кое-как приделали кукушонку вместо ноги сучок-деревяшку. Когда он научился летать, Граб назначил его Глав-

ным королевским лазутчиком, и кукушонок стал усердно служить мрачным хозяевам. Теперь только он вылетал на разведки и за это получал от короля награды в виде живых пленников-муравьев или провинившихся в чем-нибудь водовозок-улиток.

Однажды в сети к паукам-крестовикам попал светлячок. Странно, как он, светлячок, не разглядел растянутую на пути сеть-паутину, но позднее выяснилось: у него испортился фонарик, и он сослепу влетел в ловушку. Пауки-крестовики тут же потащили светлячка в подземелье к своему королю. Граб сидел на мышонке, который служил ему троном. По бокам короля стояли телохранители. В одной руке они держали по сучковатой дубинке, в другой, поднятой вверх, сжимали гнилушки. Холодный, зеленоватый свет гнилушек освещал сырые стены и хмурое, с растрепанными на щеках волосами лицо самого Граба.

Мохнобрюх, перебирая тонкими ногами, протанцевал перед королем что-то замысловатое, понятное только им обоим, и Граб поднял костлявую руку.

— Получишь еще один крест, — сказал он Главному пауку и уставился странными глазами-искринками на пленника.

— Я светлячок, — робко представился пленник. — Я хороший светлячок.

— Ты плохой светляк, раз летаешь с испорченным фонарем, — скривился Граб. — Говори, не

13—931

видел ли ты где красивого и богатого города? Я хочу завязать с его жителями дружбу.

— Видел! — простодушно пискнул светлячок.

Граб даже подпрыгнул на мышонке.

— Где ты его видел? — закричал он, барабаня лаптями по впалым бокам мышонка. — Покажешь дорогу!

— Вчера... вечером, — начал светлячок, — я летал за трехглавой горой...

— Знаю эту гору! — взвыл Граб. — Дальше что?

— Я летал и далеко впереди увидел много других светлячков, но это были не братья-светлячки. Это были... крыши. Они ярко блестели под луной. Передо мной оказался город, и я полетел по улице. Там в сухих домах сидят немного похожие на тебя... — светлячок замялся.

— Ваше величество-о! — в голос прокричали телохранители.

— Ваше величество, — охрипшим голосом повторил светлячок. — Они поют веселые песни и звонко стучат серебряными молоточками по золотым пластинкам. У них ясные глаза и веселые лица...

— Хватит! — перебил Граб и, обращаясь к телохранителям, приказал: — Исправить у него фонарь, и пусть служит у нас светильником. Свет от него холодный и приятный, как от гнилушки.

Король соскочил с шатающегося от усталости мышонка и стал бегать по пещере. Он даже не замечал, что одна травинка на ноге развязалась и берестяной лапоть свалился. Граб шлепал босой ступней по мокрому полу, выкрикивал:

— У-у, ясные глаза! У-у, добрые лица! — Он остановился перед Главным пауком: — Ступай, Мохнобрюх, наверх и вышли в разведку кукушонка! Если все, что наговорил этот испорченный фонарь, правда, я нарисую тебе еще один... — Тут король задумался, потому что рисовать новый орден на пауке было негде. — Ладно, — решил он. — Я прямо из тебя самого сделаю крест и покрою золотом, которое мы завоюем.

Мохнобрюх тут же исполнил радостный танец и побежал выполнять приказание. Король пнул ногой мышонка, который успел свернуться на полу и уснуть.

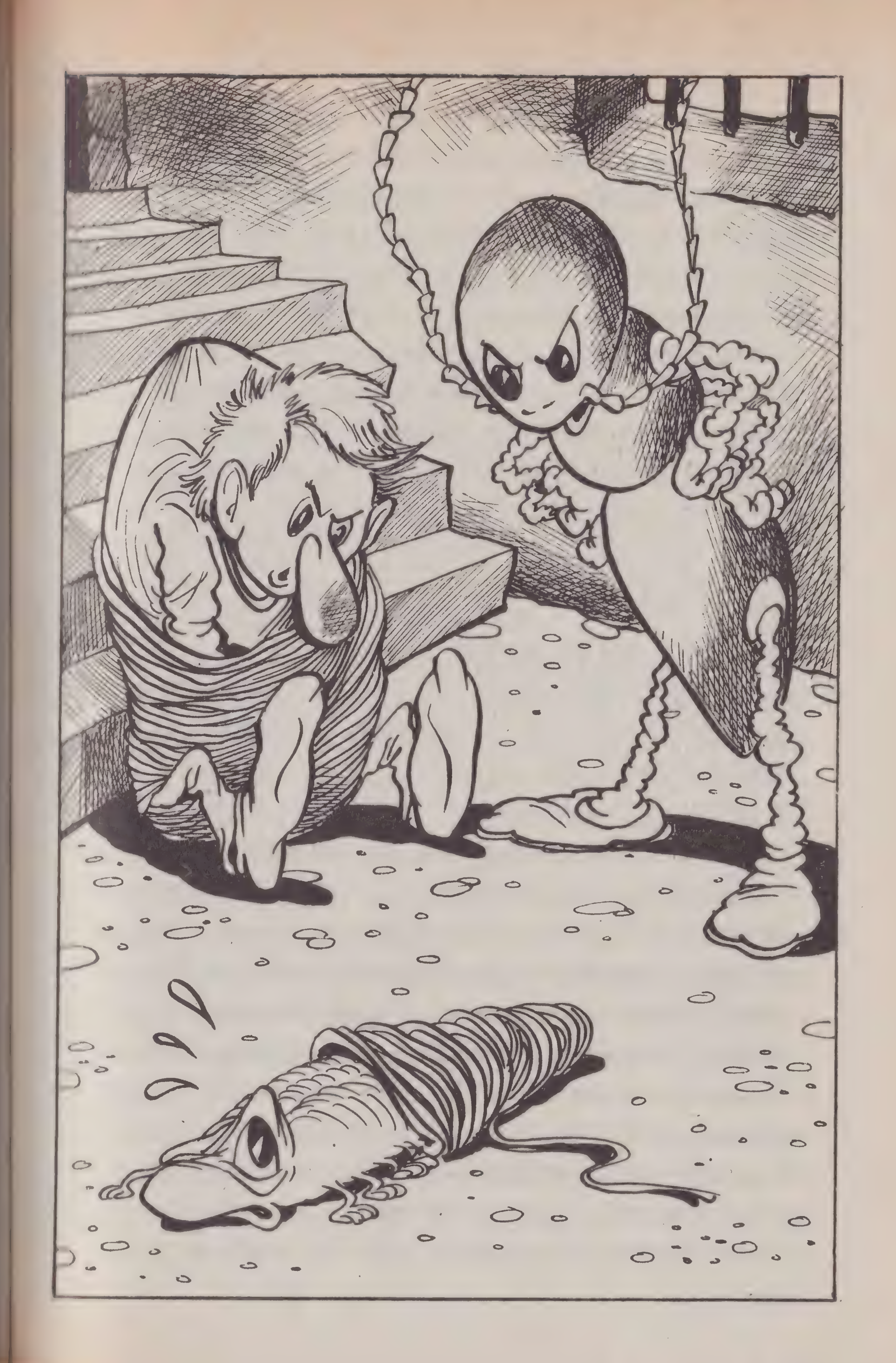
Подождем вестей от кукушонка, — проговорил Граб, снова усаживаясь на мышонка. — Будем воевать с ясноглазыми, у которых много золота и оттого веселые лица. Я покажу им песни!

В это время Главный паук — Мохнобрюх — только что отправил в разведку кукушонка, а сам обходил дежурные посты пауков-крестовиков. Проверив, хорошо ли натянуты сети и не спят ли дежурные, Мохнобрюх заглянул в тюрьму, куда на ночь запирали пчел-пленниц. Наработавшись за день, пчелы лежали на дне ямы и не шевелились. Паук довольный пошел дальше. В тюрьме для водовозов-улиток тоже все было тихо. Улитки спали в своих хрупких домишках, но по лужицам на полу ямы было видно, что и во сне они горько плачут. И опять Главный паук остался доволен.

К тюрьме для сильных и огромных муравьев Мохнобрюх подбирался осторожно. Он боялся этих черных рабов, челюсти которых могли бы легко отделить его голову от круглого брюха. И хотя муравьи были смирными, будто не сознавали своей силы, Мохнобрюх всякий раз трусил, глядя на них даже сквозь решетку. И теперь он не подошел близко к яме, а остановился поодаль. Все было тихо, и Главный паук повернул назад, но его кто-то осторожно окликнул. Он оглянулся и увидел мокрицу. Тяжело волоча свое вздутое серенькое тельце, эта капля воды на белых ножках, боязливо оглядываясь, подползла к Мохнобрюху.

— Хозяин! Хозяин! — закричала она шепотом. — Мальчик-груб пробрался в тюрьму к муравьям и о чем-то шепчется с муравьем-великаном. У этого мальчика жалостливое сердце и добрые глаза. Он часто без страха смотрит на солнце. Это ужасно! И хотя у него длинный нос, он, я клянусь сыростью, совсем не похож на своего короля. И таких в нашем королевстве я заметила несколько. Это опасно!

Мокрица тайно подсматривала за всеми, кто жил в государстве грубов, и наушничала Мохнобрюху. За это Главный паук давал ей иногда обсосать крылышки попадающих в сети бабочек и мошек. Известие, которое сейчас мокрица принесла Мохнобрюху, было очень неприятным. Дело в том, что пауку уже доносили о появлении в государстве таких странных грубов-мальчишек, даже видели их смеющимися! А один дозорный паук-крестовик уве-

рял, что однажды двое этих ненормальных отдубасили его палками и освободили из сети мотылька, которым дозорный паук собирался было позавтракать. Тогда Мохнобрюх не поверил, решив, что дозорный съел слишком много меда, охмелел и все это почудилось ему, но теперь...

Мохнобрюх не стал рисковать своей головой, не бросился ловить странного мальчишку. Он погладил волосатой лапой морщинистую спинку наушницы-мокрицы и побежал к своим паукам. Скоро целый отряд крестовиков ворвался в тюрьму к муравьям и связал мальчишку, а заодно и его друга муравья, самого сильного и большого среди пленников. Мальчика пауки оплели паутиной так, что получилась плотная белая куколка, и подвесили между ветками. «Тут он и умрет. А я тем временем выловлю остальных», — решил Мохнобрюх и строго-настрого приказал крестовикам держать язык за зубами, потому что королю нельзя знать, что в его государстве под самым носом охраны выросли и живут непохожие на него грубы и, возможно, что-то затевают недоброе. Мохнобрюх очень боялся за свои кресты, и, чтобы мокрица не сболтнула кому-нибудь лишнего, он приказал замотать и ее: Мокрицу замотали и подвесили рядом с куколкой мальчика, потому что ни сам Мохнобрюх, ни его подчиненные крестовики не осмелились съесть ее, побрезговали, хотя еще не ужинали и будут ли сегодня ужинать — не знали.

И снова все затихло в государстве грубов. Только пленники-муравьи тихо перешептывались и, сбившись в угол тюрьмы, с ужасом глядели на своего товарища-великана, до смерти избитого пауками-крестовиками. Он лежал неподвижно на земле со связанными лапками, и падающий сквозь решетку лунный свет отблескивал на его глянцевом брюшке.

Вернувшись на другой день к вечеру, кукушонок подтвердил показание светлячка, и Граб приказал готовиться к походу. Первым делом грубы запаслись оружием — дубинками. Делали они их из колючих веток шиповника. Когда солнце ушло за горизонт и лиловые тени легли на землю, Граб построил свои войска.

Плечом к плечу стояли сгорбившиеся, с отвисшими носами солдаты королевской гвардии. Передний держал знамя, на котором был намалеван сам Граб. Отдельно стояла кавалерия. Это были восседающие на мышатах грубы. Сам король сидел перед войском на своем боевом скакуне — зеленой лягушке. Его окружали телохранители и пауки-крестовики с мотками паутин в лапах. И вот Граб махнул рукой, и войско двинулось. Впереди трусила мышиная кавалерия, за ней пылила лаптями королевская гвардия, за гвардией подпрыгивал на лягушке сам Граб в окружении свиты, а позади тащились навьюченные запасными дубинками и провизией для войска рабы-муравьи. Ни звука, ни скрипа, ни шороха. Ступая по фиолетовым теням, и само похожее на тень, войско грубов втянулось в

лес и пропало. У подземелья осталась только охрана да старики-грубы. Они смотрели вслед войску и, чтобы не заплакать, держались за носы. Даже водовозы-улитки бросили свои домики-бочки и с любопытством щурили подслеповатые глазки.

Проводив войско, оставшиеся грубы-охранники заперли на ночь в тюрьму пчел и улиток. Тюрьма муравьев пустовала, только по-прежнему лежал в ней в самом углу великан-муравей. Грубы сняли с решетки замок, подняли муравья и вынесли наружу. Это и надо было муравью. Он еще днем пришел в себя, но выбраться сквозь решетку не мог. Теперь он был на свободе и знал, что делать.

— Оттащим его к реке и бросим в воду, — сказал один груб. — Что ему здесь дохлому лежать.

— Да ну его, мне лень, — ответил другой. — Полежит до утра, а там его отволокут улитки. Самим-то нам зачем трудиться.

Грубы постояли, помолчали и ушли. Тогда муравей изогнулся и перекусил ножные путы. Еще днем из разговоров своих братьев муравей узнал, что войско грубов выступило в поход, что его друга — доброго грубика Гея — пауки замотали в куколку и подвесили. Великан-муравей поклялся спасти мальчика и уйти с ним прочь из страны злых грубов.

Как можно тише подобрался муравей к густому кусту и затаился. Ему были хорошо видны и подвешенные куколки, и два паука-крестовика, сидящие рядом на своих паутинах. Кто замотан во второй куколке, муравей не знал, но раз кого-то замотали —

в ней тоже друг, решил он, и ему тоже нужно помочь.

Пауки-охранники не очень-то смотрели за куколками — то один, то другой куда-то надолго исчезали. Этим и воспользовался муравей. Не ожидавший нападения паук только еще больше вытаращил глаза, когда перед ним оказался великан-муравей с разведенными в стороны челюстями. Муравей щелкнул ими, как ножницами, и голова паука, подскакивая на упругой паутиновой сетке, укатилась вниз на землю. Когда появился второй крестовик, то и его голова запрыгала за первой. Муравей подбежал к куколке, пощекотал усиками.

— Гей! — позвал он и, не дожидаясь ответа, вспорол челюстями плотный покров куколки. Края ее отвернулись, как у одеяла, и муравей обрадованно потер передними лапками. Перед ним лежал целехонький грубик Гей. Мальчик несколько раз глубоко вздохнул свежего воздуха и открыл глаза.

— Подыши еще и придешь в себя, — сказал муравей. — Я освобожу еще одного друга.

С этими словами он вспорол вторую куколку, и оттуда тотчас же вылезла мокрица. Увидев перед собой муравья, она ойкнула и шмыгнула было в сторону, но муравей схватил ее челюстями поперек туловища.

— Прорвешь, я тоненькая! — запищала мокрица. — Караул!

Муравей поднес ее к Гею. Мальчик уже пришел в себя окончательно и сидел, высунувшись по пояс из распоротой куколки.

— Ты мерзкая козявка, — сказал Гей. — По твоим сплетням убивали ни в чем неповинных улиток, пчел и муравьев. За это обязательно надо наказывать.

Муравей тут же разжал челюсти, и мокрица полетела вниз. Там она упала на что-то, должно быть, твердое, потому что раздался легкий хлопок и вверх к друзьям добрызнул фонтанчик воды.

— Так ей и надо, — сказал муравей. — Бежим! Я вижу, сюда идут с гнилушками в руках грубы.

— Как же так — бежать? — запротестовал Гей. — Надо вывести из подземелья моих друзей. Они тоже ненавидят Граба, они тоже хотят сбросить котомки. Это не мы, а король боится, как бы мы не разогнулись и не увидели солнца!

— За друзьями вернемся, — зашептал муравей. — А пока надо бежать, если не хочешь погубить всех. За нами сейчас же будет погоня. Смотри, патруль уже рядом!..

Друзья ухватились за наклонно натянутую паутину и съехали по ней, как по канату. Скоро они шагали по темному лесу прочь от подземного государства Граба. Ветви деревьев были так густо переплетены над их головами, что лучистые звезды только иногда мелькали в редких просветах.

Перелезая через прутики или пробегая по ним, друзья шли всю ночь, и утро застало их на ровной песчаной долине. Вдалеке поблескивала река, яркое всходило солнце, а прохладный ветерок обдувал и прогонял усталость. Тогда друзья переглянулись и

без слов поняли друг друга. Куда они идут и куда придут — они пока не знали, но все же дружно тронулись дальше и запели песенку, тут же сочиняя к ней такие слова:

Мы идем, куда глаза...
Мы идем, куда глаза...
Мы — туда, куда глаза глядят!
Где друг другу не грозят,
Где друг друга не едят!
Мы идем, куда глаза глядят!..

В городе-государстве моликов все было попрежнему. Так же названивали молоточки, и мастера в белых куртках неутомимо трудились от зари до зари.

Старый Лат, склонившись над своей наковальней, доделывал последний башмак, а рядом с ним у окошка сидела его внучка Лея. На ее всегда веселом личике сияли такие лучистые глаза, что всякому, кто смотрел на девочку, они казались двумя золотыми солнышками, и он жмурился от их света.

Лея ткала серебряную пряжу и разговаривала с кузнечиком, который прыгал по комнате в одном башмаке и с нетерпением поглядывал на мастера. Иногда кузнечик начинал трещать крылышками и весело отплясывать. Это смешило Лею, и она смеялась так звонко, что казалось — из окошка на каменное крылечко сыплются шарики-хрусталики. Проходящие мимо дома молики останавливались, бросали в окошко цветы и, улыбаясь, шли дальше.

Скоро Лея убрала прялку, причесала перед зеркалом волосы и пошла к подружке. Сегодня они договорились подняться на каланчу и оттуда смотреть на закат солнца.

Каланчу эту построили для того, чтобы наблюдать — не вспыхнет ли где в городе пожар. Поэтому на самом ее верху, в стеклянном фонаре, всегда кто-нибудь дежурил. Когда Лея поднялась по винтовой лестнице в фонарь, там ее встретил старичок-молик и очень обрадовался.

— Заходи, заходи! — сказал он. — Подружка твоя еще не приходила, но обязательно придет. Сегодня будет замечательный закат. На небе ни облачка!

— Ты, дедушка, иди, я понаблюдаю, — ответила Лея. — А там кто-нибудь придет еще.

Старичок подал ей корзинку сочных и сладких ягод и спустился вниз. Девочка подошла к одному окошку, к другому, потом села на скамеечку и стала смотреть на совсем низкое солнце.

Ни Лея, ни кто другой из моликов не знали, какая беда надвигается на их город. А к нему уже подлетел кукушонок, и на спине его, вцепившись в перья всеми волосатыми лапами, сидел паук Мохнобрюх, с надетым на шею огромным мотком липкой паутины.

Лея не сразу поняла, что произошло: солнце еще висело над горизонтом и в его красных лучах пламенели крыши и окна города, да и в самой башне было полно света, как вдруг набежала тень. Девочка поднялась на ноги и увидела ту самую птицу на ноге-де-

ревяшке, которая за день до этого впервые появилась у городского бассейна. Теперь птица сидела, вцепившись одной лапой в подоконник, а с ее спины переползал на фонарь каланчи пучеглазый, весь разрисованный крестами паук. Он всеми лапами прицепился к стенке и стал обегать кругом фонаря, волоча за собой толстую нить паутины. Лея даже не успела удивиться, как паук несколько раз обежал по фонарю башни и наполовину — нитка за ниткой — оплел его. Тогда девочка опустила вниз стеклянную раму, подпрыгнула, ухватилась руками за край липкой стенки из паутины и подтянулась к оставшемуся просвету. Она хотела спросить у птицы — зачем они залепливают окна, но в этот момент по фонарю снова пробежал паук и липкая паутина приклеила ее руки к нижнему ряду паучьей стенки. Не прошло и минуты, как Мохнобрюх полностью залепил стеклянный фонарь, и Лея осталась стоять на носках, с поднятыми вверх и крепко прихваченными руками.

Сделав свое дело, Мохнобрюх спустился на крышу соседнего дома и затаился за печной трубой. Он был доволен своей работой. Теперь никто из моликов не увидит подступающее к городу войско, а улетевший к королю кукушонок расскажет о его подвиге. Мохнобрюху очень, очень понравилось обещание Граба — сделать его самого крестом и позолотить. Он уже представлял себя таким и радовался.

Никто из моликов не обратил внимания на каланчу. Серебристая паутина блестела под косыми лучами солнца, и всем казалось, что это сверкает стеклянный фонарь. Поэтому никто не пришел и не увидел, в чем дело, и поэтому войско Граба сумело незаметно подойти к городу и окружило его.

Король только что выслушал донесение кукушонка, похвалил его и теперь ждал, когда солнце упадет за горизонт.

Только под покровом темноты совершали свои набеги мрачные грубы. Так они захватили уснувший пчелиный рой с королевой-маткой, так же завоевали город-муравейник и многих оставшихся в живых муравьев взяли в плен. Теперь настал черед моликов.

Но тут из леса с бочкой на плечах появился Добруша. Он оказался как раз позади грубов, сидящих на мышатах. Великан даже присвистнул от удивления, а грубы повернулись на свист, да так и застыли с поднятыми вверх дубинками. Черный великан в синих шароварах и огромных сапогах так напугал их, что они онемели. А Добруша стоял, глядя на них, и улыбался. Ведь он был добрым и простодушно считал все живое на земле своими друзьями.

— Хотите вкусной воды, — спросил Добруша. — Пожалуйста! — Он свободной рукой похлопал по бочке. — Тут ее много.

Но грубы не могли выговорить ни слова. Даже сам король Граб от страха так сдавил ногами бока

своей лягушке, что та не дышала, а только широко разевала рот и выпучивала глаза. Тогда весельчак Добруша захохотал.

— Ну, может, мышки хотят? — сквозь смех спросил он. — Да не бойтесь меня, я не мяу-у!

Только он произнес «мяу», как случилось такое, чего Добруша не ожидал и совсем не хотел. Мыши в ужасе завизжали и так шарахнулись по сторонам, что всадники-грубы шлепнулись на землю, а вскочив на ноги, бросились вслед за мышами к лесу. Впереди всех подпрыгивал на зеленой лягушке король Граб, и длинные волосы с его щек относило ветром.

Добруша почесал затылок, пожал плечом, потом нагнулся и поднял с земли дубинку. Великан долго смотрел на ее острые шипы, пока улыбка не сошла с его лица. Он выронил дубинку и со всех ног бросился к городу. Бух-бух! — бухали о землю сапоги, стук-стук! — подпрыгивала на плече огромная бочка. Добруша вбежал на окраину и помчался по главной улице.

— Беда, беда-а! — кричал он, пробегая мимо пожарной каланчи.

Добруша не заметил и не почувствовал, как с соседнего с каланчой дома метнулась серая тень и кто-то прыгнул ему на голову.

Конечно, это был Мохнобрюх. Сразу, как только он увидел бегущего по улице великана, догадался что это значит. Не раздумывая долго, Мохнобрюх отломил от печной трубы кирпич, прыгнул и

вцепился в курчавые волосы Добруши. Он еще не знал, что будет делать с кирпичом, но вдруг увидел то самое отверстие, которое мастера-молики оставили для проветривания головы великана. Паук нырнул внутрь и увидел сложный механизм. Уж кто-кто, а Мохнобрюх знал, что голова — самое уязвимое место, и тут же сунул кирпич между зубьями шестеренок.

Добруша подбегал к моликам, ожидающим его у бассейна, как вдруг резкая боль в голове остановила его. Разве он знал, что зубья шестеренок ударились о кирпич и весь механизм, с маху, начал вращаться в обратную сторону. Мрачные мысли закрутились в голове великана, злым стало его лицо.

— Воды захотели? — прохрипел он, глядя сверху вниз на моликов. — Вот вам вода!

С этими словами великан поднял над головой бочку и грохнул о землю. Бочка с треском распалась, и вытекшая на землю вода залила площадь. Никогда раньше не знавшие страха, молики попятились, спрятались в дома и захлопнули ставни. Многих подхватили потоки воды и понесли вдоль улиц. А великан продолжал бушевать. Он набирал полные пригоршни пыли и швырял на крыши, он ударял ногой по лужам, и грязные росплески окатывали стены белых домов и голубые окна.

Слыша яростные крики Добруши, молики недоумевали: «Что с ним?». И только старый Лат, который сам конструировал мозг великану, догадался, что механизм почему-то начал крутиться наоборот, а значит, и Добруша все стал делать наоборот. Ведь

обратная сторона добра — зло. Это тоже только теперь понял мастер.

Когда первая вспышка ярости прошла, Добруша огляделся, зачем-то понюхал испачканные ладони, потом упер руку в бок и закричал:

Эй, население-народ!
Я злой, я страшный Ашурбод!

При этом он так ударял кулаком по голой резиновой груди, что кулак отскакивал от нее, как мяч. Молики в своих домах впервые затрепетали, а старый Лат прошептал:

— Ну-да, ну-да... Ашурбод — это Добруша наоборот. Ах, какой несовершенный мозг придумал ему я.

Он покачал седой головой, на макушке которой держалась расшитая руками Леи круглая шапочка. Лат поднял было руку, чтобы потрогать ее, но на ладонь ему что-то капнуло, и он с удивлением вглядился в светлую капельку. И опять мудрый Лат догадался, что это такое, и снова горестно проговорил:

— Да, да. И этому теперь научатся добрые молики. Это слезы.Я их видел на глазах кузнечика, у которого была поранена ножка. Да, да. Это та самая вода, вода боли и страха.

Но даже старому и мудрому Лату не дано было предугадать, какие еще беды придется испытать его народу.

Только глубоко в лесу удалось Грабу собрать свою кавалерию. Но теперь это были не всадники, а пехотинцы. Напуганные Добрушей мышата так попрятались в лесу, что отыскать их грубы не смогли.

Тогда Граб построил своих вояк в колонну и снова повел к городу. Тут на опушке леса короля нашел кукушонок и что-то прокричал на ухо.

— С великаном случилось невероятное, и он громит ясноглазых? — переспросил Граб. — Так воспользуемся этим!

Колотя дубинкой по бокам еле живой лягушки, король поскакал вперед, а следом спотыкаясь и падая, мрачной толпой бежали уставшие грубы.

Снова увидев своего короля, отряд пауков-крестовиков подпрыгнул от радости и бросился на штурм города. Они кидали свои липкие петли на моликов, валили их на землю, натягивали поперек улиц незаметные паутинки, за которые запинались и падали друг на друга отступающие от грубов безоружные мастера. В общем, действовали пауки, как диверсанты в тылу, и сеяли панику среди и без того напуганных моликов.

Видя, как грубы вяжут мастеров, бьют дубинками стекла и топчут клумбы, Добруша, назвавший себя Ашарбодом, похохатывал. Очень скоро грубы завладели городом. Молики были связаны, и их согнали на главную площадь у бассейна. Нет, теперь в нем была совсем не та прежняя чистая вода: в бассейне жирно отблескивала мутная жижа, по которой плавал всевозможный мусор, поломанные стулья и шапочки мастеров.

Грустной была толпа моликов. Они молча смотрели на свой разгромленный город, и ни единого лучика не сияло в их потухших глазах. А вокруг

продолжался разбой и грабеж. Грубы выбрасывали из окон и дверей имущество прежних хозяев, вспарывали перины и из них клубами летел тополиный пух. Они напяливали на себя белые курточки мастеров, а так как котомки-горбы мешали застегнуться на пуговицы, грубы разрезали на спинах прорехи. Многие щеголяли в золотых башмаках. И на весь этот разбой с неба спокойно смотрела холодная луна. Только звезды, будто жалея моликов, слезно мигали и вздрагивали.

Мало-помалу шум в городе утих, и только где-то на самой окраине слышались слабые крики и треск. Это, отступая к лесу, вели бой с пауками и королевской гвардией грубов кузнечики, которые задержались в городе дотемна, ожидая когда мастера доделают им последние башмаки.

Граб прошлепал на своей лягушке по завоеванному городу и, осмотрев его, усмехнулся. Он уже установил связь с Ашурбодом через кукушонка, и великан выполнял все, что ему приказывала странная птица на ноге-деревяшке.

К полуночи Ашурбод приволок из леса четыре огромных столба и вкопал их по краям города. Пауки-крестовики от столба к столбу протянули свои паутины и скоро сплели над городом прочную сеть. Ашурбод таскал охапками хворост и укладывал его поверх паутины. Получилась крыша. Но этого Грабу показалось недостаточно, и он отдал команду обмазать ее, а заодно и все четыре стены глиной.

Когда выглянуло солнце, то города-государства моликов не было. Не пламенели как прежде стекла, не сверкали крыши. Вместо этого на месте веселого города возвышалась безобразная и грязная коробка, а у оставленного в стене единственного входа стояли с дубинками хмурые грубы. Согнувшись, они глядели под ноги и что-то шептали. Из распоротых на спинах курточек торчали их котомки-горбы.

Солнце осветило и Ашурбода. Наработавшись за ночь, он сидел, привалившись спиной к стене замурованного им города, и солнечные блики играли на круглых щеках. Зло опущенные вниз углы губ вздрагивали. Он спокойно похрапывал. В отдушине его головы сидел, спустив вниз волосатые ноги, паук Мохнобрюх и не спеша обгладывал лапку кузнечика.

А что же сталось с Леей?

Она по-прежнему стояла с поднятыми вверх и приклеенными руками, одна в глухом фонаре каланчи. Но все так же — двумя яркими солнышками — сияли ее глаза, и поэтому в фонаре было полным-полно золотистого света. Девочка поглядывала на корзинку с ягодами, даже пыталась поддеть ее ножкой — так ей хотелось есть. Лея не понимала, что же произошло, почему не пришла подружка, и все ждала, когда же паук снимет с фонаря свои веревки и освободит ее. Но прошел день...

А в это время мастера сидели вокруг бассейна. Руки их были связаны за спиной, и, чтобы напиться,

приходилось вставать на колени и, перегнувшись через стенку бассейна, пить противную воду. Уйти они никуда не могли. Их охраняли молчаливые грубы, и мастера печально сидели в полной темноте. Если в первый день глаза их кое-что различали в темноте, то теперь от горя свет в них окончательно померк.

Старый Лат был тут же. Где Лея, он не знал, и это терзало его сердце. Лицо мастера посерело и совсем сморщилось, седые волосы растрепались и торчали во все стороны. Впрочем, этого никто не видел, кроме грубов, которым было все равно.

— Нам никогда больше не увидеть солнышка, — сказал кто-то, сидящий рядом с Латом. — Если бы мне разок глянуть на солнце, я бы стал сильным и не боялся бы грубов-разбойников.

И старый Лат ответил:

— Да, да. Нельзя жить беспечно, если рядом с добром уживается зло, если сильные обижают слабых. Надо уметь постоять за себя.

— Ах, мне бы только взглянуть на солнце! — повторил тот же молодой и тоскливый голос и замолк, потому что знал, что сейчас с голубого неба вовсю светит ласковое солнце, но ни один луч не может проникнуть сюда, под сырую крышу.

Слышавшие этот разговор молики тяжело вздохнули и впервые заплакали.

Гей с другом муравьем вышел из леса и увидел впереди себя большую грязную коробку, возле которой бегал черный великан и кого-то яростно топтал сапогами. Друзья спрятались за дерево. Скоро они разглядели, как из-под самых подошв великана выпрыгивают кузнечики и прячутся в траву. Один из них шлепнулся рядом с Геем и от неожиданности вскрикнул.

— Не бойся, — сказал Гей. — Что это за страна? Почему этот большой и черный топчет вас, маленьких?

И кузнечик рассказал Гею и муравью все, что знал. Долго сидел мальчик с опущенной головой, пока муравей не пощекотал его усиками и сказал:

— Ты не должен так переживать за дела грубов. Ты совсем не похож на них, ты другой. Вставай и пойдем отсюда. Есть же на свете другие, спокойные места.

— Нет, друг мураш. — Гей покачал головой. — Разве тебе не жалко добрых и доверчивых моликов? Не жалко старого мастера Лата?

— Его внучку, девочку Лею, замуровали в высокой башне, я видел! — протрещал кузнечик. — Она была так добра ко мне! Я танцевал, а она так смеялась!

Муравей подумал, погладил лапками свою большую голову, потом заговорил:

— Мне стыдно за свои слова, Гей. Разве с такими челюстями боятся врагов? С ними надо драться везде, где они есть. Вот что я придумал...

— Ты самый смелый среди муравьев, — сказал Гей и ласково поглядел на друга. — Говори, что ты придумал.

— Сделай себе котомочку, — а меня нагрузи дубинками, — посоветовал муравей. — Разве я плохо сказал?

Гей обхватил руками его шею.

— Ты настоящий друг мне и им, — он показал на замурованный город. — Ты хорошо сказал, Мураш, а еще лучше придумал.

Муравей покраснел от похвалы, но тут же снова стал серьезным и черным.

— Мы кузнечики, — вдруг протрещал кузнечик. — Мы хорошие кузнецы и разведчики! Мы здорово дрались с пауками и злыми горбунами, но у нас не было оружия. Теперь мы накуем много острых пик!

— Так и скажи своим братьям, — попросил Гей. — Пусть быстро и весело куют пики, а сам возвращайся.

Кузнечик постучал о землю ногами, на которых не хватало одного башмака, оттолкнулся и упрыгнул.

Вот какую картину можно было видеть некоторое время спустя: по дороге к оставленному в стене входу тащился тяжело нагруженный дубинками огромный муравей. Подгонял его прутиком сгорбленный груб. Часовые стояли опершись на свои дубинки и, казалось, спали. Ашурбод заляпанной в глине рукой подмазывал крышу.

Муравей и погонщик беспрепятственно вошли в город, причем, как только они очутились в темноте, груб-погонщик ухватился за лапку муравья.

— Быстрее сюда! — проговорил он. — Надо сбросить дубинки, а то они задавят нашего друга.

В пустом доме Гей снял котомку, потом быстро разгрузил муравья. Под дубинками оказался кузнечик. Он немножко попрыгал и сказал:

— Размял косточки. Теперь я готов.

— Тише, — шепнул муравей. — Ти-ше.

Друзья переждали, пока мимо окон пройдет патруль грубов, и выскользнули на улицу.

Мастера удивленно смотрели на приближающиеся к ним огоньки. Оказалось, что это светились гнилушки в руках грубов. Они расставили гнилушки вокруг бассейна и холодный голубоватый свет тускло осветил сидящих на земле моликов. К ним на своей лягушке подъехал Граб и долго молча разглядывал пленников.

— Слушайте, доброглазые, — мрачно заговорил он. — Мне докладывали, что вы хорошие мастера. Я придумал для вас работу. Эй, сюда!

Граб махнул рукой, и тотчас, сгибаясь под тяжестью мешков, вперед выдвинулись муравьи-рабы. Они вытряхнули на землю кучу золотых и серебряных изделий, сработанных раньше моликами.

— Переделайте все это в одну длинную и прочную цепь, — приказал Граб. — Пусть каждый потом намотает ее на шею другому и намертво заклепает. Никогда, слышите, никогда! ни один из вас не снимет ее. — Король скривил губы. — Вы были очень дружны, так пусть же золотая цепь будет свя-

зывать вас до смерти. Потом я возьму ее в свою казну. Вы не рады?.. Эй, стража, дайте им инструмент.

Грубы поставили перед каждым мастером по наковальне, развязали руки и всунули в них молотки. Но молики не двигались. Тогда горбуны замахали дубинками, и то там, то тут начали несмело вызванивать наковальни. И вот каждый мастер сковал по одному звену, соединил его с соседским, и единая цепь была готова. Отблескивая, она лежала на земле вокруг бассейна и, казалось, душила его.

— Одной мало, — решил Граб. — Куйте еще!

И снова застучали молоточки. Нет, не весело они стучали. Но вдруг головы всех, и мастеров и грубов, повернулись к бассейну. Там, на кирпичной стенке, появился освещенный светом гнилушек кузнечик. Встав на задние ножки, на которых не хватало одного башмака, кузнечик начал четко пристукивать ими по кирпичной кладке:

Чик-чики,
Чик-чики,
Чик-чики,
    Чи!
Близок конец
Непроглядной ночи.
Сразу, как солнышка
Брызнут лучи, —
Дружно!
К оружию!
Чик-чики,
    Чи!

Пришедшие в себя от дерзкой выходки кузнечика, грубы бросились ловить его. Но смелый плясун на глазах изумленных моликов столкнул одного захватчика в воду и был таков. Граб тут же послал в погоню за кузнечиком целый отряд пауков-крестовиков и взвод королевских гвардейцев.

— Обшарить каждый дом, каждый чердак! — кричал он. — Проверить все подвалы и пожарную каланчу! Позвать ко мне кукушонка!

Из темноты приковылял кукушонок, поклонился.

— Передай мой приказ Ашурбоду. Пусть вытопчет до черной земли всю траву вокруг города! — распорядился Граб. — Никто не смеет приблизиться к моим владениям незамеченным.

Кукушонок снова поклонился и отступил в темноту. Граб остался сидеть у бассейна на своей лягушке, которая печально смотрела в такую желанную для нее, такую заплесневевшую воду.

Как только стража успокоилась и встала на свои места, молики снова застучали молоточками. Но никто не видел, как низко склонившись над наковальней, старый Лат кует короткий и острый серебряный меч. Когда меч был готов, мастер тайно передал его тому самому молику, который хотел хоть один еще раз взглянуть на солнце.

— Бери, — прошептал Лат. — Я уже стар, чтобы учиться воевать, и силы в руках не то что у тебя. Бери и передай всем мои слова: пусть медленно ку-

ются цепи, а быстро мечи. Кузнечик принес нам добрую весть. Пусть мастера спешат.

Гей с муравьем проникли в пожарную каланчу и теперь осторожно поднимались вверх по винтовой лестнице, пока мальчик не уперся головой в потолок.

— Должна быть дверь, — прошептал он, щупая руками. — Вот и кольцо.

Он повернул кольцо и поднял крышку люка. В глаза больно ударил яркий свет, и Гей заслонился рукой.

— Пролазь, — подталкивал сзади муравей. — Внизу какая-то возня!

Глаза Гея немножко освоились со светом, и он увидел стоящую у стены девочку. Мальчик быстро пролез в люк и подбежал к ней. Лея удивленно смотрела на незнакомца и на большого черного муравья. Она так ослабла, что почти висела на приклеенных руках, но глаза ее по-прежнему сияли, и золотистый свет наполнял фонарь каланчи.

Муравей тут же влез на стену, и орудуя челюстями, освободил руки девочки. Лея опустилась на пол. Онемевшие руки не шевелились, и она, сидя спиной к стене, устало улыбалась своим спасителям.

В этот момент снизу кто-то постучал. Муравей подбежал к люку, грозно развел челюсти.

— Братья, это я! — донесся голос кузнечика. — К вам подбирались два паука, но теперь их нет.

Гей поднял крышку, и кузнечик впрыгнул в фонарь. Он сразу же кинулся к Лее, огладил лапками ее похудевшее лицо.

— Чики, — проговорила девочка. — Милый Чики-чик.

Кузнечик прыгнул к корзинке, ухватил одну ягоду и подал Лее.

— Это лесная клубника, — затрещал он. — Ешь и снова станешь веселой.

Гей только теперь догадался подать девочке корзинку. Пока Лея занималась ягодами, друзья посовещались и проводили кузнечика. Он должен был ворваться в город с отрядом своих братьев через оставленную грубами отдушину. Уже прыгая вниз по лестнице, кузнечик крикнул:

— Горбуны ищут меня. Будьте на чики-чеку!

Гей опустил люк на место, встал на него.

— Девочка Лея, — сказал он. — Ты сейчас закроешь глаза и откроешь их, когда я скажу.

— Зачем? — улыбаясь, спросила Лея. — Станет темно. — Она подумала. — Но если вам так надо.

Она закрыла глаза, и в фонаре сразу стало темно, как под одеялом. Муравей быстро вырезал залепившую окно паутину, вылез наружу и принялся за работу. Гей стоял в люке и слышал, как по лестнице кто-то осторожно поднимается вверх.

— Мураш! — окликнул он друга. — Быстрее освобождай фонарь.

Снизу стали приподнимать крышку люка, но она, придавленная Геем, не поддалась. Тогда снизу

чем-то ударили. От стука у Леи дрогнули веки, и яркий сноп света на секунду блеснул в башне.

А снизу уже колотили вовсю, и злые голоса грубов гулом наполнили башню. Им удалось приподнять крышку и просунуть в щель дубинку, но Гей подпрыгнул, и крышка снова захлопнулась. Гей присел и взял в руки дубинку. Снова приподнялась крышка, и он понял — лезут в щель и их много. Грубы тяжело сопели и ругались.

Гей поднял дубинку и с силой опустил ее на головы грубов.

Раздался вопль, и вслед за ним крышка люка хлопнула и плотно легла на свое место. А по винтовой лестнице кто-то из грубов катился вниз и не переставая орал.

— Все готово! — доложил муравей. — Фонарь свободен. Продержись здесь совсем немного. Скоро придет подмога.

С этими словами муравей сбежал вниз по стене каланчи и со всех ног бросился к выходу из города.

Лея сидела на полу, крепко зажмурив глаза, и вздрагивала от стука грубов. Девочка смутно догадывалась, что произошло что-то плохое, и сердце ее замирало от страха. Ей захотелось поскорее домой к дедушке Лату, но она помнила наказ мальчика и не вставала с места.

Между тем грубы все время пытались откинуть крышку люка и ворваться в башню. Гей отбивал их атаки одну за другой. И вот подошло время, когда он сказал:

14—931

— Теперь открой глаза и подойди к тому окошку, которое смотрит на площадь. Скорее!.. Ты разве не слышишь?

— Я уже открыла, — печально отозвалась из темноты Лея, и Гей уловил в ее голосе слезы.

— Не смей плакать! — закричал он, подпрыгивая на люке, который снова начали приподнимать грубы.

— А что такое — плакать? — спросила Лея.

Она встала на ноги и, вытянув руки, пошла на голос Гея.

— Ты где, мальчик?

Гей взял ее за руки и втащил к себе на крышку люка. Теперь ломившимся грубам стало совсем тяжело поднимать ее, и они о чем-то заспорили. Гей держал девочку за руку и недоумевал — куда же делся свет ее глаз. В темноте еле-еле мерцали какие-то желтые точки, и мальчик все понял: слезы застилали свет. И еще он увидел, как светлые капельки падали на пол и там ярко разбивались и гасли.

— Лея! — крикнул Гей. — Слезы воруют свет! Ты должна сейчас же засмеяться, слышишь?

— Но мне совсем не весело, — ответила девочка. — У меня даже сердце стало тихим-тихим. Я нехочу больше оставаться в этой башне.

Мальчик прижал ее голову к груди и заговорил:

— Я тоже не хочу оставаться в этой башне, но в городе темно, потому что в него пришла беда. Вытри

слезы, улыбнись и выгляни в окно. Ты увидишь дедушку Лата. Он сидит на площади у бассейна и ждет.

— Беда, это пауки? — переспросила Лея. — Я теперь все знаю и выгляну!

Она спрыгнула с люка, и Гей заметил, как темнота стала рассеиваться. Он отчетливо видел корзинку, оконные переплеты фонаря башни и Лею. Свет, еще не совсем прежний, но сиял в глазах девочки. Горбуны тут же начали приподнимать крышку, и Гей запрыгал на ней.

— Ты танцуешь, как Чики-Чик! — Лея улыбнулась, и глаза ее ярко засияли.

Золотистый свет наполнил фонарь, и темнота отхлынула от башни. Девочка встала на корзинку, высунулась в окно.

— Дедушка-а! — закричала она. — Я здесь!

Но тут в окно заглянул пучеглазый паук-крестовик, за ним другой, третий...

Как только из фонаря каланчи ударил сноп света и осветил площадь, бассейн, сидящих на земле мастеров и охраняющих их грубов, мудрый Лат поднялся. Грозен был вид старого мастера. Седые волосы из-под шапочки торчали в разные стороны, сквозь прорванную куртку виднелось исхудалое тело.

— Мо-олики! — загремел над площадью его голос. — Станьте смелыми и беспощадными! Над нами — солнце, перед нами — враг!

Молики вскочили на ноги и, потрясая сверкающими мечами, бросились на ослепших от яркого

света грубов. Они быстро расправились с охраной и чуть было не добрались до самого Граба. Но перепуганная лягушка так понесла его прочь, что догнать его было невозможно. Воодушевленные молики потеснили растерявшихся захватчиков. Треск, крики и топот стоял над площадью. Уже дрогнули грубы и бросились вон из города, но подоспела королевская гвардия и отряды пауков-крестовиков. Они яростно набросились на мастеров и стали отбивать их назад к бассейну. А из фонаря пожарной каланчи ярко струился свет, и, глядя на него, молики дрались смело.

А что в это время делал муравей?

Он незаметно прошмыгнул мимо часовых, охраняющих город, и теперь карабкался вверх по спине Ашурбода, который вытаптывал огромными сапогами зеленую траву. Муравей, еще когда входил в город, заметил в отверстии головы великана своего врага Мохнобрюха и решил расправиться с ним. Он добрался до отверстия и заглянул внутрь. Мохнобрюх спокойно лежал на спине и, поглаживая брюхо, наблюдал за вращающимися шестеренками.

— Ну, берегись, главный палач! — крикнул муравей и прыгнул на паука.

Сцепившись, они стали кататься вокруг механизма. Мохнобрюх был очень силен и изворотлив, и, когда у муравья отломилась одна челюсть, он совсем насел на него.

— Раб! — шипел Мохнобрюх. — Я съем тебя!

Но муравей изловчился и из последних сил ударил его ногами в круглое брюхо. От удара Мохнобрюх попятился, запнулся и опрокинулся под шестеренки.

И как тогда, когда Мохнобрюх сунул кирпич под зубья шестеренок и механизм начал вращаться в обратную сторону, так и теперь, ударившись зубьями о Мохнобрюха, шестеренки закрутились в своем прежнем направлении. Как только это произошло, Ашурбод затряс головой и с испугом уставился на закрывшую город коробку. Потом перепачканными в глине руками так сдавил лицо, что по щекам поползли черные слезы.

— Что я наделал? — выкрикнул он и огромным сапогом пробил в стене дыру.

Еще не успела осесть пыль, как в пролом устремились стройные ряды кузнечиков с пиками в передних лапах. Впереди всех подпрыгивал в одном башмаке Чики-Чик и громко стучал в барабан. Муравей сбежал вниз и присоединился к ним.

Увидев подмогу, молики воспрянули духом и с двух сторон ударили по грубам. Ах, как заметались в кольце вислоносые захватчики! Они бросились спасаться в дома и подвалы, но их всюду доставали острые пики кузнечиков и светлые мечи мастеров. Сам Граб на своей лягушке не ускакал далеко. Лягушка прыгнула в бочку с позеленевшей водой и увлекла за собой Граба. От короля горбунов остался плавать на поверхности только завядший колокольчиковый колпак, вокруг которого всплывали и

лопались грязные пузыри. Увидя гибель короля, грубы начали отступать в другой угол, куда не доходил свет из каланчи и где было темно и сыро. Когда шум сражения отдалился, из бочки вынырнул Граб. Отфыркиваясь, он выбрался из нее и со всех ног бросился вон из города.

Лея видела бой и старалась удержать себя у окна. Ей было страшно вдвойне. Перед нею дрались на площади мастера с грубами, а рядом отбивался дубинкой от пауков мальчик.

— Там Чики-Чик! — вдруг крикнула Лея и протянула вперед руку.

— Молодец, Чик! — сказал Гей и оглушил дубинкой последнего паука.

Крестовик полетел вниз, ударился о крышу дома, подпрыгнул и шлепнулся на мостовую.

Мальчик выглянул в окно и заметил, как в темном углу города поднимается зарево. Отблески пожара плясали на стенах домов и по низкому потолку, нависшему над городом. Гей ничего не успел придумать, как мимо каланчи промчался черный великан.

Всю крышу вмиг порушу я,
Добруша я, Добруша я!

Так кричал великан, пробегая по улицам, и скоро исчез там, где плескались языки пламени. Добруша расшатал один столб, и крыша, уже объятая пламенем, стала падать на город. Что бы произошло с

Малявкинбургом, догадаться нетрудно, но Добруша уперся руками в крышу и удержал ее. Так, неся крышу над головой, он вышел за город, но там ноги его подогнулись под огромной тяжестью и он рухнул на землю. Столб пыли и дыма поднялся над великаном.

Сразу, как только не стало крыши, город наполнился солнечным светом. Ликующие молики гнали к лесу жалкие остатки войска грубов, и скоро ни одного завоевателя не осталось в Малявкинбурге. Израненные и усталые собрались молики у бассейна. Они уже знали, кому обязаны своим освобождением, и, когда из каланчи вышли Гей с Леей, радостно приветствовали их. Многие плакали и смеялись одновременно. Старый Лат обнял Лею и Гея.

— Мальчик, — сказал он. — Ты пришел к нам другом, и мы благодарим тебя. Оставайся, будь нам сыном. А мы, как и раньше, будем трудиться, но теперь под руками у нас всегда будет лежать оружие, потому что надо не только уметь дружить и делиться радостью, но и защищать радость и дружбу.

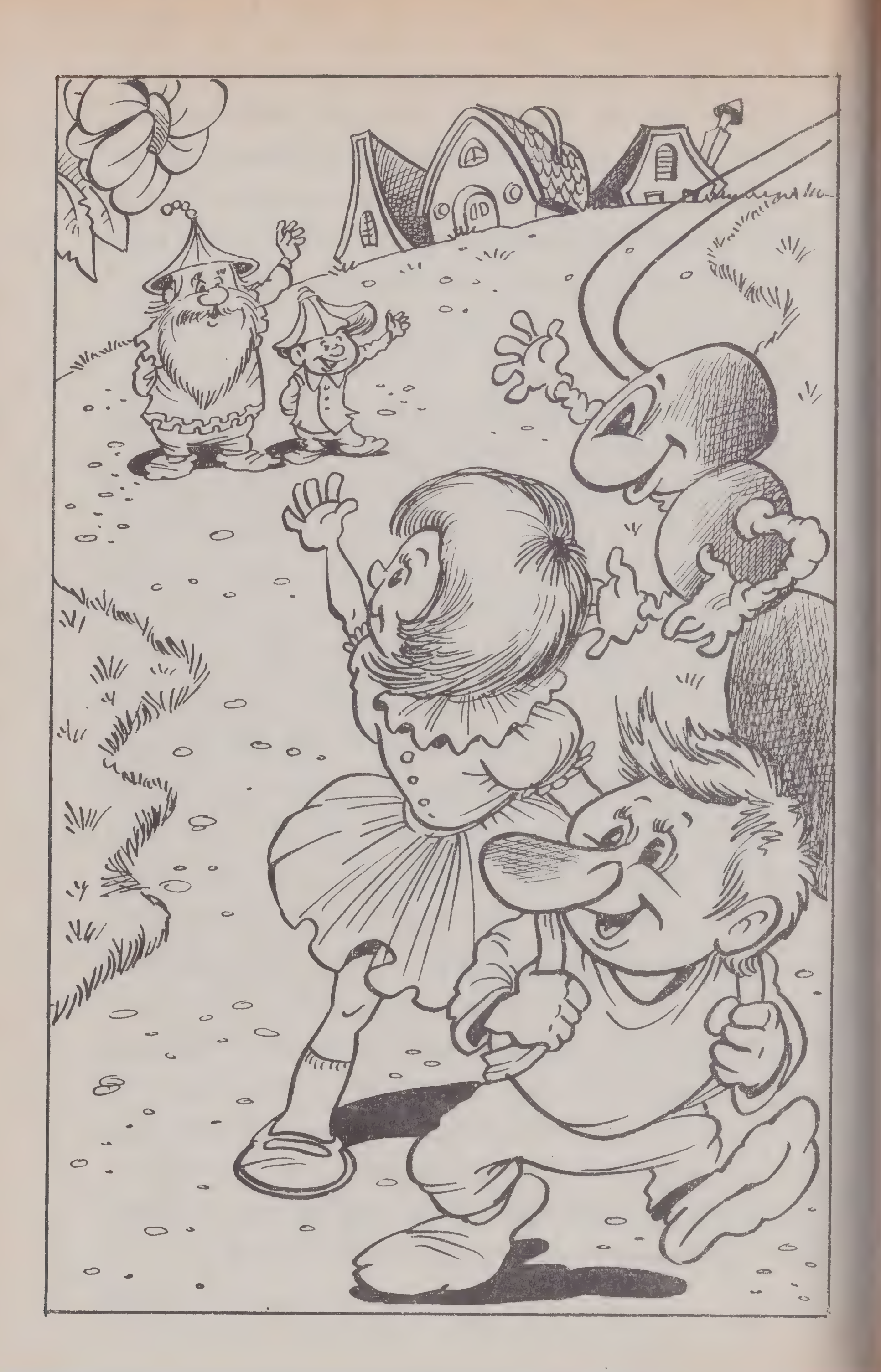
— Да будет так! — хором сказали молики.

— Молики! — продолжал старый Лат. — Не надо горевать, что мы научились плакать. Слезы тоже не всегда бывают горькими. Вот как сейчас. — И мастер вытер мокрые глаза.

Все уцелевшие мастера собрались за городом возле огромной кучи золы, из которой торчали обгоревшие прутья. Долго искали молики хоть что-

нибудь, что осталось от резинового великана, но ничего, кроме сплавившихся шестеренок, не нашли.

Несколько дней мастера приводили в порядок свой город. Они соскоблили со стен домов плесень и заново покрасили их белой краской, вычистили бассейн и налили в него чистой воды. И опять город зажил прежней жизнью. Уже ничто не напоминало моликам о грозном нашествии грубов. Все реже и реже доносилось из леса тоскливое «ку-ку!». Это потерявший хозяев кукушонок летал и все не мог найти на земле родного пристанища. Теперь подходы к городу охраняли кузнечики во главе со своим храбрым Чики-Чиком. Он уже давно щеголял в новой паре золотых башмаков. Муравью старый Лат выковал взамен сломанной челюсти новую — из звонкого серебра. Теперь Мураш руководил постройкой муравьиного города, воздвигаемого бывшими рабами-муравьями рядом с городом мастеров. Наполненные трудом и заботами, дни проходили быстро, но все чаще поднимался Гей на пожарную каланчу и подолгу смотрел в ту сторону, откуда пришли они с другом Мурашем в город мастеров. Ведь там была его родина. И как ни старались молики развлечь Гея, он с каждым новым днем становился все грустнее и задумчивее. Старый Лат понял: не удержать им мальчика ни лаской ни силой. Родная земля зовет его, а разве есть на свете любовь сильнее любви к родине?

И вот пришел этот день, когда Гей попросил Лата, чтобы все мастера собрались на площади. Глашатаи объявили его просьбу, трубя в звонкие трубы, и молики начали сходиться на площадь. Там, у бассейна, их ждал Гей. Рядом с ним находился Мураш. Его новая челюсть сверкала, отбрасывая по сторонам солнечных зайчиков.

Старый Лат пришел с Леей. Он держал свою руку на ее плече и что-то печально нашептывал, а что именно — разобрать девочка не могла, так громко стучало ее сердце.

— Что ты решил нам сказать? — спросили Гея мастера. — Ты друг нам. Требуй что хочешь.

С грустью поглядел на них Гей и ответил:

— Я должен пойти в мою страну. Король Граб спасся и может снова прийти сюда с войском. Надо расправиться с ним. Мне помогут братья, которые и так уже заждались меня. Я иду.

— Правильно! — поддержал муравей. — Давно нам пора сдержать свое слово. Пчелкам и улиткам тоже нужна свобода. Там их охраняет большой отряд. Будет жаркое дело.

И молики не стали удерживать их. Тогда Лея взяла мастера Лата за руку и сказала:

— Отпусти и меня. В подземелье, куда идут мои друзья, никогда не заглядывает солнце, а я пройду.

Ничего не ответил старый мастер, только молча кивнул головой. Лея отошла к Гею, рядом с кото-

рым стоял довольный Мураш. Низко поклонились друзья мастерам и зашагали к лесу.

Что нам встретится в пути,
Мы не знаем, но смелее,
Раз, два, три!
Вперед иди —
Гей! Мураш! и Лея!

Пели они, все дальше и дальше удаляясь от города, и солнечная пыль оседала на их следы.

А.Гайдар

СКАЗКА ПРО ВОЕННУЮ ТАЙНУ, МАЛЬЧИША-КИБАЛЬЧИША И ЕГО ТВЕРДОЕ СЛОВО

В те дальние-дальние годы, когда только что отгремела по всей стране война, жил да был Мальчиш-Кибальчиш.

В ту пору далеко прогнала Красная Армия белые войска проклятых буржуинов, и тихо стало на тех широких полях, на зеленых лугах, где рожь росла, где гречиха цвела, где среди густых садов да вишневых кустов стоял домишко, в котором жил Мальчиш, по прозванию Кибальчиш, да отец Мальчиша, да старший брат Мальчиша, а матери у них не было.

Отец работает — сено косит. Брат работает — сено возит. Да и сам Мальчиш то отцу, то брату помогает или просто с другими мальчишами прыгает да балуется.

Гоп!.. Гоп!.. Хорошо! Не визжат пули, не грохают снаряды, не горят деревни. Не надо от пуль на пол ложиться, не надо от снарядов в погреба прятаться, не надо от пожаров в лес бежать. Нечего буржуинов бояться. Некому в пояс кланяться. Живи да работай — хорошая жизнь!

Вот однажды — дело к вечеру — вышел Мальчиш-Кибальчиш на крыльцо. Смотрит он — небо ясное, ветер теплый, солнце к ночи за Черные Горы садится. И все бы хорошо, да что-то нехорошо. Слышится Мальчишу, будто то ли что-то гремит, то ли что-то стучит. Чудится Мальчишу,

будто пахнет ветер не цветами с садов, не медом с лугов, а пахнет ветер то ли дымом с пожаров, то ли порохом с разрывов. Сказал он отцу, а отец усталый пришел.

— Что ты? — говорит он Мальчишу. — Это дальние грозы гремят за Черными Горами. Это пастухи дымят кострами за Синей Рекой, стада пасут да ужин варят. Иди, Мальчиш, и спи спокойно.

Ушел Мальчиш. Лег спать. Но не спится ему — ну, никак не засыпается.

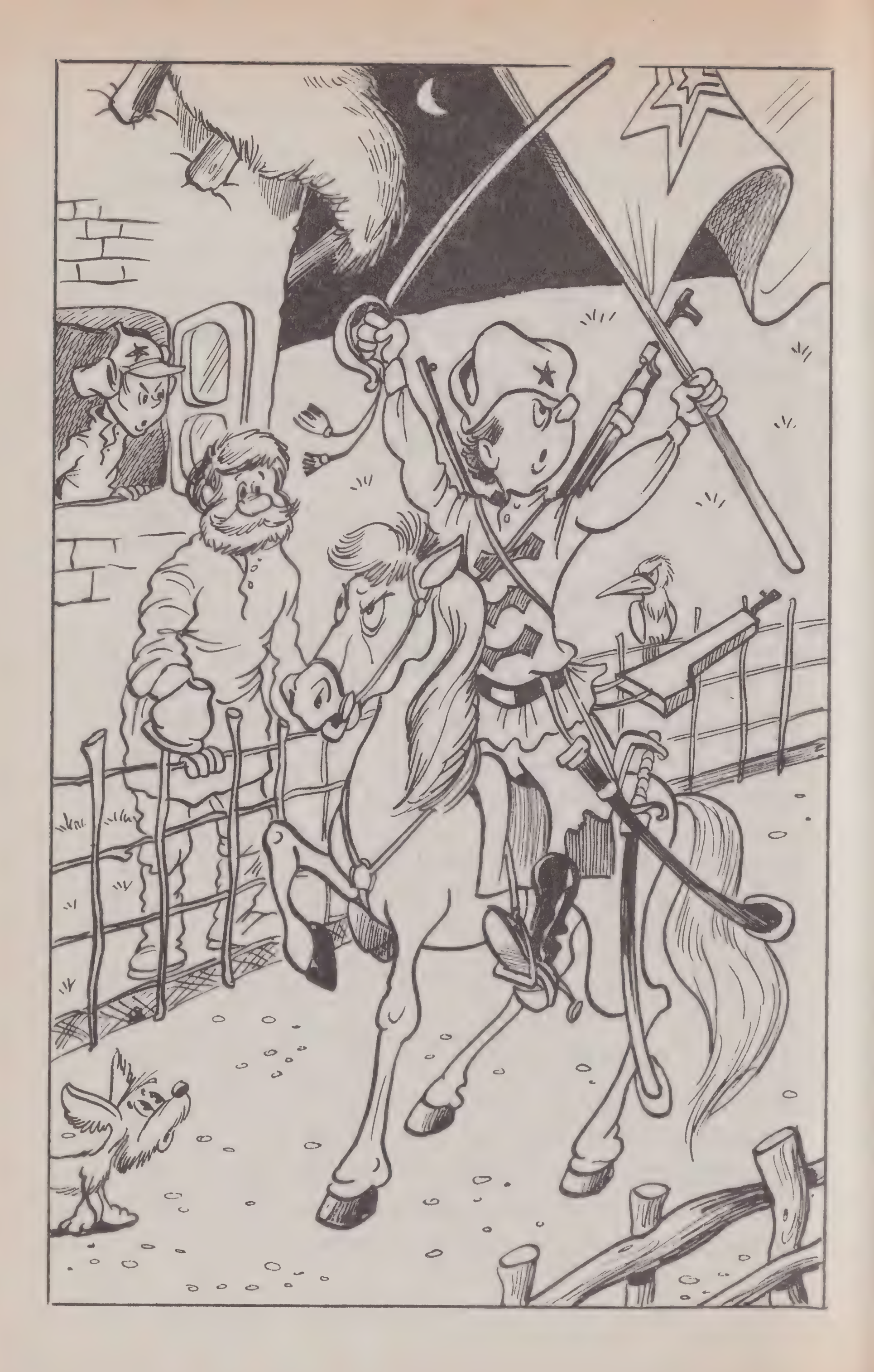
Вдруг слышит он на улице топот, у окон — стук. Глянул Мальчиш-Кибальчиш, и видит он: стоит у окна всадник. Конь — вороной, сабля — светлая, папаха — серая, а звезда — красная.

— Эй, вставайте! — крикнул всадник. — Пришла беда, откуда не ждали. Напал на нас из-за Черных Гор проклятый буржуин. Опять уже свистят пули, опять уже рвутся снаряды. Бьются с буржуинами наши отряды, и мчатся гонцы звать на помощь далекую Красную Армию.

Так сказал эти тревожные слова краснозвездный всадник и умчался прочь. А отец Мальчиша подошел к стене, снял винтовку, закинул сумку и надел патронташ.

— Что же, — говорит старшему сыну, — я рожь густо сеял — видно, убирать тебе много придется. Что же, — говорит он Мальчишу, — я жизнь круто прожил, и пожить за меня спокойно, видно, тебе, Мальчиш, придется.

Так сказал он, крепко поцеловал Мальчиша и ушел. А много ему расцеловываться некогда было, потому что теперь уже всем и видно и слышно было,

как гудят за лугами взрывы и горят за горами зори от зарева дымных пожаров...

День проходит, два проходит. Выйдет Мальчиш на крыльцо: нет... не видать еще Красной Армии. Залезет Мальчиш на крышу. Весь день с крыши не слезает. Нет, не видать. Лег он к ночи спать. Вдруг слышит он на улице топот, у окошка — стук. Выглянул Мальчиш: стоит у окна тот же всадник. Только конь худой да усталый, только сабля погнутая, темная, только папаха простреленная, звезда разрубленная, а голова повязанная.

— Эй, вставайте! — крикнул всадник. — Было полбеды, а теперь кругом беда. Много буржуинов, да мало наших. В поле пули тучами, по отрядам снаряды тысячами. Эй, вставайте, давайте подмогу!

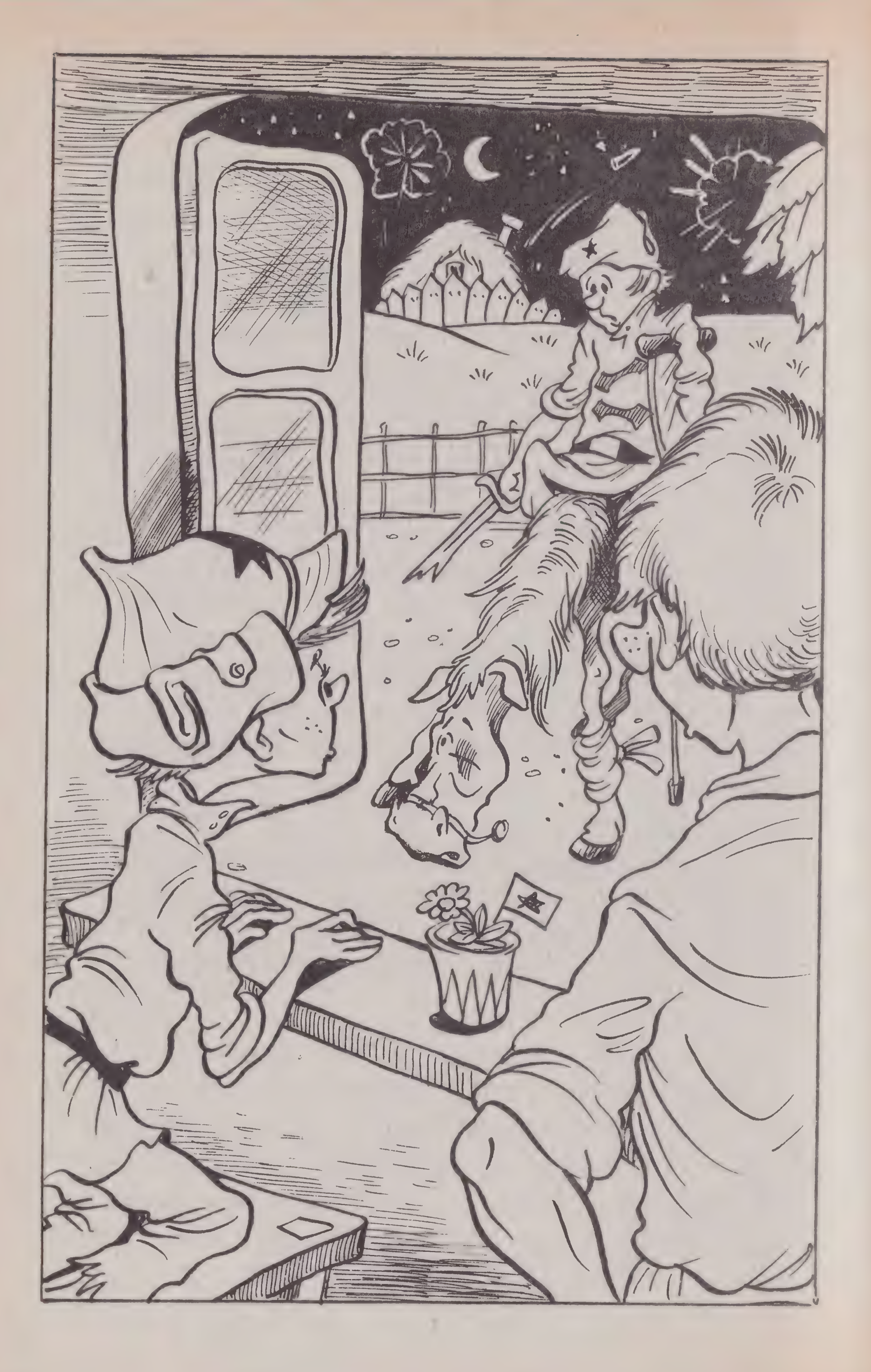
Встал тогда старший брат, сказал Мальчишу:

— Прощай, Мальчиш... Остаешься ты один... Щи в котле, каравай на столе, вода в ключах, а голова на плечах... Живи, как сумеешь, а меня не дожидайся.

День проходит, два проходит. Сидит Мальчиш у трубы на крыше, и видит Мальчиш, что скачет издалека незнакомый всадник.

Доскакал всадник до Мальчиша, спрыгнул с коня и говорит:

— Дай мне, хороший Мальчиш, воды напиться. Я три дня не пил, три ночи не спал, три коня загнал. Узнала Красная Армия про нашу беду. Затрубили трубачи во все трубы сигнальные. Забили барабанщики во все громкие барабаны. Развернули знаменосцы все боевые знамена. Мчится и скачет на

помощь вся Красная Армия. Только бы нам, Мальчиш, до завтрашней ночи продержаться.

Слез Мальчиш с крыши, принес напиться. Напился гонец и поскакал дальше.

Вот приходит вечер, и лег Мальчиш спать. Но не спится Мальчишу — ну, какой тут сон?

Вдруг он слышит на улице шаги, у окошка — шорох. Глянул Мальчиш и видит: стоит у окна все тот же человек. Тот, да не тот: и коня нет — пропал конь, и сабли нет — сломалась сабля, и папахи нет — слетела папаха, да и сам-то стоит — шатается.

— Эй, вставайте! — закричал он в последний раз. — И снаряды есть, да стрелки побиты. И винтовки есть, да бойцов мало. И помощь близка, да силы нету. Эй, вставайте, кто еще остался! Только бы нам ночь простоять да день продержаться.

Глянул Мальчиш-Кибальчиш на улицу: пустая улица. Не хлопают ставни, не скрипят ворота — некому вставать. И отцы ушли, и братья ушли — никого не осталось.

Только видит Мальчиш, что вышел из ворот один старый дед во сто лет. Хотел дед винтовку поднять, да такой он старый, что не поднимет. Хотел дед саблю нацепить, да такой он слабый, что не нацепит. Сел тогда дед на завалинку, опустил голову и заплакал.

Больно тогда Мальчишу стало. Выскочил тогда Мальчиш-Кибальчиш на улицу и громко-громко крикнул:

— Эй же, вы, мальчиши, мальчиши-малыши! Или нам, мальчишам, только в палки играть да в скакалки скакать? И отцы ушли, и братья ушли. Или нам, мальчишам, сидеть дожидаться, чтоб бур-

жуины пришли и забрали нас в свое проклятое буржуинство?

Как услышали такие слова мальчиши-малыши, как заорут они на все голоса! Кто в дверь выбегает, кто в окно вылезает, кто через плетень скачет.

Все хотят идти на подмогу. Лишь один Мальчиш-Плохиш захотел идти в буржуинство. Но такой был хитрый этот Плохиш, что никому ничего не сказал, а подтянул штаны и помчался вместе со всеми, как будто бы на подмогу.

Бьются мальчиши от темной ночи до светлой зари. Лишь один Плохиш не бьется, а все ходит да высматривает, как бы это буржуинам помочь. И видит Плохиш, что лежит за горкой громада ящиков, а спрятаны в тех ящиках черные бомбы, белые снаряды да желтые патроны. «Эге, — подумал Плохиш, — вот это мне и нужно».

А в это время спрашивает Главный Буржуин у своих буржуинов:

— Ну что, буржуины, добились вы победы?

— Нет, Главный Буржуин, — отвечают буржуины, — мы отцов и братьев разбили, и совсем была наша победа, да примчался к ним на подмогу Мальчиш-Кибальчиш, и никак мы с ним все еще не справимся.

Очень удивился и рассердился тогда Главный Буржуин, и закричал он грозным голосом:

— Может ли быть, чтобы не справились с Мальчишем? Ах вы, негодные трусищи-буржуищи! Как это вы не можете разбить такого маловатого? Скачите скорей и не возвращайтесь назад без победы.

Вот сидят буржуины и думают: что же это такое им сделать? Вдруг видят: вылезает из-за кустов Мальчиш-Плохиш и прямо к ним.

— Радуйтесь! — кричит он им. — Это все я, Плохиш, сделал. Я дров нарубил, я сена натащил, и зажег я все ящики с черными бомбами, с белыми снарядами да с желтыми патронами. То-то сейчас грохнет!

Обрадовались тогда буржуины, записали поскорее Мальчиша-Плохиша в свое буржуинство и дали ему целую бочку варенья да целую корзину печенья.

Сидит Мальчиш-Плохиш, жрет и радуется.

Вдруг как взорвались зажженные ящики! И так грохнуло, будто бы тысячи громов в одном месте ударили и тысячи молний из одной тучи сверкнули.

— Измена! — крикнул Мальчиш-Кибальчиш.

— Измена! — крикнули все его верные мальчиши.

Но тут из-за дыма и огня налетела буржуинская сила, и схватила, и скрутила она Мальчиша-Кибальчиша.

Заковали Мальчиша в тяжелые цепи. Посадили Мальчиша в каменную башню. И помчались спрашивать: что же с пленным Мальчишем прикажет теперь Главный Буржуин делать?

Долго думал Главный Буржуин, а потом придумал и сказал:

— Мы погубим этого Мальчиша. Но пусть он сначала расскажет нам всю их Военную Тайну. Вы идите, буржуины, и спросите у него:

— Отчего, Мальчиш, бились с Красной Армией Сорок Царей да Сорок Королей, бились, бились, да только сами разбились?

NRBUQS

— Отчего, Мальчиш, и все тюрьмы полны, и все каторги забиты, и все жандармы на углах, и все войска на ногах, а нет нам покоя ни в светлый день, ни в темную ночь?

— Отчего, Мальчиш, проклятый Кибальчиш, и в моем Высоком Буржуинстве, и в другом — Равнинном Королевстве, и в третьем — Снежном Царстве, и в четвертом — Знойном Государстве в тот же день в раннюю весну и в тот же день в позднюю осень на разных языках, но те же песни поют, в разных руках, но те же знамена несут, те же речи говорят, то же думают и то же делают?

Вы спросите, буржуины:

— Нет ли, Мальчиш, у Красной Армии военного секрета?

И пусть он расскажет секрет.

— Нет ли у наших рабочих чужой помощи?

И пусть он расскажет, откуда помощь.

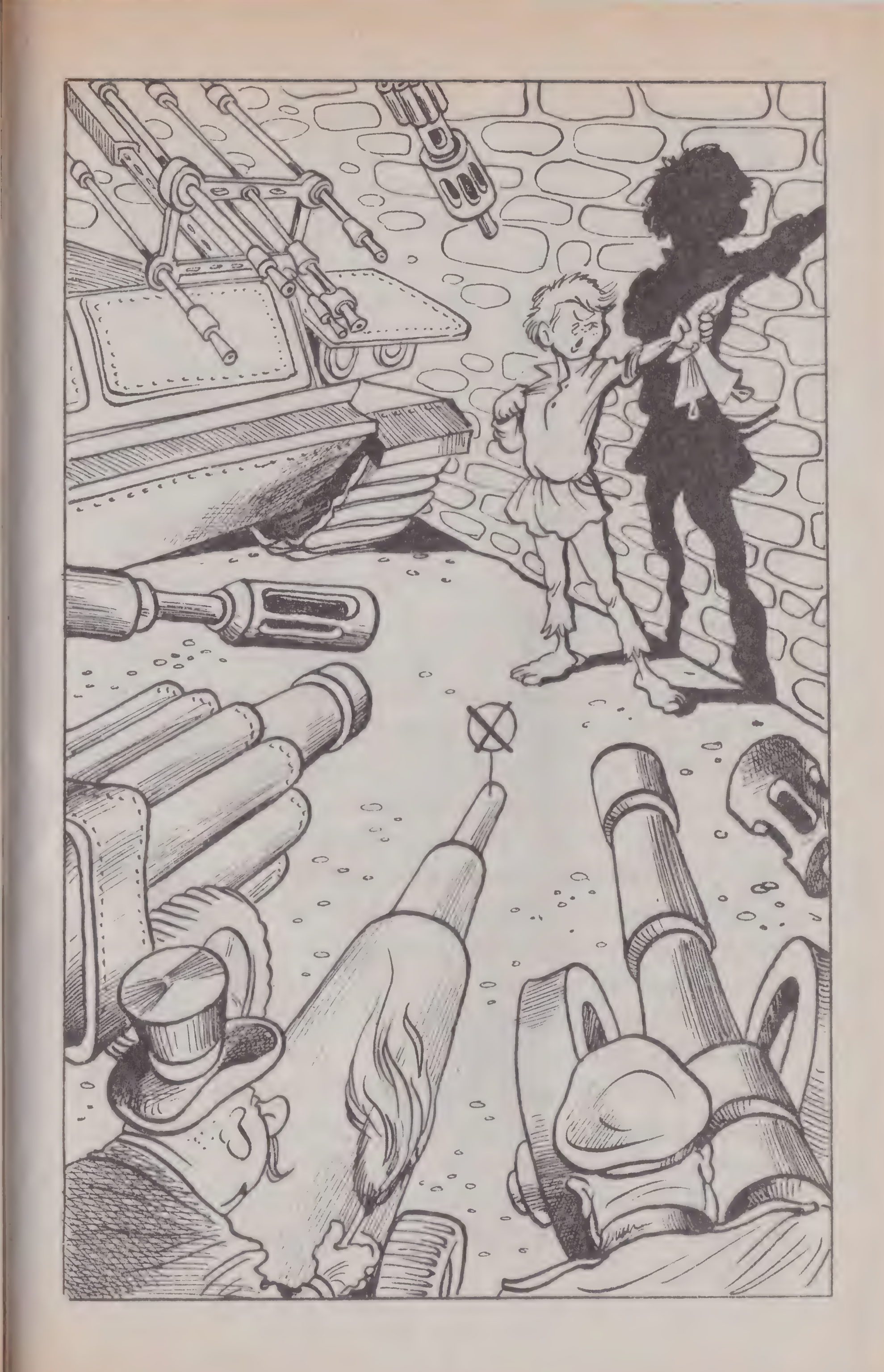
— Нет ли, Мальчиш, тайного хода из вашей страны во все другие страны, по которому как у вас кликнут, так у нас откликаются, как у вас запоют, так у нас подхватывают, что у вас скажут, над тем у нас задумаются?

Ушли буржуины, да скоро назад вернулись:

— Нет, Главный Буржуин, не открыл нам Мальчиш-Кибальчиш Военной Тайны. Рассмеялся он нам в лицо.

— Есть, — говорит он, — и могучий секрет у крепкой Красной Армии. И когда б вы ни напали, не будет вам победы.

— Есть, — говорит, — и неисчислимая помощь, и сколько бы вы в тюрьмы ни кидали, все равно не

перекидаете, и не будет вам покоя ни в светлый день, ни в темную ночь.

— Есть, — говорит, — и глубокие тайные ходы. Но сколько бы вы ни искали, все равно не найдете. А и нашли бы, так не завалите, не заложите, не засыплете. А больше я вам, буржуинам, ничего не скажу, а самим вам, проклятым, и ввек не догадаться.

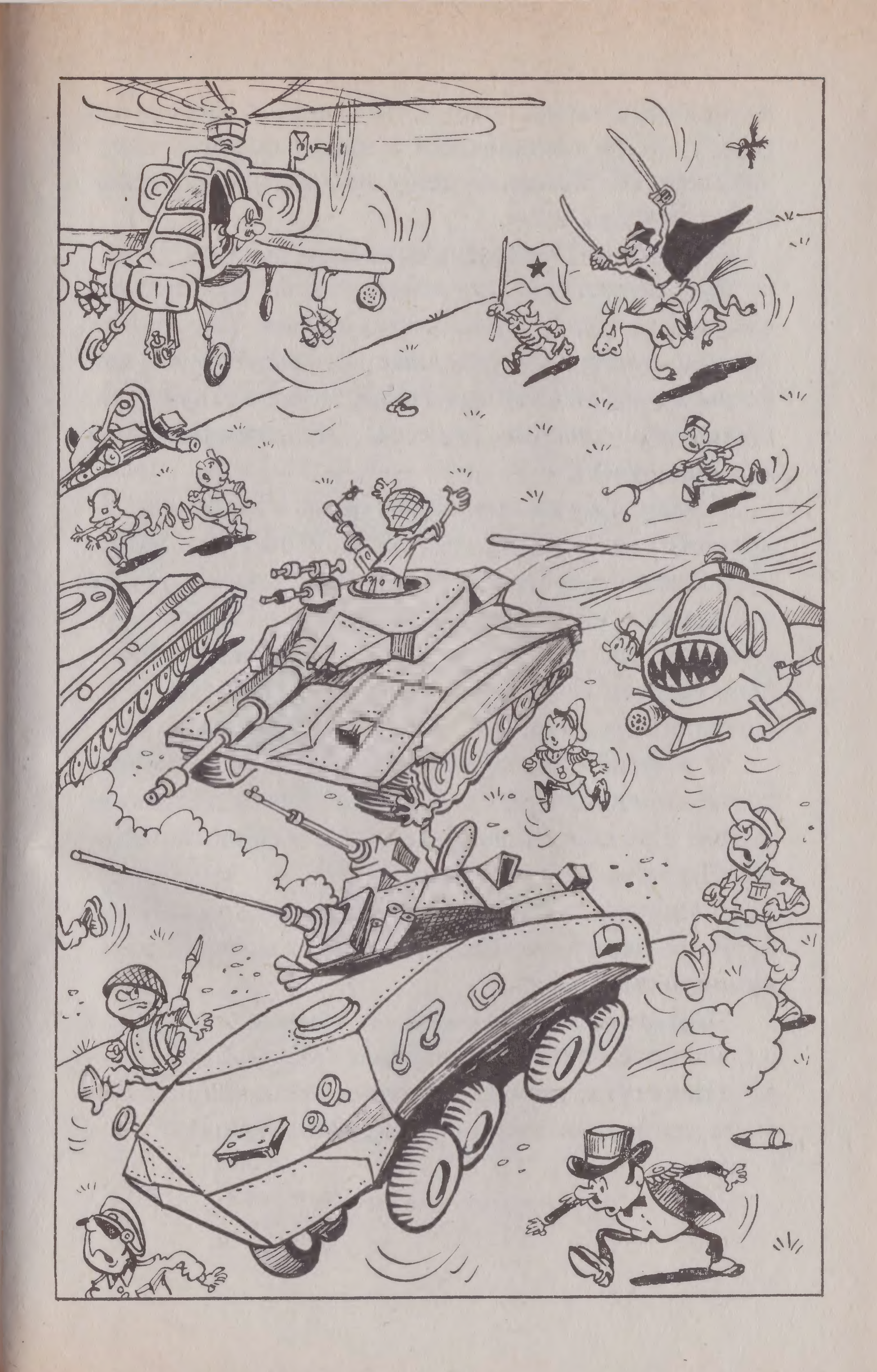
Нахмурился тогда Главный Буржуин и говорит:

— Сделайте же, буржуины, этому скрытному Мальчишу-Кибальчишу самую страшную Муку, какая только есть на свете, и выпытайте от него Военную Тайну, потому что не будет нам ни житья, ни покоя без этой важной Тайны.

Ушли буржуины, а вернулись теперь они не скоро. Идут и головами покачивают.

— Нет, — говорят они, — начальник наш Главный Буржуин. Бледный стоял он, Мальчиш, но гордый, и не сказал он нам Военной Тайны, потому что такое уж у него твердое слово. А когда мы уходили, то опустился он на пол, приложил ухо к тяжелому камню холодного пола, и, ты поверишь ли, о Главный Буржуин, улыбнулся он так, что вздрогнули мы, буржуины, и страшно нам стало, что не услышал ли он, как шагает по тайным ходам наша неминучая погибель?..

— Что это за страна? — воскликнул тогда удивленный Главный Буржуин. — Что же это такая за непонятная страна, в которой даже такие малыши знают Военную Тайну и так крепко держат свое твердое слово? Торопитесь же, буржуины, и погубите этого гордого Мальчиша. Заряжайте же пушки, вынимайте сабли, раскрывайте наши бур-

жуинские знамена, потому что слышу я, как трубят тревогу наши сигнальщики и машут флагами наши махальщики. Видно, будет у нас сейчас не легкий бой, а тяжелая битва.

И погиб Мальчиш-Кибальчиш...

Но... видели ли вы, ребята, бурю? Вот так же, как громы, загремели и боевые орудия. Так же, как молнии, засверкали огненные взрывы. Так же, как ветры, ворвались конные отряды, и так же, как тучи, пронеслись красные знамена. Это так наступала Красная Армия.

А видели ли вы проливные грозы в сухое и знойное лето? Вот так же, как ручьи, сбегая с пыльных гор, сливались в бурливые, пенистые потоки, так же при первом грохоте войны забурлили в Горном Буржуинстве восстания, и откликнулись тысячи гневных голосов и из Равнинного Королевства, и из Снежного Царства, и из Знойного Государства.

И в страхе бежал разбитый Главный Буржуин, громко проклиная эту страну с ее удивительным народом, с ее непобедимой армией и с ее неразгаданной Военной Тайной.

А Мальчиша-Кибальчиша схоронили на зеленом бугре у Синей Реки. И поставили над могилой большой красный флаг.

Плывут пароходы — привет Мальчишу!

Пролетают летчики — привет Мальчишу!

Пробегут паровозы — привет Мальчишу!

А пройдут пионеры — салют Мальчишу!

Содержание

ЛР № 060729 от 18.02.92.
Подписано в печать 17.02.94. Формат 60 × 90/16. Объем 28 п.л.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 2. Тираж 30 000 экз.
Зак. № 931.

109033, Москва, ул. Волочаевская, д. 18.
ТПО «Интерфейс»

АООТ «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

12ш
Дорога в Немухин
10
Передвижение на 1 ход
Гусь под арестом
Пропусти ход
Проспи 1 ход
Лиловые горы
7
Замок барона Полипримуса
3 хода назад
5
Очень опасное место
4
Страна Сами городов
Стоп!
Коричневая страна
2
Аптека
1
Начало игры

